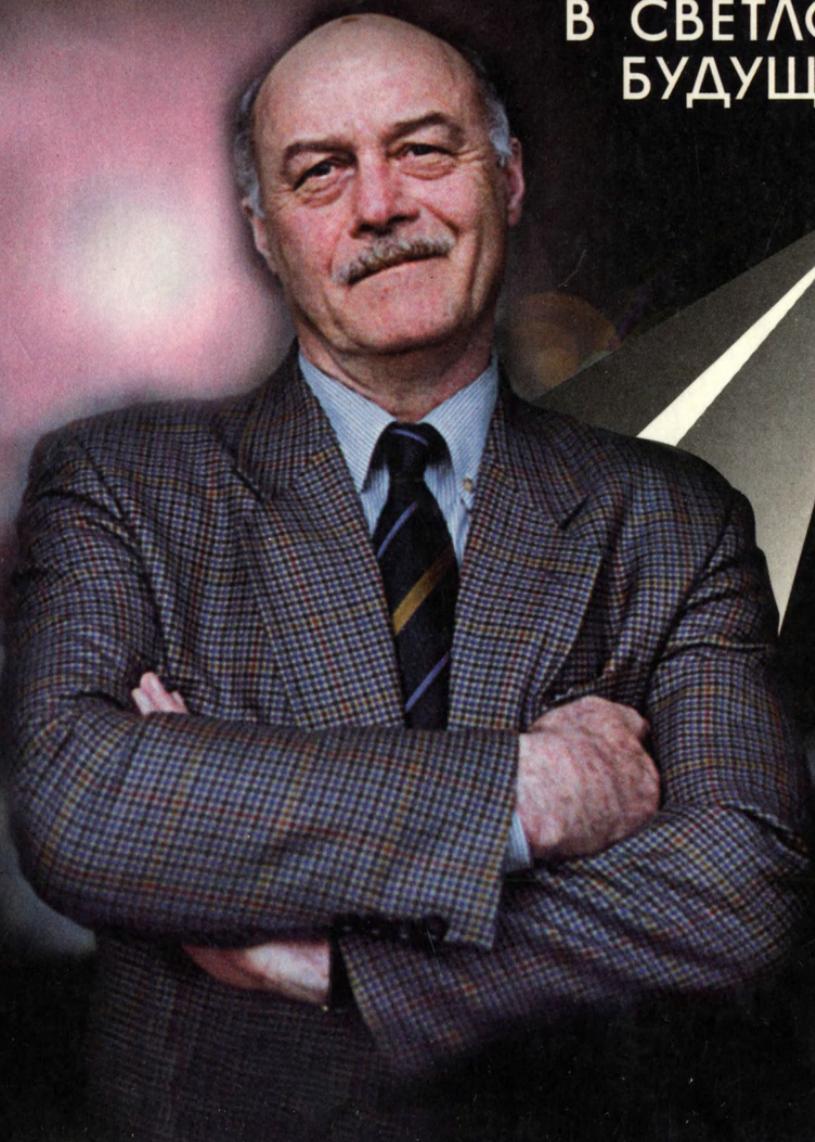

СТРАНА ВОРОВ

НА ДОРОГЕ
В СВЕТОЕ
БУДУЩЕЕ

СТАНИСЛАВ ГОВОРУХИН

СЕРИЯ «БЕСПРЕДЕЛ»

СТАНИСЛАВ ГОВОРУХИН

**СТРАНА ВОРОВ
НА ДОРОГЕ В СВЕТЛОЕ
БУДУЩЕЕ**

НАРВА
ФИРМА «ШАНС»
1994

ББК 84(2Рос-Рус)6

Г58

УДК 882

Серия основана в 1994 году

Художник Хейки Лооман

Внимание! Предупреждаем, право на издание и перевод этой книги принадлежит фирме «Шанс».

Фирма «Шанс» принимает заказы на переводы и издание книг на любом языке.

Телефон для справок: (812)243-12-87.

All rights reserved. This book is protected by copyright. No part of it may be published, translated, or reproduced without the prior permission of the Copyright owner.

The «Shans» Company takes orders for the translation and publication of books in any language.

Phone for information: (812)243-12-87.

Говорухин С. С.

**Г 58 Страна воров на дороге в светлое будущее/
Худож. Х. Лооман.— Нарва: Фирма «Шанс», 1994.—
400 с.— (Беспредел).**

ISBN 5-900740-04-8.

«Восемь лет с начала перестройки я потратил на то, чтобы показать обществу, предупредить его о самой главной опасности, надвигающейся на него — уголовном терроре».

Новый сборник С. Говорухина объединяет ряд публикаций, сценариев, написанных за последнее время, по которым сняты фильмы. К сожалению, общая тенденция новых псевдодемократов замалчивать или по-своему интерпретировать любые произведения, не допустили часть этих фильмов до широкого экрана. Всем известная обструкция автора по каналу Останкино в «Новой студии» К. Прошутинской, неумело сделанный монтаж — якобы прямой эфир — только подогрели интерес публики к творчеству Говорухина, не дав возможности ознакомиться с его новыми работами.

Создавшийся пробел мы восполняем изданием этой книги.

Г 882000000

ББК 84(2Рос—Рус)6

ISBN 5-900740-04-8

© С. С. Говорухин, 1994
© Оформление. Х. Лооман, 1994
© Фирма «Шанс», 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

"Всякое искусство совершенно бесполезно", — говорил великий парадоксалист Оскар Уайльд.

8 лет с начала перестройки я потратил на то, чтобы показать обществу, предупредить его о самой главной опасности, надвигающейся на него, — уголовном терроре. Не я один, но и я тоже понимал уже тогда, восемь лет назад, что страна эта, если не остановить определенные процессы, очень быстро превратится в сплошную уголовную зону.

Я даже снял три фильма об этом, своеобразную трилогию о России. Об уголовной России.

В первом фильме (он назывался "Так жить нельзя") уголовная тема была основной. Автор напрямую заявлял: надвигается уголовный террор. Фильм имел ошеломительный успех. Но никто не заметил главной темы. Одно поняли люди из этого фильма: будут судить коммунистов. И начали поспешно освобождаться от партийных билетов. После фильма изменился политический климат в стране, резко поубавилось коммунистов. Одни замерли в страхе (что будет?), другие начали судорожно перекрашиваться в демократов.

Преступники же стали размножаться, как сорняки на заброшенной грядке.

Последний фильм назывался "Великая криминальная революция". Автор уже и выводов не делал, он только зафиксировал создавшееся в стране положение: уголовники победили на всех фронтах. Фильм не произвел никакого впечатления на общество. Его попросту никто не увидел. К тому времени люди с криминальным

сознанием сидели на всех этажах власти и контролировали все, включая и телевидение, для которого этот фильм и был снят.

Таким образом я убедился, насколько был прав Оскар Уайльд, говоря, что "всякое искусство совершенно бесполезно". Во всяком случае, обществу никакой пользы мое творчество не принесло. Теперь уж оно может вызвать только искусствоведческий интерес. Вдруг кому-то интересно узнать, как она протекала, моя война с преступностью, каковы были ее этапы.

Книга, лежащая перед вами, как раз об этом.

Станислав Говорухин

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВОЙНА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Вот уже который год я изучаю преступность. Невольно, конечно. Попутно с основным занятием — со съемками. Во время работы над детективом приходится тесно работать с милицией, читать специальную литературу, встречаться с подследственными, с осужденными, бывать в тюрьмах. Задумал публицистический фильм — и опять литература, пресса, встречи с юристами, учеными-криминологами. Разговоры по ходу дела, интервью, брифинги, фильмы для внутреннего пользования. Сбор фактов, анализ наблюдений. Да сегодня и искать, собирать ничего не надо — жизнь сама предоставляет криминальный материал, какой и сколько угодно.

Звонит соседка. Плачет:

— Станислав Сергеевич, у вас нет бутылки водки?

— Что случилось, Леночка?

— Машину украли. Зашли мы на пятнадцать минут к маме... Новая машина. Всю жизнь на нее собирали.

— А водка тебе зачем, Леночка?

— Да Леня же... (Леня — это муж). На нем лица нет!..

И точно: здоровый мужчина, а беспомощен, как ребенок — растерян, подавлен обрушившейся бедой.

Поехал как-то в Матвеевское, в Дом кинематографистов спокойно поработать. Сижку пишу, а внизу шум. Что случилось? Только что

обокрали режиссера Светлану Дружинину. Похватали все, что успели за три минуты,— она отсутствовала пять. Магнитофон, деньги, документы.

Вызвали милицию, пришел молоденький лейтенант. Стал составлять длинный протокол:

— Пол? Год рождения?..

Как вы думаете, найдут воров? Или составлением сего документа дело — благополучно? — закончится?

А ведь это дом ветеранов кино. Нас, помоложе, пускают сюда поработать, если есть свободные номера. А вообще-то здесь живут пожилые заслуженные люди. Постоять за себя им уже трудновато. За ними, за каждым их шагом наблюдают рассыпавшиеся в кустах мускулистые парни.словно вражеский десант какой-нибудь. Чуть зазевался — прыг в дом! Это — сегодня. А завтра просто зайдут, придушат и возьмут, что надо.

Снимали на Троицу в церкви. Красивая деревянная церковь в Удельной. Уцелела чудом — 90% храмов Москвы и Подмосковья погибли. Волшебная литургия. Крестный ход. Много людей, у каждого в руках полевые цветы, молодые березовые ветви. Добрые улыбки, благостные лица. Отъехали на километр от церкви — драка. Побоище! Мы застали финал: победители прыгали в автомобили и отъезжали. Победенные остались лежать на земле. Молодые парни. Окровавленные, изуродованные. Пьяные, конечно. Многие не могут подняться. Женский вой висит над полем боя.

Дрались цепями, железными прутьями, не обошлось без ножа. Упавших убивали ногами. Изуверство... Откуда такая жестокость, такая ненависть друг к другу? Солдаты, поднимавши-

еся в штыковую атаку, не испытывали такой ярости.

Нет, за материалом сегодня ездить никуда не надо.

Звонит мой оператор. Вытащили бумажник — в нем были все деньги, документы. Вор позвонил (в бумажнике лежали и телефонные счета), сказал:

— Давай еще денег — верну документы.

Вора мы с сотрудниками милиции поймали. Назначили ему свидание, выследили и взяли. Бумажника при этом у него не оказалось. Потом нашли и бумажник с документами. Вычислили, догадались, где он может быть спрятан.

Вор — молодой парень, отвратительной внешности (по мне — все воры отвратительны), из Телави. Где проживает в Москве, не говорит. В кармане чужой студенческий билет. Про бумажник с документами ничего не знает, "понятия не имеет".

— Вынуждены его отпустить, — говорят мне.

— Как?!

— Не имеем права.

— Хоть позвоните в Телави, узнайте, кто такой!

Позвонили, узнали: квартирный вор, рецидивист. И — отпустили.

А иначе — съест пресса, замучает упреками, устанешь писать объяснения. В прежние времена — проклятого застоя! — хоть просидел бы этот ворюга в КПЗ суток пять-десять. Маленький, да урок.

Трудный мне достался материал.

Разве можно без содрогания рассматривать фотографии, на которых изображены тру-

пы... освежаванных людей? Убийцы содрали с них кожу!

Можно ли, не сжавшись в темном зале от внутреннего ужаса, рассматривать на экране изображение малолетнего преступника, внешне — такого пай-мальчика, — он с товарищами изнасиловал собственную мать!

А вот девочки с накрашенными глазками, нарумяненными щечками. Им по одиннадцать-двенадцать лет. Они — проститутки! Их отбирают для богатых "шейхов" из Средней Азии.

Волна преступности захлестнула страну. Улицы наших городов пропитаны тлетворным духом уголовщины. Вор, грабитель, убийца уже ломится в дверь нашего дома!

Преступность нынешних масштабов не даст осуществиться ни одному из наших начинаний. К сожалению, понимают это далеко не все. Еще на Съездах народных депутатов эта проблема поднималась... обсуждалась... Но ни к чему осязаемому это не привело. А все потому, что общество — думаю, что и правительство тоже, — не имеют перед собой ясной картины масштабов преступности. Сейчас, в 1994 году, что-то вроде сдвинулось с мертвой точки... Не поздно?

Мы частенько ругаем прессу за перелесты, а она многого не договаривает. Мы ужасаемся цифрам статистических данных — они действительно ошеломляют! — но статистики фиксируют от силы половину совершаемых в стране преступлений.

Существует латентная — скрытая — преступность. Многие ограбленные, избитые не заявляют в милицию. На большинство мелких происшествий из разряда хулиганства и краж не

заводится уголовных дел, следовательно, они не попадают в сводки.

Ни в коей степени не отражает статистика и масштабов взяточничества.

Борьба с фантомом мздоимства — это борьба с заранее известным исходом. Обрубая одну голову — вырастают две другие. Взятки, их размеры растут — и только. Брать-то становится опаснее. Армия нечистых на руку чиновников будет набирать мощь, покуда в ходу, действуют механизмы, утверждающие взятку как способ устраивания любых делишек.

И, наконец, мы превратились в страну повального воровства. Мы чуть ли не все воруют что-нибудь. Несем с заводов и фабрик: сахар, кофе, чай, конфеты, гайки, доски, транзисторы, бумагу. С полей — свеклу и морковь, капусту и картошку. Приватизация это приостановила — надолго ли?

В какой еще стране крадут автомобильные щетки? Лично я "другой такой страны не знаю".

Воровство в особо мелких размерах. В нравственном смысле это — катастрофа!

А кто, скажите, какие милицейские статистики в состоянии зафиксировать количество уличных преступлений?

Казань, Чебоксары, Дзержинск — названия этих городов не сходят со страниц прессы. Читать страшно. А жить?

Идет мальчишка в Казани по улице, к нему подходят несколько подростков:

— Из какого района?

— Из Вахитовского.

И — бац трубой по голове. Мальчишку — в реанимацию. Если не в морг.

Таких городов с криминогенно опасной атмосферой все больше и больше. Военкомы жа-

луются: призывать в армию некого, у многих мальчишек тяжелые травмы головы. Нашим генералам пора подумать не столько о тех, кто уже служит под их командованием, сколько вот об этих мальчишках, которым скоро предстоит взять в руки оружие и защищать Родину.

Наша завтрашняя армия там — на грязных и темных улицах наших городов. Она, увы, небоеспособна!

"Пришло наше время..." Я взял эту фразу из письма, отправленного на волю из мест заключения. Вор в законе призывает товарищей действовать посмелее — "пришло наше время!".

А торгаши, перекупщики, валютчики, "каты" и прочая мелкая рыбешка, не стесняясь, в открытую заявляют:

— Наступил наш золотой век!

Где корни, глубинные истоки нынешнего разгула преступности?

Ученые с научной обстоятельностью называют многие причины. Однако на разветвленной дороге истории преступности есть одна тропинка, на которую долгие годы почти не ступала нога исследователя. Потому что в начале этой тропинки лежал, как в старой русской сказке, бел-горюч-камень, на котором было написано: "Пойдешь — голову сломишь". Другими словами — поломаешь себе научную карьеру.

В 1917 году, когда распахнулись двери тюрем, из них вышли не одни революционеры. Революционеров там сидело ничтожно мало, да и тех, что были, не назовешь кроткими агнцами.

Уголовники разбрелись по стране. Многие из них охотно влились в ряды тех, кто с невиданной яростью стал рушить старый мир. И этим тоже можно объяснить безжалостное уничтожение аристократии, духовенства, интелли-

генции — цвета русской нации. Зачастую с женами и детьми, с кухарками и домашними врачами — как это было с многострадальной семьей Романовых.

В семнадцатом году состоялся знаменитый "сходняк", на котором представители уголовного мира проясняли свое отношение к новой власти. Они дружно постановили: "Власть своя, родная. Надо ее поддержать!". Знает ли читатель, что жестокий садист и убийца Ленька Пантелеев, главарь известной в Петрограде двадцатых годов банды, был сотрудником ВЧК? А известен ли читателю такой любопытный факт: знаменитый бандит и убийца Мишка Япончик, герой многочисленных литературных произведений, завершил свою карьеру службой в Красной Армии с отрядом таких же, как он сам, головорезов. Правда, был расстрелян красными. За трусость. Но факт остается фактом.

А вспомним первые лозунги революции. И что из них получилось через считанные месяцы после октября 1917-го?

"Вся власть советам!" — и власть — безраздельная — перешла к партийной верхушке.

"Земля крестьянам!" — и у кормильца России отобрали не только землю, но и последнюю лошаденку.

"Хлеб голодным!" — и от голода стали умирать миллионы людей. В стране, владеющей 70% мирового чернозема.

"Мир народам!" — и стрельба по своим и чужим продолжалась 70 лет.

В истребительных сталинских лагерях щадящий режим был организован только уголовным элементам. Между НКВД и ворами был заключен почти официальный "конкордат"; уголовники быстро уяснили свою задачу: помогать властям в

уничтожении "врагов народа". Об этом свидетельствуют все, кто вырвался из лагерного ада, дожил до наших дней или оставил посмертные записки. Можно сослаться хотя бы на Варлама Шаламова, на его "Очерки преступного мира" и "Колымские рассказы".

Только в нравственно здоровом обществе возможно организовать достойное сопротивление преступности. А о каком нравственном здоровье нации можно говорить, если десятки лет сознательно уничтожался лучший генофонд страны? Сколько их погибло — в подвалах Лубянки, у угольных куч, за околицей деревни! Умных, благородных, порядочных! С ними вместе ушли из общества, перестали цениться понятия чести, благородства, порядочности.

Больные клетки пожрали здоровые.

Человеческое достоинство, честь и благородство, совесть и порядочность! Когда общество перестает с благоговением относиться к этим понятиям — все, конец! Питательная среда для разгула преступности готова.

Специалисты в один голос утверждают: растет не только количество преступлений — возрастает жестокость, с которой они совершаются. Вспомним средневековую дикость во время событий в Фергане, в Сумгаите. Откуда все это?

Главное преступление сталинского режима — создание нового типа человека. Воспитанный в атмосфере лжи, предательства, холопией преданности вождю, он вырос в обществе, где сместились, приобрели обратный смысл многие понятия: белое стало называться черным, честь и благородство — пороком, донос на ближнего — гражданской обязанностью. Такой человек приобрел способность генетически

воспроизводить себе подобных. Навеки поселились в нашем мозгу — страх, в крови — вирусы предательства, в глазах — недоверие. С издевательской ухмылкой мы отреклись в свое время от благородных, доставшихся от прошлого манер и с восторгом стали перенимать ухватки героя булгаковской повести Шарикова, чье имя стало нарицательным для обозначения парвеню советского пошиба.

У нас даже формы обращения друг к другу нет, заметили? "Товарищ" ушло, "сударей" и "господ" отменили, и прививаются они теперь медленно. Пока различаем друг друга по половым признакам: "Женщина!", "Мужчина!".

Тысячу лет великий народ жил согласно заповедям христовым. Их объявили вредными и пустыми, надсмеялись над ними. И осталось: убий, кради, лжесвидетельствуй, создавай кумира, не почитай ни отца, ни мать.

Делай, что хочешь, ведь нет ни греха, ни ада, ни страшного суда.

Нашего соотечественника, приезжающего впервые на Запад, поражает в первую очередь не обилие товаров в магазинах, не роскошные автомобили, не чистота на улицах, а люди. Другие люди. С другой планеты. Улыбчивые, доброжелательные, вежливые, услужливые. Боже ж мой, до чего мы не похожи на них!

Страна пытается встать на путь возрождения. Трудно по многим причинам, а по одной — кажется просто невозможным. Потому что налицо явные признаки вырождения нации.

До сих пор не выходит из головы сюжет, показанный ленинградской программой "600 секунд". В милицию поступило заявление от пенсионерки Н. о том, что после распития одеколona с молодым парнем означенный субъ-

ект, двадцати семи лет, изнасиловал ее. Как указывает истица: "изощренным способом".

А вот сюжет, показанный московским телевидением. Шел человек по улице, вдруг схватился за сердце и упал в снег (имитация). Несколько прохожих прошли мимо, никто не бросился на помощь, не вызвал "скорую". Но вот идет молодой человек в рабочей одежде, в руках ящик с инструментами. Вот он увидел лежащего на снегу человека, шагнул к нему. Наконец-то! — вздыхает облегченно зритель. Молодой человек между тем наклонился к пострадавшему, сорвал с его головы шапку, оглянулся по сторонам и отправился восвояси...

Дети выкрали покойника из морга, варили в котелке голову, фотографировались рядом с трупом (об этом писала "Комсомольская правда").

Юная женщина родила ребенка, выбросила его в помойное ведро и пошла в соседнюю комнату допивать водку — таким сообщениям мы уже не удивляемся.

64-ое отделение московской милиции расследовало как-то одно дело. Мальчишки всего класса — эдакие юные бизнесмены — снимали по ночам с автомашин стекла, зеркала, молдинги, щетки и сдавали в кооператив по ремонту автомобилей. Те брали!

Нашему соотечественнику не нужно объяснять, что такое толкучка. Знакомо каждому. А вот на живописном одесском "толчке" довелось побывать не всякому. Мы как-то сподобились — посетили. Зрелище, скажу вам, поучительное.

Суббота, раннее утро, май месяц. Цветут луга вокруг.

Весь мир в это ранний час едет на уик-энд.

И у нас, как на Западе. На десяток километров растянулась вереница автобусов, такси, личных и государственных легковых автомобилей. Подъезжают к загородке в степи — там, плечо к плечу, тысяч тридцать пять-сорок народу. Милое развлечение граждан независимой Украины, по преимуществу русских.

Одесситы, не лишенные самомнения, любят говорить, что на одесском "толчке" можно купить все. Даже ядерную бомбу. Может быть. Хотя основной фон создает дешевка — обувь, одежда, которые за рубежом даже не выставляются на прилавки солидных магазинов.

Очень много на толчке молодых парней — спортивных, с накачанными мышцами. Жуют резинку. Эдакое канадское НХЛ. Все что-нибудь продают. Женские трусики, косметику, лифчики. Не стесняются. Даже не отворачиваются, увидев взгляд кинокамеры.

Стоит парень: в одной руке джинсы, в другой — джинсы, на пояс прицепил джинсовую юбку. Уже как бы не человек, а символ. Символ немужчины. То есть он, конечно, сохранил все мужские атрибуты: мышцы, растительность на лице... то, что носят в гольфике. Но уже не мужчина. Трудно поверить, что такой способен защитить старика, женщину, ребенка.

Вот стоят рядом парень и девушка, продают — каждый свое. Вполне возможно, что до этого дня они не были знакомы. А теперь познакомятся, понравятся друг другу. В следующую субботу встретятся снова. Он принесет продавать набор женских трусиков, она — колготки. Вечером назначат свидание друг другу. (Я попрошу читателя озвучить эту воображаемую сцену музыкой из "Ромео и Джульетты")

Прокофьева). Дальше — больше, и вот... Поженились, нарожали детей.

Какими они будут, их дети?

Хуже всех сейчас живут старики и люди, стоящие на пороге старости. Всю жизнь они много и честно трудились на благо державы. Жили в нищете, в бараках, в коммуналках. Думали: завтра будет лучше. Потом надежда исчезла. "Ладно,— махнули они на себя рукой,— но зато наши дети будут счастливы!". Выросли дети, а просвета все нет. Осталась слабая надежда: "Внуки...". Но выросли и внуки.

Что им делать? Ждать они устали и надежд никаких не питают. Тогда что? Помирать, так и не увидев, что жизнь изменилась к лучшему?

Рассмотрим еще одну, куда более многочисленную категорию населения. В противоположность первой группе эти люди молоды, полны сил, у них вся жизнь впереди.

Слегка перефразируем Маяковского: "юноши, обдумывающие житье...". До чего же они додумались на сегодняшний день? А вот до чего: честным трудом прожить нельзя! Весь опыт окружающей жизни, опыт их родителей говорит об этом. То есть, конечно, можно, но... Тут очень много всяких "но". Нужно долго учиться, много работать, и это еще не гарантия. Надо, чтобы очень повезло, нужен блат, чтобы попасть в институт, устроиться на престижную должность в хорошую "фирму" (обратите внимание, слово "блат" пришло к нам из блатного мира, заменив нормальное человеческое — "протекция"). Словом, путь рискованный, ненадежный. А тут еще инфляция. Во что она превратится завтра, твоя зарплата? В кучу бумажек? А ведь существуют более легкие и быстрые способы

заработать деньги. Причем сколько угодно. И те, кто пошел по этому пути, не мучаются угрызениями совести, да еще и смотрят на тебя свысока.

В Москву теперь на "гастроли" приезжают группы подростков из восточных районов страны. Живут в старых, идущих на капитальный ремонт домах. По вечерам избивают и раздевают своих сверстников-москвичей. Окружат мальчишку-москвича плотной группой и говорят: "Давай одежкой махнемся!". Попробуй не согласишься. Случается, уголовный розыск проводит на "гастролеров" облавы. Берут их человек по сорок. Потом, конечно, отпускают.

Ребята охотно вступают в разговор с сотрудниками угро. Рассказывают, что приезжают в Москву "приодеться", да и просто погулять-повеселиться.

Криминальная статистика отмечает: преступность резко помолодела. Ежедневно, ежечасно уголовный мир пополняется многочисленными добровольными рекрутами из среды молодежи. Вот где главная опасность для нашей страны.

Чтобы спасти наших детей, нужно не так уж много. Нужно, чтобы молодые люди поверили: честным трудом прожить можно. А значит, завтра станет еще лучше, послезавтра станет лучше намного.

Вот и все. Что следует делать — пусть подскажут ученые. Если нужно залезть в долги, значит, надо залезть в долги. Если нужно от чего-то отказаться, значит, надо отказаться. Альтернативы у нас нет. И более священной задачи у нас нет.

К тому же резервы у нас огромные. Могучая страна. Умудряемся помогать другим даже в эти нелегкие времена.

Когда страна богатая, а народ бедный — это преступление. К сожалению, оно пока не расследуется, да и нет у нас суда, куда можно было бы передать такое "дело".

Ограбленные, избитые, оскорбленные люди. Мальчишки с пробитыми головами, девочки-проститутки. Матери, потерявшие детей. Женщины, лишившиеся любимых.

Не на войне — в мирное время.

Опомнитесь! Я призываю правительство, парламент, все общество — опомнитесь, пока не поздно!

Впрочем, уже поздно, тысячу раз поздно! Мы проворонили многие фазы, на которых еще можно было вести борьбу с преступностью демократическими и даже гуманными методами. Теперь, по-моему, только страх, страх и мощные ответные меры могут остановить криминальный вал. Остановить, но не погасить. Нынешний пожар преступности невозможно загасить, его можно только локализовать — не дать огню перекинуться на нетронутые территории. Эти нетронутые территории — наша молодежь, та ее часть, которую пока не накрыло черное крыло уголовщины.

Мы ведь плодим преступников, плодим, как тараканов!

Остановить их размножение! Любими средствами. Вот задача общества на сегодняшний день.

Совершенно ясно, что одна милиция победить разросшуюся преступность не сможет. Эта задача по плечу только всему обществу, всему народу. И он обязан укреплять свою милицию,

поднимать ее авторитет. Мы очень несправедливы к милиции в целом. Наш милиционер — герой самых обидных анекдотов. Но если бы мы знали: в каких трудных условиях приходится работать сотрудникам милиции, как плохо она технически оснащена, как развиты внутри нее бюрократизм и бумаготворчество, как сами сотрудники абсолютно не защищены законом, как в борьбе с преступником связаны у милиционера руки и ноги, закрыты черной повязкой глаза! В конце концов мы имеем то, что заслуживаем. И наша милиция ничуть не хуже нашего сельского хозяйства или автомобилестроения.

Все у нас на одном уровне. Выпускаем одежду, которую неудобно носить, строим дома, в которых неудобно жить, снимаем кино, которое невозможно смотреть, и имеем милицию, которая не в состоянии нас защитить.

За годы тесного общения с ее сотрудниками я понял одно: в милиции — за средненькую зарплату, рискуя жизнью, не зная ни сна, ни отдыха, понимая, что не только преступник, но и обыватель за глаза называет тебя ментом и легавым, — могут работать или люди, ищущие личных выгод, или же люди высокой гражданской сознательности.

Относясь с недоверием ко всем без разбора представителям правоохранительных органов, мы оскорбляем достойнейших представителей нашего человеческого содружества. Тех, благодаря кому порядок в стране, несмотря ни на что, еще сохраняется, без кого мы завтра же вступили бы в эру уголовного террора.

И тем не менее страна, не мешкая, должна начать энергичные действия по созданию новой милиции — компетентной, профессиональ-

ной, неподкупной (то есть высокооплачиваемой). Не может здравомыслящее общество позволить себе роскошь содержать милицию, состоящую из "кого угодно". Только самые достойные должны вливаться в ее ряды. Как в Америке — по жестокому конкурсу. Как на актерский факультет ВГИКа — пятнадцать человек на место.

Вот еще одна жизненно необходимая мера, которую необходимо срочно предпринять, если мы хотим сохранить себя для будущего, что там — просто уцелеть.

Правительство знает, что война уже идет. Не знает сам народ.

Пора бы объявить ему, мобилизовать на эту войну его лучшие силы.

"ЗА ВСЕ ЗАПЛАЧЕНО"

(О международном московском кинофестивале)

В один прекрасный июльский день, ровно в восемнадцать часов на главную фестивальную сцену страны, взявшись за руки, вышли две сестры — Убожество и Безвкусица. С иностранцами случился шок, надо было видеть их лица. Даже мы, "свои", понимавшие, что "хорошо" быть не может, такого "плохо" не ожидали. Право, прежние "застойные" сестренки — Строгость и Торжественность, открывавшие московские кинофестивали, выглядели получше.

А ведь открытие — это запев. От того, правильно ли будет взята первая нота, зависит, как будет спета вся песня.

О церемонии открытия фестиваля можно было сказать одним словом. Но оно неприличное. Поэтому я сказал двумя.

На меня кинофестиваль произвел удручающее впечатление. В нем, как в маленькой действующей модели, проявилось все дурное, что есть в нашей стране.

Удивляются господа из зарубежья: всем все "до лампочки", никто ни во что не верит, грубость и хамство стали визитной карточкой загадочной славянской души. Водитель государственного такси требует четвертак (\$2,5)* за проезд от "России" до Пресни. Девки, наоборот, отдаются задаром, а они, иностранцы, наслышаны о том, что московские проститутки стоят невозможно дорого. Если раньше иностранец наблюдал за длинной московской очередью из окна автобуса, то теперь осознал, что это такое, находясь уже внутри нее — нужно выстоять невообразимую очередь в душном зале для того, чтобы получить тарелку пищи. О качестве ее лучше не говорить...

— Не нервничай, Матьё! — утешал я западногерманского актера и режиссера Матьё Каррьере, который в таких случаях всякий раз бледнел от злости.— Наблюдай и запоминай! Такого ты нигде ни за какие деньги не увидишь.

Программу фильмов я видел далеко не всю. Наблюдал больше "тусовку" внутри и вокруг фестиваля. Откровенно, она меня больше всего и интересовала. Потому что, повторюсь: каждое масштабное мероприятие — это малень-

* С момента написания некоторых глав этой книги цены в рублях сильно скакнули вперед. Для удобства читателя мы переводим их в доллары (по рыночному курсу того времени) и даем в скобках. Хотя и доллар на наших глазах "потерял в весе" раза в 3. Так что — считайте и сами.

кая модель того, что происходит в стране. Так что чего уж в ней интересного — в официальной части?

Фестиваль открылся и покатился по московским ухабам. Конкурсная программа меня мало интересовала. Мнения же компетентных лиц были совершенно "разные". Одни говорили: тоска. Другие: скучища. Попробуй разберись, кто тут прав. Правда, имелось третье мнение, отборочной комиссии: "Представлено все многообразие мирового кинематографа". Стало быть, информация о состоянии мирового кино, которой мы располагали, была неверна. Дела в мировом кино обстояли хуже, чем у нас.

Об отсутствии на фестивале кинозвезд и акул кинобизнеса было много разговоров. Любопытна реплика Бориса Бермана, руководителя пресс-центра: «Список "звезд", не приехавших на фестиваль, мог бы составить честь любому престижному кинофестивалю».

И все-таки почему они не приехали, "звезды" экрана? Странно. Интерес к нашей стране на Западе был по-прежнему велик. Так почему же? Как-то встретил на фестивале Юрия Ходжаева, председателя Совинтерфеста, спросил его.

— Наивный ты человек,— ответил он мне.— Кто поедет на наш фестиваль? Ты мне лучше скажи, почему те, кто все время мотается за границу, никого не привезли?

Вопрос резонный. Наши кинематографические боссы предшествующие три года покружили достаточно и по Европам, и по Америкам. Наверное, завели личные контакты. Могли бы кого-то пригласить лично, уговорить приехать, дабы поднять престиж, авторитет отечественного кино.

И тут я вспоминаю одну достаточно привычную для нашего Дома кинематографистов сценку. Поздним вечером в ресторане сидит группа американцев и среди них "звезда" первой величины — актер Джон Войт. Стол у америкашек по-монастырски гол, только вода да пустая бутылка из-под шампанского. А жрать хотят — невооруженным глазом видно. Вытаскивают из карманов смятые суточные, скидываются еще на пару шампанского. Потом пытаются поймать официантку. Куда там! Те носятся по залу с дымящимися шашлыками, с батареями бутылок на подносах. Спешат обслужить клиентов "покруче"...

Я и сам бывал за рубежом, имею представление, как нас там встречают. Не оставляют без внимания ни на минуту, стараются показать самое интересное, накормить самым вкусным. Когда иностранец, принимавший тебя Там, приезжает в Москву, хочется вывернуться наизнанку, чтобы не ударить в грязь лицом, чтобы уберечь его от хамства гостиничного персонала, от безумств нашего сервиса, чтобы создать хотя бы подобие того, что мы видели Там.

Смотрю я на несчастных, потерянных америкашек и думаю: неужто никто из "наших" не встречался с ними на их территории, не пользовался их гостеприимством? Почему же сейчас никого из них, из хозяев, нет за столом гостей?

Национальный характер постепенно теряет лучшие свои черты. Вероятно, скоро исчезнет и самая исконная — русское хлебосольство.

Как-то я наблюдал такую картину. В вестибюле Дома кино сотрудник международной комиссии уговаривал одного из секретарей Союза:

— Пойдем, старик, пообедаем. Ты не волнуйся, за все заплачено! Ну что я один буду с ней сидеть?

Секретарю в тот раз было некогда, а может быть, тоже было неинтересно — "с ней".

Я подумал: о ком речь? Оглянулся и увидел маленькую немолодую уже женщину. "Батюшки! Это же Джульетта Мазина!" Для нас, вгиковцев шестидесятих годов, она была богиней. Актрисой номер один мирового экрана. Богиней она и осталась, и останется навсегда в наших сердцах. Какое счастье прикоснуться губами к ее руке, побыть с нею рядом, хоть как-то скрасить ее пребывание в скучной стране!

На этот раз "звезды" не приехали. И, по-моему, правильно сделали.

Фестиваль едва отшумел, а о нем уже было написано-переговорено... Первая оценка единодушна: не удался, не получился! А как он мог получиться? Что может выйти из ничего, из пустоты, из вакуума?

До этого я был дилетантом в фестивальных проблемах, но к XVI Московскому за плечами были "Одесская альтернатива" и "Золотой Дюк". Пожалуй, они осуществились процентов на пятьдесят от задуманного. Но какого это от всех потребовало напряжения, сколько было потрачено сил, энергии, нервов! К сожалению, нашармачка ничего не проходит.

А многочисленный авторский коллектив, который готовил Московский фестиваль? Или собрались здесь люди малоодаренные, не энергичные и не инициативные? Но это же не так. Среди готовивших в течение двух лет Московский кинофестиваль много звучных кинематографических имен, всем известно, что они не обделены ни талантом, ни неумемной энергией, ни

организационным размахом. К сожалению, и талант, и энергия, и размах проявляются лишь когда дело касается личной выгоды, к примеру, зарубежной командировки или совместных, с Западом, съемок. То есть когда можно что-то взять. А вот когда нужно отдать — отдать талант, время, здоровье людям, обществу, кинематографу — вся предприимчивость, весь деловой азарт бесследно исчезают. Да простит мне Господь, если я несправедлив к этим людям!

В одном из фестивальных "круглых столов" участвовал мой друг, человек, которого я уважаю, но с которым все время спорю. Объясняя иностранным гостям ситуацию в кинематографе, он с неподдельной страстью убеждал их:

— Вы не представляете, какой у нас зритель, какой у нас плохой зритель!

Ладно, я с ним вынужден согласиться. Только сказав "а", надо говорить и "б". Если безнравственно общество, в котором мы живем, то безнравственны и мы — его художники!

На этом можно было бы поставить точку.

Но время сейчас такое, что любое событие крупного масштаба видится в непривычном ракурсе. Речь идет об аспекте криминальном.

Профессиональный клуб кинематографистов закрыли из-за — не скажу криминогенной — но... неприятной сложившейся в нем атмосферы. По этой же причине в разгар фестиваля был закрыт пресс-бар.

Ошалелые иностранцы метались вечером по гостинице, пытаюсь найти место, где можно выпить, перекусить или спокойно поговорить — ради последнего большинство деловых людей и ездят на фестивали. Около полуночи в квартире режиссера Сергея Соловьева (я как раз был там)

раздался телефонный звонок. Звонил министр кинематографии одной не очень к нам в тот период дружественной страны:

— Серьежа, будь другом, привези хотя бы бутылка воды!

С булькающей авоськой в руках мы поехали в "Россию".

Пресс-бар закрыли по причине драки, которую устроили наши актеры. Актерская компания вела себя отвратительно. Однако драка стала только поводом для решительных действий соответствующих служб. Настоящая причина — создавшаяся в зале взрывоопасная обстановка.

Я бывал в пресс-баре и на предыдущих фестивалях. Всегда туда известными только им путями пробирались посторонние люди, любители потереться в кругу богемы. Но не в таком количестве!

Мы с нашими деловыми партнерами, немцами, появились в пресс-баре "России" на второй день его работы. По длинной, душной, словно сауна, кишке плохо освещенного зала бродили, как неприкаянные, иностранные гости. За столами сидели хозяева. И в основном не кинематографисты, не актеры, не критики, не люди театра — непонятно кто. Как они просочились через двойной кордон — неизвестно. Хотя... Если верить сообщению "Московского комсомольца", аккредитационная карточка стоила на черном рынке от 500 до 1 000 рублей (\$ 50—100). Впрочем, цены корреспондент явно преувеличил.

Мы с немцами огляделись: стулья, подоконники, места у стойки — все занято. И тут меня узнали за одним из столов (спасибо Соловьеву и его "Ассе" за подаренную мне репутацию

"крестного отца"). Молодой, полноватый крепыш с тяжелой золотой цепью на шее протянул руку, представился:

— Август.

Я тоже назвался.

— Вас мы знаем. А эти кто?— кивнул он на моих спутников.

— Немцы. С Запада.

— А-а, фашисты! Зелени у них нет? Берем за любую цену.

Я поморщился, он с ходу врубился и переменял тон.

— Все! Понял. Вас понял. О делах ни слова. Садитесь.

— А куда садиться-то?— поинтересовался я.

— Пока на наши стульчики, сейчас мы принесем другие,— и Август с двумя приятелями бодро направились куда-то в глубь зала.

Я недоверчиво посмотрел им вслед: ну где тут взять стулья, если даже подоконники заняты? Но Август с лучезарной улыбкой на лице уже двигался обратно, держа в вытянутой вверх руке стул. Позади тащились два его соратника, держа по два стула каждый.

Потом, когда мы выпили, я спросил Августа:

— Слушай, а где ты достал стулья?

Он подмигнул и загадочно произнес:

— Ленин с нами!

Позже смысл этой фразы мне объяснил один мой опытный товарищ. Оказывается, стул в пресс-баре стоил червонец (\$1). Нынче ведь торгуют всем: телом, аккредитационными карточками. Отчего же не торговать и стульями? Стал мне понятен и смысл фразы "Ленин с нами" — на десятирублевой ассигнации помещен

портрет Ленина. И этих красненьких "портретов" в карманах моего нового приятеля было более чем достаточно.

Август с компаньонами, скорее всего, не законченно криминальные типы, наоборот — подобные им современные нэпманы, нувориши находятся "под колпаком" у уголовщины. Так называемый виктимный тип. (Wictimе по-французски — жертва). Но если есть жертва, значит, где-то рядом есть и бродит преступник.

Не ходите, девки, в ПРОК. Ой, не надо, не ходите!

Вот Ирина Алферова пошла. И что получилось?

Мужской и женский туалеты в Киноцентре имеют общий холл. Стоит Ира у зеркала, причесывается. Входят два парня.

— Смотри, мля, Алферова!

— Иди ты! А я, мля, не узнал.

— Богатая буду, — нашлась Ира.

Тут один из парней взял ее грязными пальцами за подбородок и прошипел:

— Богатая ты будешь, когда я тебе, мля, мешок денег принесу! А потом поставлю тебя...

Далее все сплошь непечатное.

Появилась другая артистка, попыталась заступиться:

— Как вы смеете так разговаривать с актрисой!

Ишь ты, какая цыпочка! С ней уж вообще не стали церемониться, взяли за горло, потащили в туалет:

— Сейчас мы тебя мордой в унитаз!

Но, видимо, замешкались на секунду, пока решали, в какой туалет приличнее тащить — в мужской или в женский.

В общем, кое-как отбились девки.

А хозяева жизни направились в зал — развлекаться.

Но надо знать Иру Алферову, бесстрашную и мужественную женщину. Она под пулями в Афганистане не дрогнула, а уж в такую там переделку попала... Ну и тут ей, вишь, недостаточно показалось, что ее не убили, не прирезали у входа в туалет. Ей еще фамилии обидчиков подавай! Пошла выяснять. Подняла на ноги милицию, руководство клуба. Тут к ней подошел человек и тихо сказал:

— Я вам очень советую, оставьте ваше занятие.

— Я требую сказать, кто они такие! — закричала на него Ира.

Человек еще больше понизил голос и произнес со значением:

— Это очень уважаемые люди!

Все это происходило в ПРОКе — профессиональном клубе кинематографистов на Красной Пресне. Но сам по себе клуб и его программа однозначного приговора не заслужили. Если и было на фестивале что-нибудь действительно интересное и талантливое, то это ПРОК. Придумал его (еще на прошлом фестивале) и осуществил Юлий Гусман — фантазер, режиссер, остроумец, шоумен и блестящий организатор.

На этот раз Гусману удалось многое. У гостя глаза разбегались от разнообразной программы. Хотелось увидеть и то, и другое, и третье. Надо сказать, дневной клуб шибко отличался от вечернего. Днем — деловая часть, рабочая, полезно-информативная. Вечером — развлечения. Поэтому и публика клуба днем была одна, а вечером... Впрочем, и вечером должна бы быть та же.

Но поскольку в те дни в Москве самое интересное происходило на Пресне, сюда стремился попасть весь город. Стремилась-то все, но попадали только те, кто попадает всюду, куда хочет (думаю, что были они и на приеме в Георгиевском зале Кремля, а почему нет?). И не спасли ни железная загородка, выставленная за сто метров от входа, ни кордоны милиции, ни аккредитационные карточки на груди. Вечером в клубе, обтекая редких участников фестиваля, тусовались московская шушера, хозяева жизни — "уважаемые люди". Кинематографисты, поначалу толпой валившие в клуб, недоуменно озирали обтекавшую их толпу, потом с каждым днем чувствовали себя все неувереннее, словно на чужом пиру, и постепенно потеряли интерес к вечернему клубу. А руководители клуба приняли разумное, по-моему, решение — закрыть его. Так было сорвано интересно задуманное дело.

Впрочем, и в самой задумке крылись многие просчеты. Кинорежиссер Роман Балаян, вскоре после открытия клуба, не вынес духоты и децибелов, в страхе бежавший из него, набросился потом на меня с упреками. А надо сказать, что это я уговорил его прийти на открытие:

— Приходи, Ромочка, обязательно, будет что-то крайне интересное!

— Эти ваши одесские шутки!..— с нарочитым акцентом и жестикуляцией стал выговаривать мне Балаян.— То, что проходит в Одессе, в Москве не пройдет!

Тот, кто, подобно Балаяну, не присутствовал на "Золотом Дюке" и поэтому может предположить, что московский ПРОК по форме своей, по атмосфере, а главное, по сути, в чем-то

схож с одесским, глубоко ошибается. Хотя и тем, и другим руководил тот же Гусман.

Я повидал его, поговорил:

— Но ты же опытный человек, должен был предвидеть нечто подобное. Хотя... Ситуация так быстро развивается в худшую сторону.

— Это — во-первых. А во-вторых... Сто человек милиции ежедневно, этого тебе мало? И все равно просачивались.

— Говорят, аккредитации продавались.

— Не знаю. Наши, "проковские", уверен, на сторону не ушли ни одна. Но "Гость", "Служба фестиваля" — эти карточки висели на ком угодно. Мы с милицией конфисковали больше сотни фальшивок — их напечатал Совинтерфест (с надписью "ПРОК") без нашего ведома. Кому они раздавались?

— Ну а цены, Юлик? В самом клубе. Явно же не для кинематографистов: что ни возьми — чашечка чая, горсть орешков, бутылка виски — все втридорога.

— А ты думаешь, Союз или Госкино выделили хоть копейку? Все сделали энтузиасты и кооперативы. А у них цены такие.

— Почему же все-таки закрылись?

— За день до этого вырубился кабель. На пятнадцать минут погас свет. Я почувствовал себя капитаном тонущего "Адмирала Нахимова". Спрашиваю: "Есть гарантия, что он завтра не погаснет?". Гарантии нет. А завтра — Закрытие. Набежит вся Москва. Пока не было ни одного криминального происшествия. А вдруг произойдет в последний день? Тогда... Тогда они все неудачи своего бездарного, напрочь проваленного фестиваля спишут на меня.

— Это правда. У нас любят сваливать вину на того, кто работает.

Словом, праздник Закрытия отменили.

Жаль. Кажется, еще вчера я предостерегал: растущая не по дням, а по часам преступность способна сорвать любое наше благородное начинание. Подтверждения долго ждать не пришлось. А ведь это лишь начало, еще только дыхание преступного мира. Что же будет, когда мы шагнем в полосу уголовного террора? А он придет, я уверен, если мы отступим один раз, другой, если не начнем сегодня же, на всех рубежах, организовывать достойное сопротивление. Задача художника в этой борьбе чрезвычайно велика и ответственна.

Выходя через Спасские ворота из Кремля после приема в честь фестиваля, кое-кто из нас наблюдал такую картину. Трое или четверо милиционеров схватили здорового молодого парня и закинули в машину. И уехали.

— Позор! — возмущалась наша интеллигенция.

— Вот вам ваша перестройка и гласность! — орали иностранцы.

А произошло следующее. Поддавший прохожий сунулся в Кремль, но путь ему преградил постовой милиционер. Тогда гуляка толкнул его в грудь.

Вот мы любим все сравнивать с Америкой.

Интересно бы посмотреть, что стало с этим парнем, толкни он американского полицейского? Что бы с ним сделали?

Государство должно научиться себя защищать. Иначе хаос, дестабилизация достигнут такого размаха, атмосфера на улицах наших городов настолько сильно сгустится, что народ, миллионы людей от Балтики до Тихого океана, потребуют "сильной руки" — Сталина, черта в ступе, кого угодно. Потому что только сильная

рука способна остановить преступность, перемахнувшую критический уровень.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ХОДОМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Писать сегодня о преступности — что наполнять переполненную бочку. Информация переливается через край и уже не усваивается. Лавина публикаций захлестнула прессу, читатель растерян — огромный вал преступности катится на него. Явный перебор со стороны средств массовой информации. У нас всегда так. Всегда, как у неудачливого игрока в "двадцать одно" — каждый раз перебор.

В мрачной картине есть и темный мазок, положенный автором этих строк. Статья "Война с преступностью" — "Советская культура" от 29 июля 1989 года. Но мне хотелось не эпатировать общество, а привлечь внимание правительства. Потому что об актуальнейшей проблеме не говорилось тогда ни на Съездах народных депутатов, ни на первых заседаниях Верховного Совета.

Цель вроде бы была достигнута: появилось постановление "О решительном усилении борьбы с преступностью". Оставалось надеяться, что его не постигнет участь других премудрых бумаг, таких как "Об улучшении снабжения населения продовольственными товарами" и т.д.

Война была объявлена.

На этом можно было бы и успокоиться, но... Но меня не покидало ощущение, что объявлена она была не тому противнику. К такому парадоксальному выводу я пришел после недолгого наблюдения за "ходом военных действий".

Чтобы объяснить свою мысль, начну издалека. И давайте не будем брать громкие факты уголовной хроники, возьмем события более мелкого масштаба. Преступность нынче коснулась своим крылом каждого, и повсюду в стране картина одна и та же. Поэтому нет нужды колесить по России в поисках примеров поубедительнее, поярче. Достаточно взять маленький регион, знакомый автору, — крошечную территорию нашей столицы, ну, например, "Мосфильм".

Многие знают, что наша группа работает над проблемами преступности, поэтому и к нам, как на Петровку, 38, стекаются все факты местной уголовной хроники — что с кем случилось. Посмотрим "мосфильмовскую сводку" за два месяца и намеренно отберем только самое незначительное (а были и крупные происшествия — например, несколько дерзких ограблений квартир ведущих кинематографистов).

Начнем с преступлений кровавых.

Работник нашего объединения Юра Шумила был чуть не убит человеком, которого любезно согласился подвезти до дома. Выручили спортивная подготовка, быстрая реакция и заботливо припасенная на такой случай монтировка. Защищаясь от ножа, Юра поранил обе руки, у него было разрезано сухожилие, но, обливаясь кровью, преступника все-таки скрутил и сдал в милицию. Так что — занимайтесь спортом, развивайте реакцию и... вооружайтесь!

Пришла недавно, вся в слезах, мой монтажер. Построили они дачу под Москвой (знаю, как строили: каждый день подъем в пять утра — и на электричку, чтобы успеть что-то сделать до службы; и так два тяжелых года). И вот дача наконец построена. Тут является молодой человек, говорит:

— Красивая дача. Нужна охрана.

— Не надо нам никакой охраны.

— Ошибаетесь. А то... Недолго ей и сгореть.

Вот такой получился у супругов летний отдых в новом доме. На дачу они больше не ездят, о том чтобы везти туда детей и разговора нет.

Милиция ищет вымогателя.

Меня, кстати, как и многих среди милиции, больше устраивает вот такое исконно русское и абсолютно полное определение этой воровской профессии — вымогатель. Именно "вымогатель", а никакой не "рэкетир". Нет нужды награждать отечественных подонков звучным иностранным словом, которое действует на них самым возбуждающим и вдохновляющим образом. Некоторые уже знакомятся с девушками эдаким манером. "Я рэкетир!" — представляется молодой дурак, и девица млеет от восторга. Так на нас, молодежь шестидесятых годов, действовало слово "космонавт".

Словечко это — "рэкетир" — запущено в обиход журналистами. Предлагаю собратьям по перу заглядить вину перед обществом — не употреблять больше в репортажах заморское словечко. Посмотрим, получится ли у молодых людей, знакомящихся с девицами, с гордостью произносить фразу: "Я вымогатель!".

Но продолжим перечень происшествий в артистическом мире.

Заглянула в кабинет известная актриса. Жалуется: соседи не дают житья.

— Знают, что мы с матерью ответить не можем, вот и... Обзывают такими словами, что повторить их никак невозможно. А теперь придумали такую забаву: прибили гвоздь к палке и снизу, со своего балкона, разбивают нам стекла. Я сначала не поняла. "Пулями,— думаю,— пробиты, что ли?"

— Чем же вы им не угодили?

— Ну не нравимся мы им, и все. Не нравимся. А потом...— актриса смутилась: — Я утром сажусь за инструмент и распеваю час-полтора.

Ну тогда понятно! "Тут голова с утра трещит, свет не мил, а эта, птица расфуфыренная, песни поет... Надо проучить!"

Только что разговаривал с девушкой, сотрудницей "Мосфильма". Вышла погулять с собакой. Молодые подонки стали тыкать собаке в нос зажженную сигарету. Хозяйка бросилась защищать своего маленького друга. Ее жестоко избили, поранили глаз. Глаз удалось спасти, а вот вернется ли полностью зрение — еще неизвестно.

Откуда же появляются на свете эти двуногие твари? Кто их рождает на свет? Может, это их родители считают, что если мяса в магазинах нет, то его сожрали собаки? И разбрасывают в парках отравленную пищу, чтобы "буржуйские" псы посдыхали?

И вот что характерно. Пострадавшая хозяйка собаки в милицию обращаться не стала. Ездят с мужем вечерами по кварталу, ищут

обидчиков. Правильно! Наказание должно быть неотвратимо.

Все-таки не удержался, спросил:

— Почему не обратились в милицию?

И услышал то, что услышать ожидал:

— А что толку? Ну обратились бы — что их, ловить будут, что ли? А если поймают, разве сделают что-нибудь? Накажут?

Выбирая из "мосфильмовской сводки" происшествия, я нарочно взял вроде бы мелочевку, потому что считаю — на самом деле это отнюдь не мелочи и не пустяки. Для меня таинственное исчезновение в самом центре столицы французского миллионера (скорее всего, убийство) и избиение в темном дворе девушки, хозяйки собаки, — события одного ряда. Больше того, последнее происшествие гораздо опаснее по своей тенденции.

Безнравственность нашего общества так выросла, что многие преступления мы перестали даже замечать, они для нас как бы уже и не преступления.

Унизили человека, оскорбили его, облили женщину помоями самых бранных слов, возможных только в нашем "великом и могучем" языке, — кому придет в голову обращаться в милицию? Засмеют.

Дали по морде без свидетелей — просто так, ни за что, только за то, что слабее, — ты что, понесешь заявление в суд? Побежишь за помощью к милиционеру?

Порядка и организованности у нас нет на производстве. Нет в пожарной охране: вызови "пожарку" — приедут без воды. Позвони в "скорую помощь" — опоздают на полчаса и вместо кислородной подушки привезут клизму. Порядка и организованности нет даже в армии (кто-то, а

киношники с этим сталкивались не раз). А в преступном мире есть?

Нет уж, позвольте не поверить. Так не бывает. Не такая уж она организованная, наша преступность. Хотя и прибавляет в организованности с каждым днем. И именно поэтому с ней нужно бороться сейчас, а не завтра.

Точнее было бы сказать: у нас есть — пока — недостаточно организованная преступность. Не в состоянии с ней бороться — только еще хуже организованная милиция.

Сейчас пресса усиленно распространяет новую утку, словно запутать всех хочет: мол, преступники наши настолько высокой квалификации, что они себя и за рубежом показали. В частности, в Америке.

Это не совсем так. Преступники, выходцы из России и СНГ, не по дням, а по часам укрепляют в Америке свои позиции. Они и власти беспокоят все больше, но отнюдь не "высокой квалификацией".

Много писали в нашей прессе о грязных махинациях с бензином, устроенных русскими эмигрантами. Мол, американцы до такого додуматься не могли — разбавлять бензин водой. Додумались! Они до всего раньше нас додумались. Только наши неумехи делишки свои проворачивали нагло и неуклюже. Потому и оскандалились.

Гулял я по набережной океана рядом с Брайтон-Бич. Сплошным потоком, как по Дерибасовской, идут русские люди. Типичная Одесса. Милая мирная Одесса. Все как в Одессе. Даже музыка в ресторане, названном именем города на Черном море, такая же громкая, как в Одессе. Только русская кухня в Америке получше.

На улицах толчея и суматоха:

— Покупайте шубы! Последний день дешевой распродажи! Покупайте дешевые шубы! — выкрикивают укутанные в меха симпатичные девушки. Рекламуемый товар — прямо на них самих.

И тут же, рядом, другая женщина, постарше, с плакатом в руках:

— Не покупайте шубы! Каждая шуба — это 29 убитых животных!..

Подходим поближе, интересуемся:

— А вам платят за это?

— Платят?— вскидывает возмущенные глаза она.— Нет, я делаю это только потому, что искренне в это верю. Детей надо учить любить животных. Потому что если они их жалеют, то не способны на жестокость по отношению к людям. А если вы не любите животных, вы не можете любить и людей.

Вокруг — не только реклама, но объявления наподобие нашей наглядной агитации:

"\$2 000 тому, кто поможет арестовать человека, который ломает или грабит автоматы".

"\$10 000 наличными за любую информацию об убийстве полицейского в Нью-Йорке".

Другое объявление, на стене церкви:

"Помогите нам бороться с преступностью, алкоголизмом, наркоманией".

Но вернемся на родную грешную землю. А если представить невозможное? Вот такое: на производстве — анархия, на овощной базе — бардак, в горсовете — неразбериха, а в среде преступности — идеальный порядок и организованность. Вроде как на заводах ФРГ или Японии. Что тогда?

И тогда с такой преступностью бороться можно. Организованная преступность — это как

бы цивилизованная преступность. Она существует во всех цивилизованных странах. И везде с ней борются. Где лучше, где хуже. К тому же интересы честных граждан она, как правило, не задевает. Раз преступность организована, значит у нее есть структура, есть стратегия, тактика, какие-то свои методы. Это в свою очередь означает, что их можно понять, вычислить, опередить, можно рассчитать ее действия на ход вперед. То есть можно бороться. И бороться успешно. Задача эта по плечу хорошо организованному полицейскому аппарату.

Как мы знаем о закулисных махинациях в Нью-Йорке, так американцы осведомлены о темных делишках в Москве. Вот как обстояли дела с авиабилетами на рейс Москва — Нью-Йорк по свидетельству самих американцев. Очередь на год-полтора вперед. Человеку без связей вообще не достать билета. Граждане из Закавказья, уезжающие за рубеж насовсем, покупают себе билет на каждую неделю. Если визы ко дню вылета еще нет, билет продается. Или пропадает. (Кстати, в самолете всегда есть свободные места). Взятка за один билет достигает десяти тысяч (\$ 1000)!

За информацию не ручаюсь. Возможно — как мы врем про них, так они врут про нас.

Организованная преступность, конечно, опасна для общества. Но не менее страшна преступность, возникающая стихийно, когда не знаешь, чего ожидать, за каким углом тебя подстерегает опасность, когда все возможно.

Если мать волнуется, сходит с ума, когда ребенок задерживается из школы... Если муж не находит себе места, выглядывает в окно, спускается на улицу, когда жена запаздывает с работы... Если дочь, возвращаясь из театра,

звонит матери, та берет соседку, такую же старушку, как она, и две старые женщины выходят на темную улицу встречать девушку... Вот это — и есть разгул преступности, или, выражаясь ученым языком, опасное состояние личной среды.

Если молодую девушку среди бела дня тащат в кусты, насилуют и избивают там, и никто не слышит, не хочет слышать ее крика... Если большого писателя в подъезде собственного дома избивают до полусмерти, чтобы снять джинсы... Это и есть страшный лик уголовщины.

Если женщина носит в сумочке пузырек с серной кислотой, потому что знает — никто не заступится за нее... Если владельцы автомобилей, не надеясь на милицию, устанавливают в гаражах арбалеты и самострелы, а хозяева квартир расставляют силки и волчьи капканы на воров... Это все, крайняя точка. Предел. Или, как выражаются уголовники в зоне, — Беспредел.

Разве это не настоящая преступность?

В конце концов журналиста, литератора понять можно. Он акцентирует внимание на тяжком преступлении, скажем, на обдуманном убийстве, потому что в таком материале всегда есть, во-первых, элемент сенсационности, во-вторых, сильный характер (расчетливый и решительный убийца), в-третьих, вообще как бы не к лицу бойкому перу писать о мелочевке.

Труднее понять ученого, который движется подобным путем. К правоведам прислушиваются на самом верху, его слово может изменить всю политику войны с преступностью.

Как-то в "Неделе" было опубликовано интервью с ведущим криминологом страны доктором наук И.Карпецом. Среди прочего профессор указал: «Усиливая борьбу с преступностью, ни в

кчем случае нельзя... идти по легкому пути, вылавливая "мелкую рыбешку"».

"— Профессор!— сказал бы Маяковский.— Снимите очки-велосипед!". О чем вы говорите? Неужели вы не понимаете, что как раз "мелкая рыбешка" — вор, хулиган, пьяница — отравляют жизнь гражданам, делают ее невыносимой!

Я выхожу из гостиницы маленького провинциального городка и вижу такую картину. С нового, только что купленного "Москвича" снято лобовое стекло, изрезан уплотнитель. Рядом поник головой хозяин — из "бардачка" украдены деньги, документы на машину, права, нет и магнитофона.

Воры, обокравшие машину, по мнению профессионала-юриста — "мелкая рыбешка". А для пострадавшего — злейшие, ненавистные преступники. Ну что ему теперь делать? Парень — слесарь из Магнитогорска, два года вкалывал на Севере, заработал деньги на машину и право купить ее вне очереди. Еще вчера был счастлив. А сегодня... Лобовое стекло с уплотнителем стоит на черном рынке полторы тысячи рублей (\$150). Еще попробуй достать...

Говорят, истории войн известно сражение, в котором был убит один-единственный солдат. Но для него, для погибшего, это была величайшая война в мире.

Нет, не бывает значительных и незначительных преступлений. Все они одинаково опасны для общества. Не бывает воров маленьких и больших, мелкой рыбешки и крупных хищников. Вор есть вор. "И он должен сидеть в тюрьме!" — говорил мой любимый Глеб Жеглов.

Какую статью, какое исследование о преступности ни возьмешь — везде цифры. Уголовную статистику наконец открыли и теперь ею

охотно пользуются, делают научные выводы. Но можно ли пользоваться нашей статистикой? Тем более для научных целей?

Специалисты говорят, что официальную цифру они обычно умножают на четыре — таким образом учитывается латентная (скрытая) преступность. Не знаю, не знаю... Кабы так — жить бы еще можно было.

Как-то в еженедельнике "Новое время" была напечатана статья Александра Изюмова, где утверждалось, что уровень преступности у нас гораздо выше, чем в большинстве стран Запада. В вышедшем следом номере "Аргументов и фактов" сотрудник пресс-центра МВД в пух и прах разбил доводы Изюмова. Но "разбил" не очень убедительно.

То, что в Англии, Франции, не говоря уж о каком-нибудь Кувейте, уровень преступности значительно ниже, чем у нас, сотрудник МВД не стал отрицать. Что очевидно, то очевидно. Но зато в США...

Нужно сказать, что миф "Америка — страна преступности" у нас в стране долгое время был очень популярен. Он крайне вреден, этот миф. Мы так устроены: пока знаем, что где-то, тем более в стране прогресса и цивилизации, преступность выше нашей, сами и не почешемся.

Между тем поверхностного взгляда на эту заокеанскую страну достаточно, чтобы понять: от преступности она не задыхается. Во всяком случае она отнюдь не парализована. Все функционирует: работают кондиционеры, движется транспорт, магазины нараспашку, в парках целуются, в ресторанах едят, а не стреляют, счастливые дети гуляют по Диснейленду. Вряд ли какому-нибудь российскому туристу посчаст-

ливилось видеть не то чтобы драку, но хотя бы пьяного на улице. Бомжей — выражаясь по-нашенски — сколько угодно, но пьяных — нет. Коренное население вообще чуть ли не поголовно бросает пить и курить.

Существуют, правда, города (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Вашингтон), где статистика удручающая. Есть кварталы, куда белым ходить не рекомендуется — например, Гарлем. Впрочем, автор этих строк там был (гулял, слушал уличный негритянский оркестр), и ничего с ним не случилось. Возможно, просто повезло. Один из самых страшных районов Нью-Йорка — это Южный Бронкс, печальная слава которого превзошла славу Гарлема. Грязь, мусор, запустение, наркобизнес... Неисчерпаемый кладезь, из которого черпали материал для своих репортажей поколения советских журналистов. Но при нас тоже никто ни в кого не стрелял.

Преступность в Нью-Йорке сосредоточена в двух районах, где живут негры и эмигранты из Латинской Америки. 90% преступников в Америке — цветные. Как это случилось — отдельный разговор. Корни далеко-далеко в истории. Когда-то африканских рабов привезли сюда в кандалах. Теперь Белая Америка расплачивается за давние грехи.

Но вернемся к статистике и к статье Изюмова, в которой тот утверждает, что мы перегнали Запад. Разбивая доводы Изюмова, пресс-центр МВД приводит цифры, в итоге которых оказывается, что преступность у нас (из расчета на 100 000 человек) в семь раз выше, чем в США.

В семь раз выше! Не шутка. Далее приводятся такие данные. У нас отбывают наказание 800 тысяч осужденных. По этому по-

казателю в расчете на сто тысяч человек населения мы примерно сравнялись с США.

Значит, в тюрьмах у них сидит столько же, сколько у нас. Но преступлений в семь раз больше. По логике, и преступников должно быть в семь раз больше. А сидит столько же.

Какой получается вывод?

Американская полиция работает в семь раз хуже нашей милиции. Чувствую, что читатель поперхнулся.

Сколько ни дурили ему голову, сколько ни рассказывали баек про плохую Америку, но что такое американский полицейский, он знает. Хотя бы по фильмам.

Рассказывать об американском капе можно долго (кап — от слова "капор", каска; раньше полицейские носили каски). Давайте, ради интереса, я опишу вам, что висит у него на поясе. На широком кожаном поясе, чуть ниже брючного ремня.

Итак: "Смит и Вессон". Элегантное, легкое, точное, надежное оружие. В открытой кобуре, чтобы вытащить пистолет за секунду. Если же за рукоятку дернет преступник, вытащить пистолет из гнезда ему не удастся — внутри есть замок с секретом. Полицейские специально тренируют это движение.

Пойдем дальше: две запасные обоймы с патронами, газовый пистолет или баллон с крепким газом, фонарик с узким сильным лучом, швейцарский перочинный нож в кожаном чехле, портативная рация, записная книжка в кожаной сумке, короткая (не как у наших) дубинка, наручники (кстати, страшный дефицит у наших милиционеров).

Экипирован американский кап неплохо. Если сюда добавить внушительный рост, отлич-

ную спортивную подготовку (найдите-ка курящего полицейского!), если добавить его машину, оборудованную современной техникой, включая компьютер, если учесть, как дорожит полицейский своей работой (зарплата 44 тысячи долларов в год, плюс всевозможные льготы, плюс бесплатное медицинское обслуживание), то трудно поверить, будто американская полиция хуже нашей.

О том, как действуют американские полицейские в серьезной переделке, нам еще предстоит как-нибудь рассказать читателю, а пока вспомним наших бедолаг.

Как-то по телевидению демонстрировался эпизод о героическом противоборстве милиционера с опаснейшим преступником-убийцей. Помните эти кадры? Убийца приставил пистолет к груди милиционера и спустил курок. Пистолет дал осечку. Потом он выстрелил в милиционера дважды, но не попал — тот спрятался за столбом. И только тут страж порядка вытащил свое оружие и стал стрелять. По ногам!

Обратите внимание: скрывающийся от возмездия преступник — в упор, в грудь, а его преследователь — издалека, по ногам.

Каким-то чудом милиционеру удалось попасть в машину и ранить успевшего в нее заскочить преступника. Через день-два, после обращения к врачу, преступник был задержан. Повезло. А могло бы — что более вероятно — не повезти. И жестокий садист-убийца гулял бы на свободе.

Как-то в Красноярске произошел такой случай. Двое сотрудников МВД преследовали машину с угонщиками. На их глазах преступники сбили постового милиционера, старшего сержанта Мурашова. Удар был столь силен, что

несчастному оторвало ногу. Лишь после этого убийства преследователи вспомнили об оружии. Они связались по рации с начальством и запросили разрешения стрелять. Стрелять им разрешили. По колесам.

Мы были на похоронах погибшего. Молодой симпатичный парень. Стала вдовой жена, сиротами — дети... Как она будет кормить их на нищенскую пенсию — неизвестно.

Увы, живая практика работы нашей милиции мало убеждает нас в том, что она работает в семь раз лучше американской. Скорее наоборот: американская полиция действует в семь раз эффективнее.

Но если с этим согласиться, то надо признать и что итоговая цифра нашей уголовной статистики приуменьшена в четырнадцать раз!

Что тут еще можно добавить? Надеюсь, у читателя не возникло подозрения, что автор против борьбы с организованной преступностью, что он подкуплен мафией? А вообще с ней бороться надо? Представляет она опасность для общества?

Надо. Представляет.

Делается что-нибудь для этого?

Безусловно. Создаются даже специальные службы, подразделения, во главе которых ставятся решительные, энергичные люди. Готовятся кадры, набираются опытные рядовые бойцы. Пожелаем им успеха на их трудном поприще!

Но квартиры все-таки грабит не мафия. И машины "раздевает" не мафия. И насилуют — в лифте, в подъезде, в подземном переходе — не организованные группы уголовников. И нож к горлу в темном углу приставляет не атаман банды. Что уж говорить о миллионах преступ-

лений, совершаемых по пьянке или из озорства, чтобы себя показать, по праву сильного.

Отъезжающее в идеальных условиях, мурло хулигана, сквернословия, пьяницы имеет миллионы рож. Они смотрят нам в глаза на каждом перекрестке, из-под арки каждого двора, у входа на стадион, в парк, на станцию автообслуживания. Как фреоны пожирают озон, прожигая дыры в атмосфере, так эти ненасытные твари глотают кислород, которым дышат здоровые люди. Уже нечем дышать! Атмосфера на улицах наших больших городов, в наших маленьких поселках становится невыносимой для честных людей. Просто выживать им становится все труднее.

Что делать с преступностью таких неслыханных масштабов?

Ну, во-первых, надо признать ее за преступность. Признать юридически. Она, эта преступность, и жива-то ощущением своей безнаказанности.

Во-вторых, бороться с ней профессионально. Повышая профессионализм работника милиции, его компетентность, общий уровень его развития. Нужно чтобы каждый участковый, постовой усвоил: не бывает мелкой преступности — и "мелкая рыбешка", и убийцы-насилыники одинаково опасны для общества. Первые — по тенденции, вторые — по факту содеянного.

И еще: если в руках у преступника нож, каскет, обрез, милиционер должен не бояться — обязан стрелять первым. Иначе мы долго будем совершать печальные обряды по героически погибшим на посту.

* К моменту выхода этой книги из печати милиции было даровано право стрелять первой. В случае явной угрозы жизни для стража порядка. То есть без предупреждения и злополучного выстрела в воздух, который подчас оказывался последним в жизни буквально следовавшего инструкциям милиционера.

Вот такой ракурс рассмотрения проблемы мы хотели бы предложить. И так, только таким образом у нас есть шанс оздоровить атмосферу в стране. Правда, при этом придется распротиться с ласкающей взор обывателя статистикой. А от умиротворения общества высосанной из пальца цифирью перейти к умиротворению другого рода, но уже лишь части общества, с обществом в целом не очень "ладящей".

Но мы из всех возможных путей выбираем самый трудный. Так нас учили, слишком долго учили, чтобы сразу от этого отказаться: жизнь — борьба. Вместо выработки профессионализма мы то и дело встаем на путь бесшабашного дилетантизма. Во многих городах страны время от времени начинают создавать рабочие отряды. К борьбе с опаснейшим врагом подключаются десятки тысяч дилетантов. Интересное решение проблемы! И совершенно в нашем, советских времен, стиле: путь неясный, безумно трудный, но зато по нему никто не ходил. Опять — первооткрыватели.

Добровольцы-дилетанты, которым предстоит бороться с преступностью, работать не будут. Но средства на них уйдут немалые. И это вместо того, чтобы повысить зарплату работникам милиции в два-три раза, оснастить милицию всем необходимым, бросить туда лучшие достижения отечественной и западной техники!

Н-да...

Попрошу читателя вспомнить известное полотно художника Брейгеля: группа слепцов под руководством вожака-слепца бодрым шагом идет... к пропасти.

Теперь должен признаться читателю, что рассказа-то я не начинал. Это все было только вступление к нему. Сам рассказ, ради которого я

отставил в сторону неотложные дела и сел к пишущей машинке,— еще впереди.

В предыдущей главе я высказал такую нехитрую мысль: мол, для изучения преступности не надо нынче никуда ехать — окружающая жизнь сама в избытке поставляет криминальный материал. Но мы все-таки поехали. Куда — для нас особого значения не имело. Криминальная обстановка сегодня везде примерно одинакова. Взяли географическую карту, ткнули наугад пальцем и попали... в Пермь.

Об этой интересной поездке мы и поговорим дальше.

ЖУТЬ

Право, разница между Москвой и Вашингтоном гораздо меньше, чем между Москвой и русской провинцией. На Западе между столицами и провинциальными городами тоже есть коренные отличия, но они, как правило, в пользу провинции (там и с жильем получше, и с экологией в порядке, и преступность почти отсутствует). У нас — все наоборот. Архитектура в провинции ужасная, культурных возможностей никаких, жить негде, заводы дымят, с преступностью все напряженнее. В магазинах, правда, товаров сейчас поприбавилось, но тоже — как где, да и до гумовского разнообразия — как до Луны. Дифферент, как говорят моряки, становится угрожающим и вот-вот достигнет критического угла.

Москва, благодаря воздушным мостам тесно-тесно приблизившаяся к Западу, все дальше отодвигается от родной, патронируемой ею провинции, от терзающих ее проблем. А та с нарастающим отчуждением посматривает на Москву. Враждебность к москвичам чувствовалась в Верховном Совете, есть она и в нынешнем парламенте. Мол, сытый голодного не разумеет. А наше кино? Чем объяснить то, что отечественные фильмы перестали волновать зрителя? А тем, что большинство кинематографистов прописано в столицах и вряд ли знает, как живет народ, чем он дышит и в какой духовной пище нуждается.

Как-то не так давно наша съемочная группа, работающая над фильмом о проблемах преступности, выехала в Пермь. Можно сказать, что город мы выбрали "удачно".

Не успели расположиться в гостинице — звонок:

— Срочно приезжайте! Два убийства!

Два убийства в одну ночь, совершенно однотипных: почти в один и тот же час, на соседних улицах, одним и тем же орудием (кухонный нож), по схожим мотивам (по пьянке), и трупы, как два близнеца — мужчины за сорок с ножевыми ранами в груди. Даже обстановка, в которой произошли убийства, и там и здесь одинаковая: грязная коммунальная квартира в пятиэтажке, маленькая комнатка, поразительная бедность. Да что там бедность — нищета!

Разговариваю с убийцей. Молодая наглая рожа, ни капли раскаяния в глазах. А ведь только что лишил человека жизни!

— Ну че зыришь? Не видал таких? — смеется.— Нравлюсь?!

Обратно едем всемером в тесном милицейском "Уазике". Кинокамера, штатив — на коленях. Сопровождающий нас капитан посмеивается:

— Привыкайте. Мы и ввосьмером, и вдесятером ездим, на головах друг у друга сидим. А то — пешком.

— На происшествие?

— Ну а куда же...

Сидим в дежурной части, ждем звонков. Дежурный по городу спрашивает:

— А что вам хотелось бы снять?

— Нас все интересуется. Предположим, квартирную кражу.

Дежурный посмотрел на часы:

— Кражи уже кончились. Сейчас грабят и убивают.

Оглядываю убогое помещение, примитивную аппаратуру. Спрашиваю:

— А компьютеры у вас есть?

Дежурный смотрит на меня, как на Иванушку-дурачка. Вмешивается другой милиционер, следователь прокуратуры:

— У нас машинок пишущих нет, не хватает. А вы — компьютеры!.. Бывает, приедешь с "убийства", до чего только не дотрагивался там, а руки вымыть нечем — нет мыла!

В следственном изоляторе познакомился с женщиной, молодой матерью.

— Ой, не снимайте меня,— кокетничает она перед камерой.— Я сегодня плохо выгляжу...

Двоих своих крошечных ребятешек она решила убить самым "простым" способом. Перестала их кормить и поить. Дети плакали, кричали, пока были силы. К несчастью, никто их не услышал. Соседи неладное заподозрили поздно.

Один ребенок умер, второй был похож на узника концентрационного лагеря.

...Нет, не согласимся мы с утверждением покойного Ламброзо, что в физиономии человека есть характерные признаки, обличающие садиста и убийцу. Ни один физиономист не угадал бы в этом милом рыжем мальчике убийцу. Хорошее лицо, чистый взгляд. Коренаст, плотен, подвижен. Шутит, посмеивается, подает руку "жертве". Идет следственный эксперимент. Преступник (Смирнов, 21 года) показывает, как они с товарищем, Инсаровым, убили девушку. Сначала ее изнасиловали — вчетвером. Потом отвезли на мотоцикле в лес и там убили. Причем вырывали друг у друга нож — ударить хотелось каждому.

Девочка была с их улицы, они ее знали с детства. Смотрю на фотографию погибшей: прелестное личико, семнадцать лет... И никакой печати смерти во взгляде.

— Как вы себя чувствовали после того, как убили ее?— спрашивает следователь.

— Нормально,— отвечает юный убийца.— Как обычно.

— А что вы делали потом, когда приехали домой?

— Купили на Пролетарке две бутылки вина. Выпили. И поехали кататься на мотоцикле.

Для тех, кто видит корень зла в отечественной организованной преступности — доморощенных рэкетирах, коррупции на уровне директоров предприятий, — хочу еще раз повторить: вот она, настоящая преступность! Страшная и неостановимая.

Вспоминаю еще одно подобное преступление — этим же летом в городе Енисейске. Цитата из записи допроса:

— Как у вас возникло намерение совершить убийство?

— Мы посмотрели видеофильм. Вышли из зала, и нам захотелось кого-нибудь убить...".

Два мальчика сели в попутную машину, выехали за город и нанесли водителю пятьдесят восемь ножевых ран. Агонизирующая жертва укусила одного из них за палец. За это они выкололи умирающему глаза.

На встречах со зрителями меня иногда спрашивают:

— А не виновато ли во всем, что происходит на наших улицах, кино? Нет ли здесь "заслуги" кинематографа?

Раньше я оправдывался: мол, у них, на Западе, такого "кина", где есть и секс и насилие, гораздо больше, а ничего... не задыхаются от уличной преступности.

Но теперь чувствую: был не прав.

Может быть, действительно хватит? Нам не удалось обогнать Америку по мясу и молоку. Но по количеству секса и насилия на экране мы ее обогнали мгновенно. За год-полтора, едва нам все разрешили.

Не пора ли остановиться? Все же у нас, в нашей стране, ситуация другая. И мы не ощущаем всей глубины той нравственной пропасти, в которую опустились. И того, что при больших допущениях можно Там, но нельзя Здесь? Среди нас, оказавшихся в нижней точке столь горького и бесславного падения, должны действовать более строгие нравственные законы. И всем нам вместе предстоит длительный нелегкий путь наверх.

Не пора ли поэтому начать говорить — неустанно, не боясь наскучить — о понятиях, до сих пор не востребуемых: чести и благо-

родстве, достоинстве и мужестве?! О том мужестве, когда мужчина бросается на выручку ребенку или женщине, не думая о последствиях. А то у нас скоро будут насиловать среди бела дня на Манежной площади и никто не отважится на защиту.

Мы пробыли в Перми недолго. Рядом, всего в двухстах километрах вверх по Каме — город Березники. Я там родился. Но жил недолго, вскоре был увезен родителями на Волгу. И сейчас захотелось посмотреть родные места.

Разбитая грейдерная дорога связывает два крупных промышленных города. Она вьется по левому берегу реки, иногда взмахивает на пригорок, и оттуда виден всхолмленный горизонт, зеркальные извивы Камы, голубые бескрайние леса. Огромная страна.

Огромная богатая страна! Леса, воды, пушнина, рыба, чуть не семьдесят процентов мировых черноземов, колоссальные минеральные богатства — нефть, газ, редкие металлы, золото... И нищета! Удручающая, лишаящая достоинства нищета.

— И сколько же вас живет в деревне, бабушки?

— Три человека.

— А молодые есть?

— Нету молодых.

— Чем же вы питаетесь? Магазины-то нет.

— В Пермскую ходим.

— Это сколько километров?

— Пять.

— А огород есть?

— Есть. Как же без огорода...

— Что у вас в огороде растет?

— Морковочка, лук, картошки.

— А молоко где берете?

- Нету молока.
- Как жизнь, бабуси? Хуже, лучше — в последнее время?
- Ой, лучше!.. В десять раз хуже.
- Про перестройку-то слышали?
- Перестройка-то и настроила, что покушать нечего.
- Сахарку-то нет? Чайку попить не с чем?
- Перестроила перестройка. Это не перестройка, а... Сказала бы, да рот после этого крестить надо.
- А мыло-то есть?
- Ни у кого ничего нету. Ничего нету, миленькие! Плохая жизнь стала...
- Совсем никудышная.
- А раньше все было. Покушать-то было чё. Пойдешь сахарок купишь... Квасок сделаешь, попьешь, пьяненькой напьешься. Раньше конфетки купишь, прянички, а сейчас ничего нету.
- А откуда про перестройку слышали?
- Радио-то говорит.
- Что говорят?
- Хвалятся. Заседание идет... Говорят, пенсию добавить хотят...
- Ну и на что же ее сейчас хватает?
- На что — на хлеб! Картошку я сама сажу...
- Дай вам Бог долгой жизни, бабушки! Может быть, жизнь к лучшему изменится.
- Нет, хуже еще будет.
- Думаете, хуже?
- Хуже. День ото дня все хуже и хуже...
- Вот такой у нас состоялся разговор с двумя старушками по дороге. Когда садились в автобус, одна из бабушек спросила:
- Президент-то, он в Москве правит?
- Почему в Москве? В стране.

— Вы уж скажите ему, что чайку-то не с чем попить.

— Неладная, мол, жизнь-то стала. Скажете?

— Обязательно скажу, бабуси. Обязательно!

Магазин, о котором мечтали-тосковали эти две милые уральские старушки, мы встретили буквально на следующее утро. Там было все то, чего они так долго не видели в своем магазине, расположенном в пяти километрах от их деревни. Пряники, конфеты, мед, варенье, мясные консервы, хозяйственное мыло. К сожалению, старушкам нашим вход туда воспрещен. И не потому, что далеко — не за тридевять земель от них. А потому, что — ворота туда железные и часовой стоит у входа.

Магазин расположен на территории женской колонии строгого режима.

— Давно вы здесь?

— У-у, я старая каторжанка. Что такое свобода, и не знаю.

— Сколько же вы сидите?

— Сорок пять лет.

— Сорок пять?!

Разные сидят в колонии люди. С тяжелыми статьями, с более легкими. С тремя-четырьмя судимостями. С десятком и поболее. Есть и убийцы. Но основной контингент — за воровство.

Красть начинали по-разному. Но толкало на воровство одно и то же: нищета, убогий быт, бездушие окружающих.

— Сколько тебе было лет, Неля, когда ты села?

— Девятнадцать.

— А сейчас?

— Тридцать три.

— Шесть лет тебе осталось сидеть? В сорок выйдешь на свободу... Между сроками ты была на свободе?

— Почти нет.

— Детишки-то есть?

— А зачем они мне? Вот еще морока. Зачем они мне?

— Ты из детдома, Неля? А почему мать отдала тебя в детдом? Она что, пила?

— От горя кто не запьет. Нас девять человек у нее было. Как муравьев. Надо всех и одеть, и обуть. Она одна тянула. Отец сидел...

Неля выйдет отсюда в сорок лет. Через месяц-два вернется обратно. Большинство снова возвращается в колонию. Трудно с судимостью устроиться на работу. Трудно привыкнуть к честной жизни. Да и не намного слаще на воле, чем здесь. Тут хоть трехразовое питание и чистые крахмальные простыни. А как живут наши знакомые старушки неподалеку, мы видели.

Тюрьма, какой бы она ни была, калечит людей. Неля на свободе между отсидками не была. Отбывая один отмеренный срок, совершала лагерное преступление, ей добавляли новый. Вряд ли она выйдет отсюда и к сорока годам.

Нет, не имеет права это учреждение называться исправительным. Никого тюрьма не исправила. В ней отбывают наказание. Для этого она и создана. И незачем приклеивать к ее названию благопристойные словечки, присваивать не свойственные ей функции.

Начальник лагеря показывает мне на осужденную с татуировкой на руках и на груди — в вырезе халата.

— Я ей говорю: "Ну что ты грустишь, Тамара! Вот выйдешь отсюда, наладишь нормаль-

ную жизнь, встретишь хорошего человека, полюбите друг друга". А она смеется: "Да ты что, начальник! Как только я разденусь, как только он увидит меня голую — в окно выскочит и раму на ушах унесет!".

— Гражданин начальник, гражданин начальник! — женщина лет шестидесяти тянет меня за рукав. — Выслушайте, пожалуйста, меня!

Рассказывает свою грустную историю. Сидит с 1947 года. Ленинградка, детдомовка. Из блокадного, осажденного города ушла на фронт. После войны прижила ребенка. Одна оказалась с дитятей на руках. Ребенка пристроить некуда. Однажды не вышла на работу. Прогул. Судили по Указу — дали год. Через четыре месяца освободилась. Родных нет, жить негде. Мыкалась по городу. Дали еще год — за "чердак", то есть жизнь без прописки. Вышла — уже две судимости. На работу не берут. Решила уехать из Ленинграда — иначе опять посадят. Села с ребенком на товарняк, на тормоз, поехала, куда глаза глядят. На станции Бузулук ее сняла военизированная охрана. По указу от 41-го года (а шел уже 48-ой) дали снова год.

Таким образом набралось у нее пять судимостей. И вот однажды она познакомилась с хорошим человеком.

— Такой благородный был мужчина. Катаемся мы с ним на поездах, денег у него много, одевает меня хорошо. Спрашиваю: "Толик, ты где работаешь?". Он отвечает: "Я инженер карманной тяги". Клянусь, я не понимала — думала, такая специальность есть. Потом увидела, что он ворует. Говорю: "Научи меня, мне неудобно на твоём иждивении сидеть". А он: "Не положено. Ты жена вора, ты не должна этим заниматься". Тогда я стала потихоньку учиться

сама... С тех пор пошло... Сейчас тринадцатая судимость уже... А ему я благодарна по сей день. В то время ни один коммунист не подал мне руки...

В колонии, конечно, несладко. Но смотря с чем сравнивать. Если с жизнью двух старушек, которых мы встретили по дороге... Вот бы их сюда завезти! Они бы решили, что попали в дом отдыха. Работой их не напугаешь — всю жизнь горбатились от зари до зари. А если показать им расположенный в зоне магазин? Да посмотреть при этом на их лица? "Как же так?— скажут они.— Мы всю жизнь работали, а эти всю жизнь воровали!"

В последние годы наша общественность была озабочена улучшением жизни в тюрьме, в колонии. Приятно. Милосердие постепенно находит себе место в общественном сознании. Добавим: в искаленном сознании. Поэтому любое благородное начинание приобретает у нас уродливые формы. Даже милосердие. Посудите сами.

Преступность росла, а тюрьмы пустели. Было полтора миллиона заключенных, а к 1989 году, когда преступность резко возросла, осталось 800 тысяч.

Характер преступлений становится все более жестоким. В обществе же не на шутку развернулась кампания за гуманизацию методов борьбы с преступностью. Преступления ужесточаются, а методы борьбы с преступностью становятся все гуманнее.

Серьезная опасность нависла над страной, над каждым домом. Нет ни одного родителя, сердце которого было бы спокойно за своего ребенка. Что делает общественность, главным образом творческая интеллигенция? Поднимает

широкую кампанию в прессе: ах, как плохо живется преступникам!

Я не за то, чтобы сделать жизнь в колонии невыносимой, как прежде. Ее можно даже улучшить. Но все должно соотнобразовываться с ситуацией на воле. Не должно быть на свободе хуже, чем в тюрьме!

Но вернемся к нашим старушкам. Почему же они, честно трудившиеся всю жизнь, пережившие голод, коллективизацию, вытацившие войну на своих плечах, оказались на старости лет забыты и колхозом и государством? Вывод напрашивается очевидный: старушки государства больше не нужны!

От тех, кто сидит в колониях, — польза. Они что-то производят, валят лес, выполняют трудоемкие земляные работы. С переходом к рынку кое-где заключенные оказались не у дел, но, думается, это временные трудности — "была бы шея — хомут найдется". Тем более, что платить этой "шее" можно гроши. Известно, что система исправительно-трудовых учреждений вкпе — одно из самых крупных министерств в стране. Многие предприятия ведь планируются и строятся из расчета на колонию, из соображения, что у них всегда будет избыток дешевой рабочей силы. У нас давний и богатый опыт по использованию дешевого рабского труда — труда заключенных.

А какая польза от старушек? Умрут на год-два раньше — только экономия. А если взять всех старушек по стране, суммировать их пенсию? Огромные деньги!

Город Березники — столица химиков. Родина отечественной соды, аммиака. Центр калийной промышленности. Производства — душегубки. От химических отравлений страдают не

только рабочие, но и все население. Особенно дети. Развлечений в городе нет, с жильем плохо. Вообще-то здесь жить нельзя.

Но люди живут.

Жил и я когда-то. Родился здесь, пошел в школу, вступил в пионеры. И был счастлив.

Нет-нет да ловил, помню, себя на мысли: как хорошо, что родился я в советской стране, а не где-нибудь в Америке!

Жили мы в двухэтажном деревянном бараке. Мать работала за двоих. Отца не было. Жили впроголодь.

— А где наш папа?— спросил я у мамы, когда начал чуть-чуть соображать.

— Отстань от матери, — сказала бабушка, — не приставай к ней. Отец нас бросил.

— А где фотографии папы?— не унимался я.— Все фотографии есть, даже дальних родственников, а папиной нету?

— Мать все порвала. Забудь о нем. Он был плохой человек. И не лезь к матери!

Я и забыл. Писал в анкетах, когда оформлялся за границу: "Отец бросил нас до моего рождения...".

Умерли мама, бабушка — унесли с собой тайну. Однажды меня словно что-то стукнуло. Попросил сестру написать в КГБ. Пришел ответ: "Репрессирован в 1936 году...". И фотографию прислали — такого, каким он был 23 лет от роду. Я же раньше никогда не видел ни самого отца, ни его снимка. Теперь знаю, как он выглядел. Простое русское лицо... Мог стать учителем или инженером, военным...

Убили человека дважды. Сначала — самого, потом — память о нем.

Я не в обиде на маму с бабушкой. Они значительно облегчили нам с сестрой жизнь.

Но больно! И боль эта не утихает, наоборот — все крепче сжимает сердце.

"Человек! Это звучит гордо!"

Как мы, дети войны, голодные и обездоленные, любили повторять эту фразу!

Десятки миллионов этих "гордо звучащих человек" свалены в ямы по российским необъятным просторам. Как хорошо должна бы рождать наша земля, насыщенная таким количеством органических удобрений!

Но она не рождает. И не родит ничего. В землю зарыты настоящие хозяева этой земли, любившие ее, умевшие с ней обращаться.

Страна тюрем и лагерей. Кого ни спросишь в этой стране — сидел, кого ни вспомнишь — погиб. В тюрьме, в лагере, в подвалах ЧК, в бесчисленных войнах. И над каждым, буквально над каждым живым, как дамоклов меч, висела угроза несправедного суда и заточения. Страх смерти двигал поступками людей.

Однажды мы снимали в районе бывшей лагерной зоны. Случайно обнаружили брошенный проржавевший паровоз на заброшенных, ведущих в никуда рельсах.

Вот мрачный образ нашего поступательного движения к светлому будущему! "Наш паровоз — вперед лети!.." А ведь как были разведены его пары, как раскалена топка — топили-то живыми людьми. При этом сгорели мозг нации, ее интеллект, история и слава России, ее культура. И шпалы, и рельсы этого дьявольского пути проложены на костях погибших, на переломанных хребтах, на отнятой воле. Никуда этот путь и не мог привести! Обидно только, что ясно это стало слишком поздно, да и то не всем.

Что же за проклятие висит над нашей страной, над нашим народом?

А не соври мне мать с бабушкой, знай я с самого рождения про репрессированного отца, поселись в мальчишеском сердце ожесточение и озлобленность на весь окружающий мир — как бы сложилась моя судьба? Не попал бы я в тот контингент, о котором сегодня пишу?

И не эта ложь ли меня спасла?

Может быть, мы плохо делаем, что пытаемся сегодня изгнать ложь из нашей жизни? Вон уж многие жалуются: "Раньше хоть верили во что-то... Пусть обманывались, но верили! Это давало уверенность, силы, помогало переносить тяготы...".

Может быть, ложь нужна? Нужна — "во спасение"?

Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, надо попробовать "жить не по лжи".

Как сказал Жванецкий, "так мы уже пробовали. Давайте попробуем иначе".

Жить по лжи мы уже пробовали, давайте попробуем без нее.

На самом деле ложь вовсе не изгнана из обихода, из взаимоотношений правительства с народом.

Ложь, как икона, по-прежнему висит в изголовье каждого ребенка. Едва научившись стоять на ногах, он вступает в царство Лжи.

Отринув Большую Ложь, мы все-таки сохранили маленькую. Эту маленькую ложь, как ладанку, повесил человек себе на грудь, и молится на нее, прикладывается к ней губами, умоляет:

— Не отнимайте у меня мою последнюю святыню!

— А как же гласность? Разве, благодаря ей, мы не вырвались наконец из болота лжи, в которое были погружены в течение 70 лет?

И гласность у нас пока еще — не гласность.

— Как это?— опять будет недоумевать читатель.— Выходит, и вы пишете не откровенно?

Не откровенно.

Во-первых, во мне сидит внутренний редактор. Поселился он давно. Поставил раскладушку, сказал, что ненадолго, а вот поди ты, живет по сей день. И заставляет советоваться с собой. Говорит:

— Про это нельзя! Этого лучше не касаться!

Во-вторых, в каждом издательстве есть настоящий редактор. С ним тоже идет борьба.

Сколько раз представители средств массовой информации слышали с высокой трибуны:

— Гласность — она, знаете, не без границ.

Примитивная и мерзкая выдумка. Известно ведь, что полуправда — еще хуже лжи.

Сорок пять лет не был я в родном городе. Каким же он стал за эти годы? Как выглядит? Опять-таки — с чем сравнивать. Если с Чикаго, с Манчестером, то — ужасно. Если с Пермью, Новокузнецком, Дзержинском, то — вполне приемлемо. Достаточно чистый, вполне однообразный. Все дома — памятники соцархитектуры. С фасадов исчезли набившие оскомину лозунги — "Народ и партия — едины". Зато процветает мелкая коммерческая торговля.

Город окружен плотным кольцом дымящихся заводов. Вырваться из этого ада можно только в тайгу. Или на противоположный берег Камы, в Усолье. Но там разруха.

Впечатление такое, словно Усолье только что освободили. Семьдесят лет старинный уральский городок был оккупирован врагом. Жестоким врагом Прекрасного. Между тем это был красивейший архитектурный ансамбль не только в Пермском крае, но и на всем Урале, "великолепие которого,— цитирую искусство-ведческий справочник,— зримо характеризовало могущество и беспредельное богатство русских промышленников". Это бывшие владения знаменитых Строгановых.

Представьте себе Суздаль, только поменьше — вот таким было и Усолье. Сейчас все в руинах: все дома, все церкви (а тут их множество), палаты самих Строгановых, особняки, часовни, подворья. Захватчик был жесток и безжалостен.

И враг этот не разбит окончательно. Он все еще здесь, рядом. Ждет, когда придет его время и он снова войдет в Усолье. И довершит разрушение. Православная церковь взялась отреставрировать Спасо-Преображенский собор. Но колокольню собора ей не отдадут. Кто? Местные власти. Почему? А ни почему. Не отдадут и все. Хватит, мол, и собора. Церкви, ей палец покажи, она всю руку отхватит. Не успеешь оглянуться — как она всему ансамблю вернет первоначальный вид. Накось, выкуси!

Захожу в подворье рядом с собором. Жуть! На полу следы костра, пустые бутылки, замусоленные игральные карты. Две железные кровати, покрытые грязным тряпьем. На стенах рисунки и надписи: "Спид", "Хитачи", серп и молот, матерщина, изображения половых органов. В этих наскальных рисунках — не все ли то духовное наследство, которое мы оставляем нашим потомкам?

Всякий великий писатель, конечно, является провидцем. Иван Алексеевич Бунин уже в 1918 году чувствовал, во что все это превратится. В "Окаянных днях" он приводит фразу из Библии: "Честь унижится, а низость возвысится. В дома разврата превратятся общественные сборища и лицо поколения будет собачье".

Раньше церковь, выражаясь гнусным канцелярским языком, проводила профилактическую работу по предотвращению преступлений, по нравственному очищению человека. А ныне и святая обитель превратилась в место разврата.

Для чего надо было все это разрушать? Чтобы возникло — что? Вот этот грязный притон? Здесь пили, сквернословили, играли в карты, насиловали женщин...

Только до 1922 года в России было уничтожено — чаще всего без суда и следствия — более 20 000 священнослужителей... В том числе около 4 000 женщин. Отстрел пастырей народных неубывающими темпами продолжался в 20-е, 30-е годы...

В Березниках я видел как-то страшную картину, может быть, самое страшное из того, что довелось посмотреть во время съемок. Я видел очередь за водкой, в которой стояло... около пяти тысяч человек! Нужно было видеть лица этих униженных людей: обозленные, ненавидящие. Ненавидящие власть, друг друга, самих себя.

Нужно заметить, что приключения человека, выстоявшего эту невообразимую очередь и получившего свои законные бутылки, на этом не кончались. Надо было еще донести драгоценное приобретение до дома. Никто не мог дать гарантии, что в темном дворе тебя не треснут тупым предметом по голове и не отнимут водку. Этот вид уголовного преступления очень

распространен за Волгой и за Уральским хребтом.

Добавим к сему, что из небольшого гарнизона городской милиции семьдесят человек ежедневно отряжалось в очереди за алкоголем. При таком отвлечении значительных сил милиции очень трудно уследить за правопорядком.

Сейчас очередей за водкой уже нет. Покупай, сколько хочешь, в любое время дня и ночи. Коммерческая торговля "решила" проблемы со спиртным. Понятно — пить меньше не стали.

Разговариваю с начальником милиции Юрием Брагиным. Чудный человек. Когда я вижу таких милиционеров — а я немало перевидал их на своем веку — то начинаю понимать, почему, несмотря ни на что, в нашей стране сохраняется еще какой-то порядок.

— Много пьют, Юрий Федорович?

— Не больше, чем раньше.

— Как прошла ночка? Сколько увезли в вытрезвитель?

— Пятьдесят семь человек.

— А сколько заночевало под забором?

Брагин улыбается:

— Стараемся поднимать всех.

Что говорить, пьют в России много. Но надо бороться не с алкоголем — так мы уже тоже пробовали — а с причиной пьянства. От хорошей жизни человек не запьет.

Дело не в водке. Пить можно и моющие средства. Я видел в Сибири очереди за лаком, за средством для укрепления волос. Про одеколон уж не говорю. Это для публики интеллигентной. Из одеколонов даже коктейли составляются. Например: коктейль "Александр Третий". Красиво? Он из двух одеколонов — "Саша" и "Тройной".

Большинство преступлений — на почве пьянства. Или — ради пьянства. Нужно достать денег, чтобы выпить.

Присутствую на следственном эксперименте. Сын, 49 лет, рабочий, ранее судимый, убил отца и мачеху — женщину, которая его воспитала. Убил ради денег, родительских сбережений. Убил зверски — молотком по голове. Трупы пролежали в комнате целую неделю.

— Расскажите, как произошло убийство!

— 31-го день рождения у меня было, фактически. Ну, отметили его 29-го июля. Напились пьяными, конечно. Я говорю: "Пап, надо мне денег". "А х.. говорит тебе, а не денег". Всяко обозвал меня. Ну а здесь молоток был, под койкой. Я ударил его пару раз молотком...

— Каковы ваши действия после убийства родителей?

— Я взял водки 5 штук и пошел в сарай...

Слышали? Взял водку и пошел в сарай. Так сказать обмыть событие.

...Во время работы над фильмом "Так жить нельзя" случайно мы сняли кадр. В толпе полупьяных-полутрезвых ползет, на забаву ей, пьяный мужичок с шапкой в зубах. Собачье карбканье на четвереньках это ни возмущения, ни сострадания ни в ком из окружающих не вызывает.

Господи! Неужели сбудется: "И лицо поколения будет собачье!".

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ*

Кадры документального фильма "Так жить нельзя".

Милиция ведет хулигана. Тот держится нагло, уверенно. Задирается, угрожает:

— Убери руки!

Другой кадр. Среди бела дня по городу, по центральным улицам десятками, сотнями, праздно слоняются грязные, плохо одетые люди. Кто-то навеселе, кто-то спит тут же в кустах или прямо на парапете набережной. Его стаскивает подошедший милиционер — он не хочет подчиняться, сопротивляется, готов драться. Милиционер его грубо бросает, потом скручивает. Окружающие спокойно наблюдают; никто не вмешивается.

Еще кадры. В камере, за решеткой — молодые люди. Лица их спокойны, без тени раскаяния или страха. Мужество? Вера в себя, в воровской фарт? Непохоже... Скорее, безразличие: в тюрьме ли, на воле ли — все одно. И смерти не боятся, потому что жизнь — такая — не многим ее краше.

Преступники, рецидивисты в зоне... Опять те же спокойствие, неторопливость, почти вальяжность. Убийцы, насильники — в недавнем прошлом. А в будущем? Непохожи они на раскаявшихся, на исправляющихся... Значит — новые жертвы, новые слезы, вздетые к небу руки жен, матерей?

Давайте посмотрим на себя, на тех, кто идет по нашим улицам! Как мы не похожи на ту нарядную, жизнерадостную, улыбающуюся толпу,

* Редакторская запись по сценарию и монтажным листам к фильму "Так жить нельзя"

что катит вечером по каким-нибудь Елисейским полям!

А как может быть веселым народ, выстроенный в затылок друг другу? Человек, полжизни проводящий в очередях, сдавливаемый в вагонах метро, обозлен; люди ненавидят друг друга, глотки друг другу готовы перегрызть, особенно если стоят в очереди за тем, что подешевле. Ученые подсчитали: каждый 18-й инфаркт — в очереди!

А попробуй кто-то начать "качать права", защищая, между прочим, интересы соседей! Попросим сделать это нарочно одного нашего актера. Разъяренная толпа наверняка набросится на него!

О, эта страшная власть большинства!

"Распни его!" — кричали Пилату в Иерусалиме.

"Смерть собакам!", "Расстрелять бухаринских шпионов!" — кричали толпы людей на площадях советских городов.

"Иуда, продавший за тридцать сребренников!" — это уже о Борисе Пастернаке. Никто из оравших не читал, конечно, ни строки злополучного романа "Доктор Живаго".

"Клеветник! Мерзавец! Вон из СССР!" — об А.Солженицыне. Что он сделал, какую "клевету" сочинил, никто из кричавших, разумеется, не знал.

Академик Андрей Сахаров. Над этим старым человеком большинство одержало победу, и не одну. Его клеймили позором, обрывали бранными словами, отняли награды, наконец увезли в ссылку. А он выжил и продолжал выполнять свой долг.

Физик, отец водородной бомбы, лауреат всех немислимых премий, включая Нобелевскую, академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Главный подвиг этого человека — его правозащитная деятельность в 60 — 80-е годы. Один против всех. Отрекшись от покоя и благополучия. Не ради себя, ради людей, ради своего народа. Чем он, этот народ, ему отплатил? Депутаты выкрикивали ему: "Клевета!", "Презираю его!", "Не давать Сахарову слова!". Естественно, долго выдерживать такую нагрузку старому человеку вряд ли будет под силу...

Итак, большинство снова травит возвратившегося из ссылки академика. Что это — жестокость или недомыслие? Надо полагать, и то, и другое. Во всяком случае, от этого "единодушия" один шаг до расправы физической — над любим, кто "не так" мыслит, "не то" говорит. Расправы — в подходящий момент.

Вот какими мы стали. А кого же воспроизведет такой человек? Себе подобного, такого же, как он.

Библейская легенда гласит, что Моисей вел свой народ из Египта на землю обетованную сорок лет — чтобы умерли люди, родившиеся в рабстве. Нам предстоит нечто подобное. Пройдет много десятилетий, прежде чем наше общество станет здоровым. Да и то, если лечение будет начато немедленно и решительно. 70 лет неправильного генетического хода нельзя исправить в пятилетку.

Сколько же их погибло, лучших людей России, умных, великодушных, порядочных? Вместе с ним ушли из общества, перестали цениться понятия чести, благородства, достоинства. А когда общество перестает с благо-

говением к ним относиться — все, питательная среда для разгула преступности готова.

Возьмем данные из не так давно рассеченной книги Гиннеса. С 1917 по 1959 год в СССР было осуждено по политическим и другим мотивам 66 миллионов 700 тысяч человек.

Когда же мы стали такими? И кто этот селекционер-мичуринец?

Общественное сознание формировалось в криминальном направлении буквально с первых дней после октябрьского переворота.

Вот фотография мальчика в матросской форме. Он тяжело болен, по сути не жилец на этом свете. Убивать его, даже во имя интересов пролетариата, не было никакой нужды. А его убили, выпустили в него несколько револьверных пуль, потом добили трепыхавшееся на полу тельце.

Участь цесаревича Алексея разделили его сестры. Маша, Таня, Оля, Настя. Их тоже убили. На девочках под платьями были корсеты. Пули не сразу пробили их. Пришлось докалывать штыками.

Когда жесточайшее в мировой криминалистике преступление не было осуждено обществом, когда даже историки не выразили порицания убийцам — следует ли удивляться последующему разгулу преступности?

"Нужна чистка террористическая, — поучал в 1921 году вождь мирового пролетариата В.И. Ленин. — Суд на месте и расстрел безоговорочно!" На местах, в губерниях и уездах, ему вторили тысячи и тысячи ретивых помощников.

Читаем газеты первых лет революции. "Арестованы и заключены в тюрьму как заложники поименованные ниже представители буржуазии..." Следует пространный список. Простые

русские фамилии. Военные, священнослужители, интеллигенция, торговцы, служащие... "При малейшем контрреволюционном выступлении, при всяком покушении на вождей рабочего класса эти лица будут немедленно расстреляны".

Потом этот метод возьмут на вооружение гитлеровцы. Но, конечно, без такого сладострастного отбора всего лучшего, что есть в обществе, не в таких, конечно, масштабах.

В газете "Петроградская правда" 1 сентября 1921 года было опубликовано сообщение об очередном заговоре. Среди участников его — "Гумилев Николай Степанович, 33 л., бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии "Изд-во "Всемирной литературы", беспартийный, бывший офицер...". Приговор — расстрел. Пуля красноармейца оборвала жизнь великого русского поэта.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Разумеется, Гумилева, автора этих прекрасных стихов, расстреляли с ведома, а скорее всего, по прямому указанию Зиновьева, тогдашнего хозяина Петрограда.

Все мы знаем про нечеловеческую порчу, которая овладела страной. И как легко тогда оказалось руководить народом, поднять его на жуткое дело, от которого потом все и погибли.

Так где же в толще народной этот защитный механизм, почему не сработал? Почему сейчас не срабатывает? Кто же виноват в этих реках крови? Вожди? Командиры?

На послевоенном процессе в Нюрнберге главным обвиняемым стала нацистская партия, вдохновитель деяний гитлеризма. Впрочем, как и на любом суде, строже всех были наказаны организаторы преступлений.

Но в решениях Международного трибунала в Нюрнберге были и такие слова:

"Приказы, противоречащие основным правилам морали, попирающие нравственные веления, на которых зиждется человеческое общество, не могут служить ни моральным, ни юридическим оправданием для тех, кто выполняет такие приказы".

Чудовищные злодеяния, совершенные в нашей стране — геноцид, массовые убийства, искусственно созданный голод, от которого

вымирили миллионы, разрушение экономики и культуры, растление народа — все это ни по масштабам, ни по жестокости несопоставимо с преступлениями гитлеризма. Тем более, что совершены эти преступления против своего народа. С декабря 1934 года — после убийства С.М.Кирова — например, даже дети, начиная с 12 лет, подвергались репрессиям, то есть могли — а многие и были — расстреляны.

Исполнителей бесчеловечных приказов теперь уже не отыщешь, но организатор всех этих преступлений хорошо известен. Вчера еще это было написано на всех заборах:

ПАРТИЯ — ВДОХНОВИТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР ВСЕХ НАШИХ ПОБЕД!

А ныне, превратившееся в неопровержимую улику, стыдливо рассовывается в темные углы. Хотя есть и ортодоксальные ленинцы, которые стоят на митингах, чаще всего с портретами Ленина и Сталина в руках.

Состоится ли новый Нюрнбергский процесс? Нужен ли суд над КПСС?

"Мы не должны вступать на путь слепой мести", — говорит академик Андрей Сахаров. Важно другое — нравственный суд над партией. И при этом хотелось бы посочувствовать рядовым коммунистам, честным людям, которых все-таки было много. Почему они должны нести на своих плечах тяжкий груз преступной истории? Этот груз может раздавить несущих его. Пусть под ним горбятся те, у кого не хватает ни ума, ни совести, чтобы бесповоротно осудить прошлое и покаяться перед многострадальным народом.

Но всмотримся и в себя, в окружающих нас сейчас людей. В каждом из нас сидит человек с

маузером, ведь росли, жили мы в годы тотального оболванивания народа.

Соответствующее воспитание начиналось с детства. Возьмем типичный пионерский лагерь. Отдыхают дети. Что же они вбирают в себя? Как обогащают свой духовный мир?

Скульптуры, еще недавно торчавшие там и сям по обочинам дорожек, списаны. Но далеко их не убрали, отнесли в дальний угол двора. Детский взгляд все время натывается на них: Павлик Морозов, Человек с ружьем, Ленин с отбитой рукой...

А вчерашние дети, то есть мы, воспитывались именно на таком искусстве. Это наши любимые герои — не Буратино, не Красная Шапочка, не Белоснежка.

Наглядная агитация свернута, но осталась другая, не менее действенная. Воспитатель и дети разучивают песню. Что же поет этот импровизированный хор, что декламируют детские голоса? Послушаем.

*Наша родина сильна,
Охраняет мир она,
Охраняет мир она.
Есть у нас ракеты,
Есть и корабли.
Наши космонавты —
Чудо всей земли.*

Уродливые, убогие в художественном отношении строчки. О сути говорить не приходится.

Нигде, ни в одной стране мира так не ломалось сознание входящего в жизнь человека. Отменив одного бога, его заменили другим. И сделали это в такой недопустимой форме, что добились, как и следовало ожидать, обратного эффекта.

Сколько в стране вообще музеев Ленина? Сколько замаскировалось под новыми вывесками? Сколько памятников? Они сейчас еще стоят по заводским дворам, в провинциальных городках, поселках. Не спешат их убирать, не спешат и переименовывать улицы, проспекты...

А сколько все это стоило советскому народу? Конечно, все подсчитать невозможно, такая задачка была бы по плечу только большому научно-исследовательскому институту. Но кое-какие цифры все-таки есть.

Вот, например, один из не так давно возведенных памятников Ленину в Москве вместе с реконструкцией площади обошелся в 21 миллион рублей — в пересчете на доллары, по рыночному курсу, — тоже несколько миллионов. Может ли такая страна не быть нищей?

Владимиру Ленину не довелось побывать в Киеве. Хотя, как водится, музей Ленина в городе был. Но блюдолизам этого показалось мало. Одному из украинских вождей пришла в голову грандиозная идея. Была скрыта Владимирская горка, уникальный архитектурный ансамбль, и на этом месте возведен новый музей, который обошелся нам, налогоплательщикам, в гигантскую сумму. Даже стекла возили из заграницы.

Это как же надо не любить свой народ, какими ядами вытравить совесть, остатки совести из своей души, чтобы вместо школ, больниц, реставрации храмов, вместо того, чтобы построить новый жилой массив — а денег на это вполне хватило бы — возвести музей человеку, который никогда не был в Киеве!

Другая "статья расходов". По оценке ЦРУ содержание республики Куба обходится нам в 8

миллиардов долларов в год. Это — 22 миллиона долларов в день.

Вся наша страна была огромным концентрационным лагерем. Едва научившись стоять на ногах, маленький гражданин советской державы входил в царство лжи. В это царство можно было войти разными воротами. Одни из них — ВДНХ СССР — одно из крупнейших надувательств системы и издевательство над народом, который привык видеть вокруг себя нищету и техническую отсталость.

Посмотрим, например, как живут в Германии. Изобилие в витринах, на прилавках, доступные цены. При некотором допущении все это можно было бы назвать "выставкой достижений народного хозяйства Федеративной Республики Германии". Причем покупать входной билет на эту выставку не надо. Можно не только любоваться, но и пользоваться этими достижениями. Они доступны гражданам своей страны.

У нас зарубежный рай был открыт для немногих, в основном партийной номенклатуры, железный занавес отделял советского человека от заграничного изобилия. Перестройка, гласность, казалось, принесли свободу. Но на смену железному занавесу пришел занавес золотой. И теперь поездки за рубеж — удел немногих, успевших сколотить капиталец во времена всеобщего беспорядка и нестабильности, просто разного жулья и преступников.

Сегодня всем понадобились злые собаки, собаки-охранники. Их дрессируют, натаскивают на специальных площадках. В Москве, например, — в Сокольниках.

Впрочем, хозяева собак вполне могли бы обойтись и без инструктора, исходя из

собственного опыта. Секрет превращения доброго животного в злое, готовое разорвать человека на куски, прост: нужно не спускать собаку с цепи, держать ее впроголодь, издеваться над ней, дразнить ее.

Как все это похоже на те эксперименты, которые десятками лет производились над советскими людьми! А мы еще удивляемся, откуда эта тупая и бессмысленная злоба в народе.

...Войны, разрухи, каналы, плотины, повороты, развороты...

...Подтягивать животы, напрягать последние силы, стоять насмерть...

Обидно!

Прожить такую тяжелую жизнь и в конце пути убедиться, что все напрасно, что и впереди никакого просвета. Тяжело и обидно. Особенно старикам, пенсионерам.

Но есть и еще одна категория людей, которые ждать, пока все наладится, не хотят и не могут. Мы жалуемся, что они не уважают нас. А за что им нас уважать? Вон в каком состоянии мы оставляем им страну.

Они презирают нашу нормированную гласность, гласность для избранных, и правильно делают. Известно ведь, что полуправда — хуже лжи, а наши газеты, радио, телевидение просто поменяли хозяев.

Они не верят ни нашим призывам, ни нашим обещаниям. И ждать они не хотят и не могут.

Ежедневно ряды преступного мира пополняют тысячи добровольных рекрутов из молодежи. Чтобы остановить этот губительный процесс, нужно совсем немного — нужно заменить гласность — правдой. Тем более, что это все равно неизбежно. И нужно, чтобы молодые люди

хотя бы на примере своих родителей увидели — жизнь честного человека меняется к лучшему. Пусть немного, пусть совсем чуть-чуть, но меняется. А они видят обратное — честным трудом прожить нельзя. А ведь это им достанется страна. Они будут хозяйничать в ней, руководить. Вероятно, в биографии политического деятеля будущего никого уже не удивит, скажем, такая строка: "В молодости занимался фарцовкой..."

Между тем сегодня окружающий их мир предлагает массу соблазнов. Деньги, и бешеные деньги можно получить просто, не напрягаясь. Надо только переступить через низкий моральный порожек.

И те, кто пошли по этому пути, не больно-то раскаиваются, не мучаются угрызениями совести, да еще и смотрят на тебя свысока. Способы есть. У девчонок — свои. "Вон их сколько, богатых и праздных, смотрят жадными глазами! А ну-ка, поставим ножку на парапет, как он будет реагировать? Ага! Ключнул, козел! С кем? с вами?.. Нет, вы нас не за тех приняли. Мы? Абитуриентки. Готовимся к экзамену. В университет. По какому предмету? А вы откуда? Покажите удостоверение, никогда такого не видела. А ты, Люська, видела? Ну покажите, правда. А я вас за это поцелую. Люська, поцелуешь дядечку?.."

Это кадр-провокация. Две подставные девочки-актрисы.

У ребят — свои способы. Можно фарцануть. Можно... Валютчики, например, классно живут — интересно, рискованно. А на "зелень" сегодня — что душе угодно.

Можно заняться спортом. Не для рекордов, не для медалей, конечно. Ищи дураков уродоваться по 16 часов в день. Мускулы,

быстрая реакция сегодня не только в спорте нужны. И башлей в рэжете платят навалом...

А дальше — процесс приобретает необратимый характер. И на место преступления ради наживы приходит жестокость во имя одной лишь жестокости — показать себя, свою смелость, "крутизну". Запах крови — пьянит, кружит молодые головы.

Вот судят шестерых подонков из Люберец. Они изнасиловали и убили девочку-девятиклассницу, Дашу Мирошниченко. Обвиняемые, молодые ребята, никакого раскаяния не демонстрируют, ведут себя нагло, посмеиваются над тем, что говорит общественный обвинитель:

— Каждый человек несет ответственность за свой выбор, за свое поведение. Мы видели примеры поведения людей в более трудных, гораздо более экстремальных обстоятельствах. И оно было различно. В том же Афганистане некоторые люди отдавали жизнь, спасая своего командира и своих товарищей. А другие продавали автоматы и боеприпасы душманам... Все мы считаем, что справедливым и законным наказанием Махову (убийце, это он ударил Дашу трубой по голове, прежде чем сбросить ее в канализационный колодец — С.Г.) может быть одна, исключительная мера, смертная казнь. Махов отнял у человека то, за что ни деньгами, ни трудом не расплатиться...

Плачет мать, плачет бабушка Даши. А девушки уже нет — умер на третий день после того, как узнал о случившемся.

Сколько, вы думаете, дали убийце? Пять лет лишения свободы.

Убийца и садист Симаков прежде чем убить жертву, издевался над ней. Насиловал

девушек. Потом глумился над трупами. Найдется ли ему достойная кара?

Самый жестокий и отвратительный убийца — как он меняется перед казнью! Безжалостный преступник, изощренно глумившийся над жертвами становится жалким, у него отнимаются ноги, отказывается крестец. Вот тут бы, в эту минуту вспомнить, как молили его о пощаде жертвы, как кричали, бились в истерике матери убитых!

Возмездие еще не совершилось, но оно неотвратимо...

Спрашиваю отца Питирима:

— Как вы относитесь к смертной казни?

— Как христианин — я против,— отвечает Питирим,— но считаю, что сегодня, как необходимость, она, к сожалению, нужна.

Очень точно выразился один француз:

— Вы за отмену смертной казни? Отлично! Я тоже. Только пусть ее сначала отменяют господа убийцы.

Нечто подобное мы слышим и на улицах, от потрясенных свидетелей преступлений:

— Убивать их надо!..

— Вот что надо. Расстрел надо таким. Обязательно...

Да, сегодня мы обязаны применить самые крайние, самые вынужденные меры, чтобы попытаться остановить волну тягчайших преступлений. Как показывает опыт цивилизованных стран, подобные действия позволяют достигнуть заметного успеха.

А пока — информация о преступлениях, одно страшнее другого, льется с экранов телевизоров, с газетных страниц.

Москва. Гражданин Попель, 60-го года рождения, не работающий, при разбойном нападении на квартиру убил хозяйку Горячеву Е.Ф.,

после чего отрезал ей ухо, чтобы продемонстрировать свою жестокость перед друзьями.

Каменск. В выгребной яме общественного туалета обнаружен труп четырехмесячной девочки. Есть основания полагать, что это преступление совершено ее 17-летней мамашей. Женщина задержана.

Соликамск. Трое молодых подонков угнали "скорую помощь". Просто так. Покататься. Не справились с управлением, машина перевернулась. Двое угонщиков получили ранения. Тогда третий, оставшийся целым и невредимым, чтобы скрыть следы преступления, облил своих товарищей бензином и сжег их.

Прохладный (Кабардино-Балкария). Случай, конечно, уникальный. Наряд милиции, состоящий из трех сотрудников, пытался задержать трех подростков, угнавших чужой автомобиль. Случайными выстрелами из пистолета сержант милиции тяжело ранил обоих своих коллег. Один из них скончался. Преступники живы и невредимы.

Санкт-Петербург. На территории трампарка им.Блохина, рядом с которым находятся пять женских общежитий, вновь обнаружены трупы новорожденных младенцев. По свидетельству эксперта, обследовавшего место преступления, они не являются одноматочными близнецами. Совершенно ясно, что это дети разных матерей.

Женщины и преступность — особая тема, горькая и трудная. В ней много неожиданных поворотов. И всегда говорить об этом особенно больно — идет ли речь о нарушившей закон, о жертве нападения или о родственнице, жене, любимой участника происшествия.

Вот печально знаменитая петербургская тюрьма "Кресты". Милый мальчик, подросток в

камере. Он убил ножом прямо в ее кабинете женщину — инспектора по делам несовершеннолетних, капитана милиции.

Спрашиваю:

— Мать, наверное, переживает, да?

— Конечно. Ей плохо сейчас. Она часто приходит сюда.

— У тебя брат есть?

— Да.

— Он старше тебя? Работает?

— 20 лет ему. Он тоже здесь сидит. За угон машины.

— Как? Он тоже здесь? Вы в разных камерах, что ли?

— Да. Он во взрослом режиме, а я малолетка.

— А... Ты малолетка. Двое вас у матери?

— Да.

— И оба в "Крестах"? Тяжело...

— Конечно, — слышен вздох.

— Ты куришь? — спрашиваю.

— Нет.

— А как же курить-то не научился?

— Вредную привычку не хотел иметь. Да и деньги еще на это тратить...

К "Крестам", на набережную, каждый день, словно на работу, приходят женщины.

Подхожу к одной:

— Здравствуйте, девушка. Если не секрет, кто у вас там сидит? Муж? Жених?

— Муж.

— Давно его арестовали?

— Год уже сидит.

— Сколько дали?

— Восемь. 146-я.

— Ага... 146-я! Это значит — разбойное нападение? Ну и на кого же он напал?

— Ну, остановил какую-то, значит, женщину. Попросил ее снять золото.

— Сколько ему лет?

— Ему — 26.

— А тебе?

— Мне 19.

— Ты его любишь?

— Да.

— А то, что он совершил разбойное нападение, тебя не смущает?

— Про это я узнала только...

— Ну а после того, как узнала? Ты изменила свое отношение к нему?

— Осадок какой-то есть. Но вообще — нет, не изменила.

— Так что, будешь ждать его?

— Да, буду.

— Все восемь лет?

— Уже не восемь, — отвечает радостно, — уже семь с половиной. — При этом она выбегает на дорогу перед забором тюрьмы, поднимает записку.

— Вот ты приходишь, — спрашиваю я, — а он знает день и час?

— Я ему говорю, когда прихожу. Если милиция бывает — нельзя кричать. А так мы разговариваем. Он все слышит.

— А как же они записки передают? — интересуюсь я.

— Ну, они там делают из газет такие трубки, как детские "плевательницы" — горошком плевать. Потом еще хлебный мякиш наворачивают, долго перетирают и наворачивают. Потом дуют, и она долетает. — Девушка разворачивает записку и начинает читать.

Мешать ей я не решаюсь.

Женщина всегда остается женщиной. Даже если она — представительница "древнейшей" профессии. Общество все равно в чем-то виновато перед ней. А она подвергается нешуточной опасности — за примерами далеко ходить не надо.

Во время съемок мы поручаем своим молодым актрисам сыграть роль "подсадных уток", проституток. Эксперимент затевается, чтобы узнать, каковы цены на рынке таких услуг, какой контингент возвращается вокруг таких девиц.

Вот стоят, переговариваются две девушки (наши) и два парня. Спор идет о ценах.

— Какие цены в Москве? — старается не отвечать прямо на вопрос первая девушка.— В Москве большие цены.

— У каждого — свои, — вторит ей подружка.

— А ваши?— настаивает парень.

— Наши цены? — не сдается первая девушка.— Вы сначала свои предложите, а потом мы свои скажем.

Парни предложили вроде бы подходящую цену. Девушки все равно продолжают торговаться:

— Может еще пятерочку (долларов) набросите?

Те соглашаются. Один из них вдруг заявляет:

— Нас — четверо.

Слава Богу! Есть повод отказаться. Но беседа на этом не заканчивается. Первая девушка уводит разговор в сторону:

— А не страшно на улице знакомиться? Мало ли что? Болезни разные и вообще...

— А есть такие штучки,— парирует парень.— Не знаю только, для чего их придумали,— пытается он пошутить и навязать свой тон.

— Да? Чего только не придумают!— деланно удивляется одна из подружек.

— А у вас деньги-то есть вообще? Или так — разговоры?— вдруг "спохватывается" другая.

Извлекается пачка купюр.

— Давайте посмотрим сначала на ваших друзей, а потом решим, садиться к вам, извините, в машину или нет,— не сдаются "ночные бабочки".

Конечно, "друзья" были забракованы. "Сделка" не состоялась.

К одной из актрис подваливает настоящий кидала. Смысл этой воровской профессии в том, чтобы "кинуть", ограбить клиента. То есть девушке не надо грешить, осквернять свое тело. Ей достаточно заманить клиента в машину. Дальше — работа "кидалы".

Наша девушка долго прикидывается недогадливой:

— Что значит "кидала", я не понимаю, объясни.

— Не знаешь, что ли?

— Нет, ну расскажи.

— Ну, бизнес такой хороший. Занимаешься таким делом, а не знаешь...— удивляется парень.

— Ну а вдруг мы говорим об одних и тех же вещах?

— Да, вообще...— начинает объяснять "кидала", но тут замечает человека с камерой в укрытии: — Мусора, что ли, снимают?

— Что? Какие мусора?— опять будто не понимает ничего девушка.

— Снимают, что ли?— повторяет парень. С этими словами он прикрывает лицо воротником и ныряет в подземный переход.

Разговоры проституток с клиентами всегда ведутся словно на каком-то чужом, не русском языке. И без взаимной теплоты и доверия, как говорится.

Вот стоят девушка и парень.

— Тут — триста (\$30),— говорит он.

— А я не верю...

— Лапуль!..

— Рваные! Рваные сейчас на доллары не меняют!

— Ну ладно, выбрось их,— с деланным равнодушием предлагает парень.

— Выбросить?

— Брось туда, в грязь, пусть валяются.

— Нет, надо, чтобы их списали.

— Ну где они рваные, где, покажи,— возмущается парень.— А если рваные — выбрось их подальше.

— Ты мне скажи, откуда у тебя такие деньги,— тянет время девушка.

— Какая тебе разница?

— Ты случайно не кооператор? Сколько денег! С ума сойти!

— Нет, я не кооператор.

— А кто? Рэкетир?

— У меня после зоны неустоечки были, — усмехается парень.— Вот сейчас и собираю.

— А, ты после зоны...

— Да. Проблемы с пропиской.

Настоящий вор-рецидивист. С таким надо держать ухо востро.

— А золотишко у тебя есть?— спрашивает девушка.

— Да.

— А много у тебя золотишка?

— Да поехали, хватит.

— Нет, я одна не езжу. Вдвоем не так страшно.

— А тебе со мной страшно, что ли?

— А с тобой страшно.

— Значит, я такой страшный, что ли?

— Ну не так чтобы очень страшный, но все же... Мало ли что?

— Посмотри: я же молодой совсем?

— Молодой? Сколько же тебе лет, молодой?

— Мне — 28.

— 28? И уже сидел?

— Два раза.

— Два раза? И за что?

— Ну какая тебе разница, лапуль,— начинает проявлять нетерпение парень.— Ну какая тебе разница?

— Ну, мне просто интересно. Я понимаю, что ты платишь. Твои деньги — мой товар. Но мне все равно интересно.

— Первый раз я сидел за хулиганку.

— За хулиганку? А второй?

— А второй — за квартирную.

— За квартирную кражу?.. Нет, не поеду с тобой.

— Ну почему?

— Будет валюта — подходи!

Дальше — возгласы недовольства. И на этом можно закончить съемочный эксперимент.

Падение нравственности в обществе идет параллельно с нарастанием безжалостности, бессердечности.

Спрашиваю у отца Питирима, что он думает по этому поводу:

— Меня очень волнует и пугает эта растущая жестокость,— отвечает отец Питирим.— Это национальная трагедия. И причина — в потере духовности, потере человечности, в потере гуманности.

— А Бог?

— А Бог? Бога — упразднили.

Да, это так. А вместе с ним — насильственно лишили жизни тысячи ни в чем не повинных священнослужителей. Десятки, сотни тысяч служащих, представителей интеллигенции, просто порядочных людей.

Чтобы казнить миллионы жертв, понадобилась целая армия палачей. Ее удалось без труда собрать. Многие из них еще живы. Мы, дети погибших, платим им пенсию.

Чьими же руками были осуществлены массовые репрессии в нашей стране? Что тут гадать? Все у нас делалось руками рабочих. Вот еще одно гнусное преступление режима: "авангарду" общества вместе с незаконно присвоенным титулом, как бы в нагрузку, была навязана роль тупого исполнителя преступных приказов.

Страшная история не могла не отразиться на судьбе класса пролетариев. Существует область уголовной статистики, которую тщательно скрывали от общества, поскольку такой статистики как бы не существовало. Попробуем произвести кое-какие расчеты сами. Разумеется, наши данные несовершенны, мы смогли проанализировать только одну четверть года, изучили только одну криминальную область — тяжкие преступления. Но и эти несовершенные данные рисуют необычную картину. Стоит лишь взглянуть на таблицу.

Социальный портрет преступника
(ноябрь, декабрь, январь — 1989—1990гг.)

Рабочие	47%
Неработающие	42%
Учащиеся	4%
Колхозники	3%
Служащие	1%
Остальные	3%

Итак, 47% тяжких преступлений совершены рабочими. 42% — неработающими, тоже в большинстве своем бывшими рабочими, как показывает изучение уголовных дел. Вот он — "авангард" общества, и здесь — впереди!

Среди миллионов жертв преступности, жертв безвинных, есть особая категория — те, чьих имен мы не знаем и никогда не узнаем. Причем относится это не только ко временам сталинщины, но и к совсем-совсем недавнему прошлому. По сути — к нашей современности.

Мы с Александром Невзоровым в машине, на лесной дороге. Приближаемся к кладбищу. Я прошу:

— Напомни, Саша, в чем суть проблемы.

— Здесь,— начинает рассказ популярный ленинградский телеведущий,— на Ковалевском кладбище вблизи города обнаружено 900 таинственных могил. Гробы в них есть, мы щупом проверяли. Но неизвестно, кто в них находится. Более того, неизвестно, кем были захоронены эти люди: все документы абсолютно липовые. Произошло это с 1984 по 1988 годы.

— А как тебе удалось раскопать это дело? Каким образом ты на него вышел?— спрашиваю я.

— Самое главное — инженер кладбищенской конторы затеял расследование, задумал выйти на прессу, но за три часа до встречи со мной был арестован по предельно нелепому, по дикому совершенно обвинению. Спустя некоторое время этот человек погиб в "Крестах", повесился при весьма загадочных обстоятельствах.

— Ну а что сейчас происходит? Как продвигается расследование?

— Господь с вами, Станислав Сергеевич! Какое расследование! Никакого расследования нет. Всем глубочайшим образом наплевать на это.

— Твоя версия?

— Версии, я думаю, две. Или это какая-то грандиозная кладбищенская липа, что маловероятно. Но скорее всего сюда, в землю Ковалевского кладбища, спрятаны тела тех людей, нахождение которых вызвало бы возбуждение нежелательных для кого-то уголовных дел. Ведь нет ничего проще, чем спрятать труп именно на кладбище...

Слушая Невзорова, я думаю вот о чем. Какая бы версия ни оказалось правильной — детектив ли это, привычное ли наше безумство — все равно ужасно. Вот жили люди. 900 человек. Голодали, мучились, надеялись. Умерли, не дождавшись светлого будущего. И как при жизни были ничто, так и после смерти — не заслужили даже таблички на могиле...

Трагическое и страшное соседствует в нашей жизни с комическим. Но таким же диким, не сразу поддающимся осмыслению. Снова А.Невзоров, выступает по телевидению:

— В Васкелове, под Ленинградом, шестеро неизвестных в военной форме украли, изнаси-

ловали, а затем убили козу хозяина дачного участка N 14.

Как говорится, "любовь зла — полюбишь и... козу"! В этой связи вспоминается М.Жванецкий, одна его реприза:

— Вот я думаю, а может нас для примера держат? Весь мир смотрит и пальцем показывает — видите, дети, ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

(литературная запись фильма)

Часть I РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Россия...

Необъятные просторы, богатейшие земли...

Ныне — истерзанная земля, обессиленная, отдавшая свои соки неразумным детям.

Россия.

Почему она стала такой? И почему мы, дети ее, живем так трудно и так глупо?

Где путь к возрождению?

Людям без роду, без племени, без корней и без родителей, без истории и исторического опыта никогда не выбраться на этот путь.

Поэтому, наверное, надо вспомнить, кто мы, кто наши родители, что есть мать-земля, наша Россия?

Когда мы брались за эту тему, историки, люди серьезные и осторожные, остерегали нас: постарайтесь избежать восторгов по поводу старой России; во-первых, не так уже там все было замечательно...

Во-первых, все познается в сравнении. Как бы ни было плохо в царской России, но пришел февраль 17-го года и похужело неизмеримо.

Во-вторых, чем больше узнаешь эту неизвестную нам страну, тем больше влюбляешься в нее. Это происходит невольно.

И в-третьих...

Как оболганному, униженному человеку никакое доброе слово в его адрес не покажется лишним, так и оболганная (с оболганной, фальсифицированной историей), униженная страна нуждается в добром слове, сказанном хотя бы на ее поминках.

Новейшая история России еще не написана и не нам — написать ее. Это сделают когда-нибудь настоящие историки. А то, что попытаемся рассказать мы... Это как бы впечатления человека, который начал узнавать историю собственной страны уже в зрелом возрасте. Как пайку хлеба заключенному, так нам ежедневно выдавали то одну страничку нашей истории, то другую. И то, что мы узнавали — переворачивало душу.

Сегодня, издавелека, кажется дьявольским наваждением то, что происходило с Россией в начале века. Какое-то всеобщее ослепление. Словно Господь отнял у людей разум.

Наша задача еще и в том, чтобы показать, что мы имели. Имели, но потеряли.

Но не все мы утратили безвозвратно. Многое можно еще вернуть.

Спросили бы меня: куда идти? вперед или назад?

Ответил бы, не задумываясь: сначала назад. Посмотреть, что мы порастеряли в дороге. Поднять то, что еще сохранилось...

Но назад — не к сохе и лаптям. Назад — к чести и согласию. К Богу, если хотите. К тем высоконравственным христианским заповедям, по которым тысячу лет жил великий народ.

Но тут надо помнить: человеку, утомленному трудной дорогой, обратный путь всегда кажется длиннее.

Обратный путь длиннее.

И еще.

История скрывает не только прошлое народа, в ней сокрыто и его будущее.

Чтобы узнать, что с нами будет, надо понять, что с нами было. Чтобы узнать свое будущее, нужно заглянуть в историю.

В 1914 году в Париже вышла книга Эдмона Тэри "Россия в 1914 году. Экономический обзор".

Французский ученый приводит убедительные данные экономического благополучия России и делает вывод:

"К середине текущего столетия Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях".

О том, что Россия кормила своим хлебом Европу, мы уже знаем. Ее называли житницей Европы.

В России хлеба было на одну треть больше, чем в самых крупных земледельческих странах мира — Аргентине, Канаде, США — вместе взятых.

Развитие промышленности шло бурными темпами. Перед революцией Россия уже перестала нуждаться во ввозе иностранных изделий. Ее заводы могли производить все: от самоваров и велосипедов до подводных лодок и аэропланов.

Лапотная неграмотная Россия...

Грамотность в России составляла 70 процентов. В сельских школах с 1908 года образование — бесплатное и обязательное. Вводится всеобщее народное обучение. К 1922 году не должно было остаться ни одного неграмотного человека.

В 1927 году на съезде ВКП(б) Крупская жаловалась: "Стыдно оттого, что за 10 лет советской власти грамотность в стране значительно убавилась".

А теперь о ценах.

Хлеб стоил 2,5-3 копейки фунт.

Сахар — 12-17 копеек фунт.

Мыло — 40 копеек фунт.

Мясо — 15 копеек фунт.

Икра — 3 рубля 40 копеек фунт.

Водка — 13 рублей ведро.

Ученик рабочего получал 30 рублей в месяц.

Слесарь — 74 рубля.

Профессиональный рабочий — 344 рубля.

Врач — 240 рублей.

Учитель — 210 рублей.

Инженер — 200 рублей.

Среди неисчислимых и невозвратимых потерь, которые понес народ — и начисто забытая русская кухня. Откроем Гиляровского — большого знатока московского быта.

"— Ну-с, Кузьма Петрович, сооруди сперва водочки...

— Слушаю-с.

— А теперь сказывай, чем угостишь.

— Балычок получен с Дона... Янтаристый... Так степным ветерком и пахнет... Потом белорыбка с огурчиком. Манность небесная, а не белорыбка. Икра белужья парная... Калачики чувские. Поросеночек с хреном...

— Так, а чем покормишь?

— Селяночку с осетриной, со стерлядкой... живенькая, как золото желтая, нагуляная стерлядочка, мочаловская.

— Расстегайчики закрась налимьими печенками...

— Слушаю-с. А потом я рекомендовал бы натуральные котлетки а ля Жардиньер. Телятина, как снег белая. Лососинка есть живенькая, петербургская... Спаржа, как масло...".

Наверное, для современного молодого человека все это — некий тарабарский язык. Он просто не поймет ничего. Как не поймет описания тем же Гиляровским того, что стояло на витринах Елисейевского магазина:

"Окорока вареные, окорока вестфальские провесные с откиннутым плащом... Жирные остендские устрицы, фигурно выложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты... Стерляжья мелкая икра, темная осетровая и крупная, зернышко к зернышку, белужья. Ароматная паюсная, сухая мешочная, паюсная икра с особым землистым ароматом...".

Ну, хватит, наверное. Похоже на издевательство над нашим человеком...

Листаю в Архиве толстую книгу. Господи, сколько же их было — Попечительство детских приютов, Попечительство о глухонемых, о слепых, об охране материнства и младенчества — нескончаемый список. И в конце каждой справки: УПРАЗДНЕНО Великой Октябрьской революцией.

Была упразднена великолепно отлаженная система государственной, ведомственной и частной благотворительности.

"Социалистическому строю СССР чуждо понятие благотворительности", — читаешь в первой советской энциклопедии.

Господи, кто же придумал этот строй — которому чуждо проявление сострадания к ближнему!

А сейчас такая демографическая справка. Ее приводит тот же Эдмон Тэри в своей книге.

В 1948 году население России должно было составлять 343 миллиона человек!

Разумеется, цифра весьма приблизительная. Французский ученый учитывал население Польши и Финляндии — тогдашних провинций России, методы подсчета были несовершенными. Ну, пусть 300 миллионов.

По переписи 1950 года — 178 миллионов.

Куда же девались 120 миллионов человек? Вот она — наша жуткая действительность — в цифрах.

2,3 миллиона — первая мировая война.

20 миллионов — гражданская война, красный террор, голод 1921-1922 годов.

10 миллионов — раскулачивание и голод 30-х годов.

35 миллионов — Отечественная война (об этой цифре мы поговорим позже).

50 миллионов — те, кто погибли в репрессиях, и те, кто не родились, поскольку их потенциальные родители погибли.

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ

Его построила "темная лапотная Россия", русские мужики (женщины тогда не горбились на тяжелых работах). Между тем ни по скорости строительства (всего два десятка лет), ни по крупности инженерных задач, ни по тяжести климатических условий строительство это не имело аналогов в мире.

Как и все люди моего поколения, я раньше думал: если бы не революция, не советская

власть, не было бы в России ни Днепрогэса, ни атомной бомбы, ни Гагарина...

Но вот что мы обнаружили в Историческом Архиве Санкт-Петербурга.

1832 года, доклад полковника Шишова в Комиссию проектов и смет... о строительстве каменной плотины на Днепровских порогах...

Это же Днепрогэс! Как вы думаете: смогла бы страна, построившая Великий Сибирский Путь, которым восхищался весь мир, перегородить не такую уж широкую речку? Думаю, что смогла бы. Если бы очень хотелось погубить Днепр.

А метро в Москве! Его что, Каганович придумал? В 1913 году началась подготовка к прокладыванию метро и заложены электростанции. В 1915 году должна была быть пущена первая линия — помешала война.

Или такой ошеломительный проект, которому не дано было осуществиться из-за революции: Трансаяска-Сибирь. Железнодорожный путь от станции Канск через Киренск, Якутск, далее через мыс Дежнева на Аляску. Два тоннеля под проливом, один — под русскими водами до острова Ратманов, другой — под американскими. Общая стоимость проекта 470 миллионов золотых рублей.

"Отсталая" Россия прокладывала 2600 верст железных дорог в год. Даже в лучшие годы советской власти более 1500 километров не строили. А километр, между прочим, меньше версты. Да и что это за дороги? Посмотрите как-нибудь на досуге — дороги эти вели, в основном, к лагерям. Как, например, эта, Салехард—Норильск, так называемая "мертвая дорога". Построена она рабами-заклученными и

давно уже погибла, утонула в вечной мерзлоте. Кости сотен тысяч людей лежат под ее рельсами.

А БАМ — Байкало-Амурская магистраль? Нет, он тоже был "сделан" царской Россией. То есть были проведены топографические, геодезические, геологические изыскания. Осталось только рельсы и шпалы положить.

Эти рельсы и шпалы мы кладем шестьдесят лет. Советская власть начала строить БАМ еще до войны. Мало кто знает об этом. Строили-то дорогу заключенные. Перед войной, в 1940 году на коротком участке дороги даже прошел первый поезд. В войну рельсы сняли, они пошли на строительство Сталинградской рокады.

В семидесятых годах строительство БАМа возобновилось.

Вы когда-нибудь были на БАМе? И не надо. Искалеченная природа, искалеченные люди. Приехали они туда молодыми, а сегодня им за сорок, и нет у них никакого будущего.

Сегодня только самого отсталого человека можно купить на "утку" о темной и нищей России 1913 года. Именно с этим предвоенным годом наши бывшие идеологи любили сравнивать советские достижения.

Перед первой мировой войной страна развивалась фантастическими темпами. И ничто, пожалуй, так ярко не иллюстрирует это бурное развитие, как строительство транспортных магистралей, о которых мы успели сказать всего чуть-чуть.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕАКЦИЯ

Александра II называли Царем Освободителем. Он отменил крепостное право. Уместно заметить, что в это же время в США шла кровопролитная война за отмену рабства.

На Царя Освободителя русские революционеры устроили настоящую охоту. Одно неудачное покушение, другое... И, наконец, удача! Взрывом царю оторвало ноги. Он был еще жив, когда его привезли в Зимний Дворец. Успел проститься с близкими и, наверное, простить убийц... Тринадцатилетний Николай стоял у постели умирающего деда.

Все царские правительства большевики называли безмерно жестокими...

За убийство Александра II было казнено пять человек. За выстрел в Ленина поплатились жизнью десятки тысяч. Причем, невинных — взятых как заложники.

Русское либеральное общество, русская интеллигенция не выказали видимого огорчения от убийства царя. Это поощрило революционеров...

Передо мной альбом — в нем фотографии террористов, готовивших и осуществлявших планы убийства государственных деятелей и представителей власти. Альбом был собран по заказу Императора Александра III. Что он делал с ним? По вечерам перелистывал его, всматривался в лица людей, убивших его отца, мечтающих убить его самого? Пытался понять, что руководило этими людьми?..

Вот Вера Засулич... Она стреляла в градоначальника Трепова из пистолета самого большого калибра — с каким ходят на медведя.

Суд оправдал ее. Светлый миг русской истории! Толпа несла освобожденную на руках...

Общество рукоплескало убийцам. В таком случае — что ж оно хотело получить, это общество? Все, что случилось потом, — закономерно и оправданно.

А имена героев террора советская власть не преминула увековечить — от разбойника Стеньки Разина до изувера Нечаева, до Желябова, Халтурина, Перовской... Ни одного убийцу не пропустили.

Итак, образованная часть общества жаждет революции. Чтобы приблизить ее, надо разрушить существующий строй. Как? Да как угодно. Что бы ни делать — лишь бы во вред властям.

К 1905 году террор достиг неслыханного размаха. Сначала убивали министров и губернаторов, потом уже начали убивать тех, кого легче было достать. Чаще всего городских — то есть обыкновенных крестьян.

В Севастополе бросили бомбу в офицера и убили свыше ста человек. Среди них были дети.

Ленин инструктировал в письме: бомбы делать чугунные и начинять гвоздями — чтобы больше осколков...

Человеком, который покончил с революцией и террором, был Петр Аркадьевич Столыпин.

Столыпин, безусловно, — самая яркая и самая значительная фигура в предоктябрьской России. Среди его предков — Суворов, среди родственников — Лермонтов (бабка Лермонтова, если помните, была — Столыпина). Он пришел в Петербург волевым посланцем русской провинции. Саратовский губернатор, он еще в пору своего губернаторства пережил несколько покушений на

него. Террористы грозились убить его сына — единственного сына после пяти дочерей. В 1906 году Столыпин был назначен министром внутренних дел, а вскоре и премьер-министром.

Мысль Столыпина была: чем тверже в самом начале, тем меньше жертв. Он ввел военно-полевые суды. А чем, скажите, суд революционеров справедливее? На своих тайных судилищах они выносят смертные приговоры, руководствуясь не законами, а только ненавистью.

Только за 1905-1906 годы бомбами и бранингами было убито и искалечено 20 тысяч человек — это было оглашено в Государственной Думе.

"Там, где аргумент — бомба,— сказал Столыпин,— там естественный ответ — беспощадность кары".

Военно-полевые суды приговаривали к смертной казни только за самые тяжкие преступления и все равно поднялась волна протестов (и от Льва Толстого тоже, недаром Ленин называл его "зеркалом русской революции"): нельзя сметь казнить вообще никого, даже самых зверских убийц. Всякий, кто не одобрял террора, сам понимался русским обществом как каратель.

Между тем террор стал заметно ослабевать.

"Россия сумеет,— говорил Столыпин,— отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных хирургов". Может быть, какому-то историку удастся подсчитать, скольким тысячам русских людей спас жизнь Столыпин.

Одной из последних судорог террора было покушение на самого Столыпина — трудно сказать, какое по счету.

В 1906 году взбесившиеся революционеры взорвали дачу премьера на Аптекарском острове. Сила взрыва была огромна, трупы превратились в бесформенные куски мяса. Погибло 27 человек, ранено было 32. Постарадал сын Столыпина, дочку же выбросило с балкона на улицу под колеса лошадей. Она осталась хромой на всю жизнь. Не пострадал только один человек — сам Столыпин.

"Да здравствует мужественная жизнь, господа,— заявил после этого Столыпин,— и да посрамятся труссы!"

С террором было покончено. Революционеры бежали за границу. Ленин, практически и не уезжавший из эмиграции, был в отчаянии:

— Мы не доживем до революции,— жаловался он.

Началось великое выздоровление страны. Пора было приниматься за реформы. Главная идея Столыпина заключалась в следующем: нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина. А такой гражданин в России — крестьянин.

При Столыпине произошло истинное и полное освобождение крестьян, получивших свою собственную землю.

Столыпин хорошо понимал: крепкий крестьянин на своей земле — преграда для всякого разрушительного движения, для всякого коммунизма.

Результаты реформы были ошеломительны. Только за четыре начальных года страна довела годовой сбор хлеба до 4 миллиардов пудов!

Столыпину удалось осуществить и еще одну свою давнюю мечту: освоить пустующие плодородные земли в Сибири. Еще раньше была

отменена ссылка за Урал — чтобы не засорять этот благодатный край уголовными элементами.

Началось переселенческое движение. Каждая крестьянская семья получала 50 десятин земли — в собственность. Освобождалась от налогов, мужчины — от воинской повинности. Были придуманы специальные вагоны упрощенной планировки — чтобы можно было ехать со всем скарбом, с домашними животными.

Вон оно откуда — столыпинские вагоны! Нам-то морочили голову: для революционеров. Ан нет. Это уж потом, после революции, надумали перевозить людей, как скот, — на убой.

"Реакционер" Столыпин, каким он представлялся перед нами со страниц школьного учебника, и был истинным революционером и реформатором.

Все, что бы он ни делал, сводилось к одному: поднять Россию! Сделать ее по-настоящему свободной — свободной от нищеты, от невежества, от бесправия!

1 сентября 1911 года в Киеве на спектакле в присутствии Императора Столыпин был смертельно ранен террористом Богровым. Это произошло в антракте, Богров подошел к нему вплотную и выстрелил в упор. Дважды. И побежал по проходу из зала.

Столыпин взглянул наверх — Император смотрел на него из ложи. Столыпин поднял левую руку — правая была пробита — и перекрестил ею Государя.

Царь не спустился из ложи, не наклонился к смертельно раненному человеку.

Он не понимал (и не скоро еще поймет), что пули эти были выпущены в него самого, во всю династию.

День убийства Столыпина можно считать днем второго рождения русской революции. Революционеры воспряли духом. Представляю, как радовался Ленин. Даже Бенито Муссолини, будущий фашистский лидер, тогда еще молодой итальянский журналист, разразился восторженной статьей по поводу убийства "тирана с берегов Невы".

Россия вступила на путь "великих потрясений".

Во время одной своей знаменитой речи в Думе Столыпин выкрикнул, обращаясь в сторону скамей, где сидели левые: "Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!".

Столыпина похоронили в Киево-Печерской Лавре. Почему не в Петербурге, не в Москве?

В бумагах покойного нашли записку: "Хочу быть погребенным там, где меня убьют".

В 1912 году в Киеве, на Крещатике открыли памятник Столыпину (по общественному сбору, император не хотел этого памятника, казна не дала на него ни копейки). В 1917 году памятник снесли. По чьему указанию? Ленина?

Нет, это был чуть ли не первый шаг Временного правительства. Столыпина одинаково ненавидели и левые, и правые, и социалисты, и реакционеры, и царь... Царица уж точно терпеть не могла. Такова природа человека: смелых, идущих против ветра, не любят еще больше, чем трусов.

Первоначально была идея поставить на постаменте памятника Столыпину памятник его убийце — Богрову. Не такая уж нелепая мысль. Сколько по всей новой России бронзовых убийц вскарабкалось на гранитные постаменты своих жертв!

В итоге на место Столыпина был водружен Карл Маркс. В войну это памятник был разрушен. Потом примерно там же был поставлен гранитный Ленин — памятник Октябрьской революции. Сейчас и его нет. Снесли. Интересно, кто теперь будет стоять на этом месте? Петлюра? Батя Махно?

Но это уже заботы соседнего с нами суверенного государства.

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

Последний русский Государь Николай Александрович Романов родился 6 мая 1868 года.

Во всех русских царях, начиная с Екатерины I, текла немецкая кровь, в Николае была еще и датская — мать его, Мария Федоровна — датская принцесса. Александр III был огромного роста, дети же его — значительно меньше. Александр III ругал жену: испортила породу! Он был строгий отец. Говорил воспитателям детей: "Фарфору мне не нужно, мне нужны нормальные здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста, но доказчику первый кнут".

О воспитании русских царей следует сказать особо. Образованнейшие люди России привлекались для этой цели. Достаточно вспомнить поэта Василия Жуковского. Наследнику русского престола с раннего детства внушалась мысль, что жизнь его не принадлежит ему лично — она принадлежит народу, его

родине. Даже жениться по любви Наследник не имел права — брак мог быть только таким, какой выгоден России. Последний русский Император и его супруга Александра были счастливым исключением — они любили друг друга.

Николай закончил расширенный гимназический курс, свободно говорил на четырех языках. За пять лет он прослушал полный курс Академии Генерального Штаба и отбыл четыре лагерных сбора.

Закончив воспитание, Наследник удивил общество, совершив не поездку по королевским дворам Европы, а настоящее, полное приключений и опасностей, путешествие по странам Среднего и Дальнего Востока. В Японии на него было совершено покушение. Японский фанатик бросился на гостя из России с саблей, Николай отделался легкой раной.

В молодости он был влюблен в балерину Кшесинскую. У них был роман, длившийся довольно долго.

Потом он влюбляется в другую, уже окончательно и на всю жизнь — в Алису Гессен-Дармштадтскую, немецкую принцессу, воспитанную при английском дворе. Отец Николая был против брака, но сын выказал настойчивость, упрямство, преданность своей Алисе, проявил ту твердость, которой так не хватало ему в управлении государством — в 1894 году они обручились.

В этом же году умер Александр III.

Николай не был внутренне готов к царствованию. Отец его был здоровый сильный человек, гнувший пальцами серебряные рубли — не верилось, что он когда-нибудь умрет. К тому же Николай по натуре не был ни властолюбив, ни тщеславен... Внешний облик Государя лучше

всего передавал удивительный портрет Серова. При взятии Зимнего Дворца в октябре 1917-го толпа матросов и солдат изодрала штыками произведение великого русского художника.

В 1896 году в Москве состоялась Коронация. В этот день случилась трагедия. В толпе на Ходынском поле возникла давка. Погибло более тысячи человек.

Последующие правители России, стоявшие по колено в крови народа, не могли простить Николаю этого события. Ленин иначе как Кровавым Николаем не называл.

Надо ли говорить, как тяжело переживал Николай это несчастье. Семье каждого погибшего была назначена выплата 1000 рублей — из его личных средств. Но, конечно, это было слабое утешение...

Николай был сугубо военным человеком, настоящим полковым командиром, в чине которого он и находился — имел звание полковника. Только в кругу офицеров чувствовал он себя как в своей тарелке, их заботы трогали его больше всего. После японской войны было введено новое обмундирование в армии. С ружьем и ранцем, в полной солдатской амуниции Император России совершил пеший поход в двадцать верст — хотел проверить, не тяжело ли это будет солдату средней силы.

В 1898 году тридцатилетний император обратился ко всему миру с призывом положить предел росту вооружений. По его предложению был создан в Гааге Международный суд над державами-агрессорами. Тут уместно вспомнить и предложение деда Николая — Александра II: запретить разрывные пули. И ведь запретили.

Правдивее всего показывают человека фотографии из семейного альбома. Что они го-

ворят о Николае? Шутник, озорник, милый человек... без капли позерства... прекрасный семьянин... Но этого мало для императора... Интересно рассуждает о нем А.Солженицын:

"Николай дважды просвистел Россию. Александр III оставил ему сравнительно здоровую страну. За 11 лет он довел ее до бунтов Пятого года. Потом Россию вытянул Столыпин. Началось великое выздоровление. За следующие одиннадцать лет он довел ее до ужасов Семнадцатого года. Он играл в поддавки с революцией. И он любил свою семью и свою Алису больше, чем Россию. Разве это император?"

Большую часть времени Николай проводил в Царском Селе. Сейчас здесь мерзость и запустение, а раньше...

Первый русский железнодорожный вокзал прелестной архитектуры. Федоровский городок в модном русском стиле. Ратные Палаты. Николай задумал их как первый русский музей вооруженных сил. Здесь он любил скрываться, когда ему было особенно плохо. Офицеры ждали его. Всегда подносилась рюмочка с мороза.

Кстати, закусывать коньяк лимоном — изобретение Николая II.

Бытует легенда, что Николай был пьяницей. Чушь, конечно. Рюмочку за обедом, не более. Ведь историю пишут победители. А историю убиенных — чаще всего их убийцы. Так вот, все, что написано о Николае II, все, что вбито в наши зачумленные головы, вся его биография — написаны его убийцами!

Жена его Алиса, Александра Федоровна, если судить по семейным фотографиям, и строже его, и надменнее, и скучнее. Немка, принявшая православие, она всю жизнь пыталась постичь

Россию, понять душу русского народа. Заставляла себя любить все русское, окружала себя русскими людьми. Дело доходило до смешного — сына своего, Алексея, не учила немецкому языку. Она как бы всю жизнь выталкивала из себя немецкую кровь, в этом смысле напоминая Екатерину Великую. Той однажды врачи выпустили много крови, обессиленная императрица лежала в постели и шутила: "Зато во мне не осталось ни капли немецкой крови...". Александра Федоровна была "русская душою", как говорил Пушкин про свою Татьяну.

У дочерей Николая были русские няни. Они привили девочкам простую русскую речь, научили любить русские сказки и русскую старину. Между прочим, царевны говорили: "видать", "слыхать", "аль не знаешь?". Учительницы часто видели их в аккуратно заштопанных ситцевых платьях. В театр или на бал они могли попасть только во время каникул. И вообще обязанностей у них было куда больше, чем развлечений. Когда началась война, все они, как и сама царица, ходили в госпитали — мыли ноги раненым, делали перевязки.

Ни одна из них не вышла замуж... Все эти девочки были застрелены в Екатеринбургском подвале.

В 1904 году после четырех дочерей у Николая и Александры родился наконец мальчик — Наследник русского престола Алексей Николаевич Романов.

О воспитании русских царей мы уже говорили. Главное — привить ребенку любовь к России, к народу. И обязательно — к труду. Если взглянуть на фотографии: он или с метлой, или с лопатой, или с ружьем, или складывает дрова в

поленицу... Каникулы у Алексея были один раз в году — июнь и июль, два месяца. Остальное — учеба и труд. Словом, ничуть не похоже на воспитание детей нашей "буржуазии" — прежней партийной и нынешней валютной.

Общался Алексей в основном со своими сверстниками — обязательно детьми нижних чинов — и со своим дядькой матросом Еремеичем. Еще одно важное условие воспитания наследника русского престола — сохранение живой связи с народом. Сохранился в Архиве любопытный документ — еще из времен детства Николая I.

Вот он, Николай I — самый ненавидимый большевиками царь. Еще бы! Казнил декабристов. Пять человек. Да большевики за такое повесили бы пятьдесят тысяч!

Так вот, уцелела записка маленького Николая к няне. Посмотрите, какое трогательное послание:

"Моя нянинька! Посылаю вам гостинцы: пожалуйста, поделитесь с моими Катиньками и поклонитесь им от меня. Я вас люблю и буду всегда помнить. Николай".

Вскоре после рождения сына радость родителей была омрачена страшным открытием — Алексей тяжело болен. У него гемофилия.

Болезнь эта ужасна. Любой ушиб приводит к внутреннему кровоизлиянию, мальчик мучился от невыносимых болей. Однажды он спросил у матери: "Мама, когда я умру, боли прекратятся?". Несчастные родители страдали больше, чем их сын. Между прочим, мало кто знал об этом — только приближенные. Какие силы требовались Николаю и Александре, чтобы скрывать родительскую боль!

В сентябре 1912 года после особенно мучительного и затяжного приступа показалось, что все кончено. Алексей умирал. Николай разрешил оповестить народ, во всех церквях служили молебны. Отчаявшиеся родители послали телеграмму старцу Распутину в деревню. Старец ответил: "Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают".

На следующий день кровоизлияние остановилось. Наследник стал выздоравливать.

Религиозные до крайности, Николай и Александра поверили в Распутина как в посланника Господа Бога. Но старец и действительно умел останавливать приступы болезни.

Передо мной дневник Алексея. Мама подарила ему в 1916 году книжку в желтом сафьяновом переплете, велела записывать каждый день. Как всякий мальчишка, он ленился, записи очень короткие:

"Встал поздно. Учился. Днем видел капитана, слепого и без руки — он вернулся из плена". "Встал рано. Очень болит червяк..."

Что такое "червяк"? Очевидно, боль, которая его мучила. Чаще всего в колене...

В дни, когда он особенно тяжело болел, записи за него делали сестры. Под его диктовку, конечно. Чаще всего писала Татьяна.

Сохранились удивительные письма Алексея маме. Из Ставки, куда он уехал с отцом.

"Милая моя уютная мама. Сегодня был у нас в гостях сербский генерал. Мне подарили медаль "За храбрость". Ее я заслужил в боях с учителями..."

А вот какое смешное обращение: "Душка мамашка..."

Алексей много общается с солдатами и это чувствуется в письмах: "Сегодня почти выздоровел. Жрать хочу, как сто волков...".

Этот мальчик был застрелен в Екатеринбурге. Труп его проткнули штыком, его вещи разделили между собой его убийцы. Потом тело его облили серной кислотой, сожгли и закопали, неизвестно где.

ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Через два года после рождения Николая появился на свет человек, которому суждено было поставить последнюю точку в истории династии Романовых.

Владимир Ульянов родился 22 апреля, по новому стилю, 1870 года в Симбирске. Церкви, где крестили Володю Ульянова, разумеется, теперь нет и в помине, дом, где он родился (по воспоминаниям Анны Ильиничны, его сестры) не сохранился. Однако свидетельство старушки не могло остановить неумолимых советских исследователей — в аккурат к 100-летию вождя дом нашелся. Вокруг него возвели гигантский мемориал. Чтобы построить его, снесли все и вся в округе, даже дом губернатора, памятник архитектуры, где бывали Н.М.Карамзин, И.А.Гончаров, А.С.Пушкин.

Повезло городу — что в нем родился вождь мирового пролетариата — или нет?

Ну, во-первых, у города украли название. Теперь он — Ульяновск. А во-вторых...

Окинем взглядом старый Симбирск... 27 церквей, два монастыря...

А вот панорама Ульяновска. Такого нет ни в одном русском городе, в каждом хоть что-нибудь сохранилось — хоть в полуразрушенном, оскверненном состоянии уцелел какой-нибудь храм, который можно восстановить... Симбирск подвергся тотальному уничтожению.

И вот на этой земле, где язычество и идолопоклонство пустили самые глубокие корни, мы наблюдали во время съемок, как возводится настоящий новый храм. И строился он не пьяницами-халтурщиками, а настоящими русскими мастерами; работа двигалась споро и красиво. В недостроенном еще храме шла служба. Запомнились слова, произносимые священником:

"Сегодня, как во времена Владимира, Россия снова во мраке. Во мраке духовного невежества и язычества. Что такое язычество? Это когда человек поклоняется кому угодно, кроме своего Создателя. 70 лет назад дух Антихриста, то есть противный Христу дух, завладел душами наших людей. Невозможно подсчитать, сколько мы потеряли за это время. Но в нас живет голос совести. Мы готовы жить по сердцу, но не знаем, как это сделать. Это — наука. И называется она — православие. Наш храм еще не готов. Но и мы еще не готовы... Россия снова, как во времена Владимира, принимает христианство".

Но вернемся к нашему персонажу.

Этническое происхождение Ленина долгие годы было окутано глубокой тайной. И неспроста! Было отчего упасть в обморок правоверному коммунисту. Почему-то всем им до крайности хотелось иметь вождя — стопроцентного велико-

росса. Между тем в Ленине не было русской крови. В нем текла российская кровь. Не русская, а именно российская. Какова по национальному составу российская кровь, таков и Ленин.

Дедушка его по отцу, Николай Ульянов, — наполовину русский, наполовину чуваш. Бабушка по отцу, Анна Смирнова, — калмычка. Бабушка по матери, Анна Гросшопф, — немка с примесью шведской крови (немцев в России было много, около двух миллионов). Дедушка по матери, Александр Бланк, — еврей.

В Историческом Архиве Санкт-Петербурга мы перелистали толстую книгу, содержащую сведения о всех служащих Медицинского Департамента — к этому ведомству относился и дедушка Ленина, Александр Бланк, выпускник Петербургской Медицинской Академии. Страницы 520-523 в этом фолианте отсутствуют. Нам показали Акт об их изъятии — переданы в Главное Архивное Управление.

Никогда бы нам не узнать содержания этих страничек, если бы не август 1991 года. Это он приоткрыл дверцу в самое секретное учреждение нашей страны — Партийный (Ленинский) Архив. Обращали внимание на серое здание за спиной Юрия Долгорукого? Это и есть Ленинский Архив. В него и сегодня попасть непросто, но кой-какие лазейки туда уже находятся. Итак, что же за страшный документ скрывала Партия от своих членов?

Читаем:

"...N 13734. С объяснением о происхождении выкрещенных из евреев Бланков.

...О воспитанниках Императорской медико-хирургической академии, еврейских детях, воспринявших Святое Крещение, Житомирского поветового училища учениках Дмитриии и Александре Бланках, —

ныне оный магистрат доносит, что означенные Бланки из Староконстантиновских мещан евреев, дети еврея Мошки Бланка..."

Вот и вся тайна.

Братья Абель и Израиль Бланки (крещенные под именами Дмитрия и Александра) были вынуждены принять православие, чтобы поступить в Медицинскую Академию. Иначе евреев в высшие учебные заведения не принимали. В царской России это была единственная нация, когда больше когда меньше подвергавшаяся дискриминации — вот, кстати, и ответ, почему так много евреев приняло активное участие в революции.

Почему я завел разговор о еврейском происхождении Ленина? В национальности ли дело, причина всех наших бед? А будь Владимир Ильич русским? или грузином, как И.Сталин? Сказалось бы это решительным образом на нашей истории?

Вряд ли... А скорее — все так бы и было, за исключением деталей. Когда такая огромная страна, империя, разгоняемая и разогреваемая в течение всего XIX века — писателями, журналистами, философами от неумения ничем другим заняться — летела прямо к пропасти? Мог ли на это повлиять один человек?

И все же еврейское происхождение Владимира Ульянова — факт по-своему любопытный. Ведь у прежних наших партийных руководителей быть немножко антисемитом считалось хорошим тоном, эдаким признаком благонадежности. Согласитесь, трудно отказать себе в удовольствии сообщить им эту пикантную подробность: их идол — сам на четверть еврей.

В 1887 году, в год казни брата, покушавшегося на жизнь Александра III, Володя

Ульянов оканчивает с золотой медалью (у него одна четверка — по логике) гимназию и поступает в Казанский Университет. Вдумайтесь! Родной брат цареубийцы — в Императорский Университет.

В Казани до недавнего времени было несколько музеев Ленина. Кому-то этого показалось мало — воздвигли (уже в годы перестройки) помпезный мемориал. Среди трущоб и развалин — форменное издевательство над народом. Старая татарка, живущая поблизости, рассказала нам о жизни своей семьи. Теснятся они впятером на 14 квадратных метрах; все работают. Везде течет, отовсюду дует, одна уборная на четыре двора. Впечатляющее зрелище: грязная уборная и перед ней — Ленинский мемориал. Куда его теперь девать? Квартиры жителям в нем не оборудуешь...

Менее чем через полгода после начала занятий Ульянова изгоняют из Университета — за участие в студенческой демонстрации. Отправляют в ссылку — в деревню. Не такое уж страшное наказание. Деревня Кокушкино под Казанью — имение его дедушки, Александра Бланка...

Но пропустим общеизвестные факты из жизни вождя мирового пролетариата. Наша задача — познакомить публику с деталями его биографии, на которых советские лениноведы предпочитали внимания не заострять.

1895 год. Петербург. Владимир Ульянов сидит в тюрьме на Шпалерной — за нелегальную политическую деятельность.

Из-за решетки он пишет сестре Анне:

"Здоровье вполне удовлетворительное. Свою минеральную воду получаю и здесь: мне ее приносят из аптеки в тот же день, когда закажу.

Сплю я по девять часов в сутки и во сне вижу различные главы своей книги".

Ульянов работает в камере над книгой "Развитие капитализма в России". Интересно проследить логику молодого марксиста-теоретика. Капитализм — зло, он увеличивает страдания народа. Но Ульянов приветствует развитие капитализма, с ним должен расти рабочий класс — могильщик буржуазии. Значит, развитие капитализма — путь к торжеству социализма.

Эта жестокая ленинская логика (недаром он имел четверку по этому предмету в гимназии) — добро осуществляется через зло, свет через тьму — провела народы России через неизмеримые страдания.

После революции, в 30-е годы, к тюрьме на Шпалерной пристроили так называемый Большой Дом, местное НКВД. Что тут творилось!.. Здесь были Первый Убойный Двор... Второй Убойный Двор (так называли их охранники)...

Каждое лето на берегу Невы у Большого Дома, собираются дети замученных здесь "врагов народа" — почтить память родителей, неведомо где и кем похороненных.

Сюда, к Большому Дому, приходила и Анна Андреевна Ахматова — узнать хоть что-нибудь о своем сыне. Здесь измученное сердце нашептало ей эти стихи:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,

Звезды смерти стояли над нами
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных "марусь".

Просидев год в тюрьме на Шпалерной, Ульянов едет в ссылку в Сибирь. Те революционеры, у которых водились денежки, могли совершать это путешествие с комфортом и, разумеется, без конвоя. У Владимира Ульянова деньги были.

Пока он едет по Великому Сибирскому Пути, порассуждаем немного о том, откуда у семьи борца за свободу пролетариата были деньги.

Ульянов нигде не работал, на мизерные гонорары за редкие статьи прожить было невозможно, партийная касса пустовала (это потом она заполнится, после 1905 года, знаменитых ограблений банков, а пока...). Мать получала за отца 100 рублей пенсии, это немало, но у нее, кроме Володи, еще были дети, и они тоже не работали и любили поколесить по белу свету.

"Ульяновский фонд", как шутя называли его члены семьи, складывался из доходов от имения Кокушкино под Казанью (дедовского, Александра Бланка) и из доходов от Алакаевки. Это была небольшая деревушка под Самарой, где Ульяновы после смерти Ильи Николаевича купили землю — 89 гектаров. Управляющий Алакаевки регулярно высылал своим хозяевам деньги.

Эх, не знал Владимир Ильич, что он миллионер! Сейчас на каждом метре его бывших земель — глубокая скважина, качающая нефть. А если бы знал, если бы действительно стал

миллионером? Как бы повернулась русская история?

Местом ссылки Владимира Ульянова в Сибири было село Шушенское на Енисее. У него — просторный дом, прислуга, хороший стол (раз в неделю резали барана), семья присылает ему деньги, снедь, книги. Одно время он даже хотел выписать из Петербурга охотничью собаку, но потом отказался от этой затеи. "Я взял в Шуше кутенка, — пишет он в письме, — и надеюсь иметь к будущему году охотничью собаку. Везти же сюда из России будет страшно дорого".

Владимир Ульянов был страстный охотник. Крупская вспоминает: "...Когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку, бывало, настреляют наши охотники".

Волнительная, согласитесь, история. Эдакий "дед Мазай"...

Владимир Ульянов много работает в Шушенском, читает, ездит в гости к другим ссыльным — иногда за сотни километров. Без всякого полицейского надзора.

Человек критического ума, Ульянов сразу уловил эту решительную ошибку царского жандармского аппарата. "Враг престола и отечества, брат цареубийцы — и без надзора!" Придя к власти, он таких ошибок не допускал. "Сомнительных и недовольных — в концлагерь!" — это из его записочек в 1918 году. А к двадцатилетнему юбилею советской власти берега Енисея, где когда-то отдыхал вождь партии, буквально заросли концлагерями.

В восстании 1905 года Владимир Ульянов участия не принимал. Он даже в России не был, когда развернулись основные события. Душою

восстания был двадцатилетний Лев Троцкий.

Ульянов живет за границей, преимущественно в европейских столицах. В результате знаменитых эксов в кассе партии появляются крупные суммы. В 1908 году происходит ограбление Тифлисского банка, взято 300 тысяч рублей. (Впервые грабители-марксисты применили бомбы. Убиты три человека). Владимир Ильич с Крупской в Париже переезжают в дорогу (1000 франков в месяц) квартиру на улице Бонье.

Незадолго до революции Ульянов пишет знаменитую работу "Империализм как высшая стадия капитализма", где предсказывает скорую гибель буржуазии. Однако Ульянов глубоко заблуждался. Прошло восемьдесят лет, а капитализм так и не загнил, не умер естественной смертью. Более того, оказалось, что империализм — не высшая стадия капитализма, а его младенческая пора. Потеряв колонии, бывшие империалистические державы вовсе не обнищали. Наоборот. Их благосостояние возросло, ведь содержание колоний, трата на них духовных и материальных сил нации истощает саму нацию, обескровливает ее.

На наших глазах погибла последняя империя, державшаяся на штыке. Россия осталась без колоний. Кое-кто грустит по этому поводу. Не надо. Учитывая исторический опыт, надо полагать, что рано или поздно это знаменательное событие благотворно скажется на судьбе российских народов и российского государства.

Безусловно, это самый важный и самый положительный результат, добытый в ходе Перестройки — этой Второй Русской Революции.

В 1914 году началась первая мировая война. Ульянов находился в это время на территории Австро-Венгрии и был арестован как русский подданный. Лидер австрийских социалистов Виктор Адлер пошел хлопотать за него. Министр внутренних дел спросил у Адлера:

— Вы уверены, что Ульянов враг российского правительства?

— О, да,— ответил Адлер,— более заклятый враг, чем вы, ваше превосходительство.

Ульянов был освобожден из тюрьмы.

Вот точная цитата из записки Адлера: "Ульянов смог бы оказать правительству большие услуги при настоящих условиях...". Адлер не ошибся.

РУССКАЯ АРМИЯ

Случилось то, чего боялся Столыпин. 15-20 лет без войн и революций — вот что нужно было России. И тогда ей никакой враг — ни внешний, ни внутренний — был бы не страшен.

Но война началась, когда Россия еще не выздоровела. И не избавилась окончательно от бесов, которые снова стали поднимать головы, и потекли, стали просачиваться в страну из-за рубежа. Не были доведены до конца реформы, не окреп крестьянин — да и долго ли мог протянуть "российский верблюд" на жиру, накопленном Столыпиным?

Война вызвала подъем патриотических чувств в народе. На фронт шли легко, уверенные,

что разобьют немца и австрияка быстро и без потерь.

Страна стала работать на войну. Был принят "сухой закон" — казна отказалась от большей части доходов, недаром бюджет в России называли "пьяным".

Промышленность перестраивалась на военные рельсы. Царские дочери, сама царица пошли в госпиталь сестрами милосердия.

Николай хотел принять Верховное командование на себя. Но отговорили. Верховным Главнокомандующим стал его дядя, Великий Князь Николай Николаевич.

Война началась двумя крупными (и неподготовленными) наступлениями русской армии — в Восточной Пруссии и в Галиции. Не готовая к наступательным действиям Россия вынуждена была это сделать, чтобы спасти от полного разгрома двух своих союзниц — Францию и Сербию. Она и спасла их. Но стоило это ей огромных жертв.

Большевики обвиняли русскую армию во всех смертных грехах. Но повторим старую формулу: все познается в сравнении.

Да, командиры русской армии не всегда оказывались на высоте — многие возможные победы обернулись поражениями из-за неумелого командования. Но тем не менее русская армия вела войну на чужой территории. Как бы ни были велики ее потери, их не сравнить с потерями Красной армии во всех ее войнах. И вообще русская армия не была такой, какой стала спустя 20 лет. Чтобы понять это, надо обратиться к недавней истории.

1939 год. 6 советских армий (до миллиона человек) с танками и авиацией обрушились на армию маленькой Финляндии — бывшей про-

винции России. (Кстати, финскими войсками командовал маршал Маннергейм, бывший царский генерал).

Две передовые дивизии сразу попали в плен. Потери в войне — 300 тысяч человек! (Во время этой войны среди финнов ходила поговорка: "Каждый финн может убить десять русских, но что делать, если появляется одиннадцатый?").

Трагична судьба советских военнопленных — сорока тысяч человек. После заключения мира в марте 1940 года финны вернули их советской стороне. Офицеры были расстреляны, рядовые — десятки тысяч — отправились в страшные сталинские лагеря.

Как ни больно ворошить темные страницы нашей истории, но надо привести более свежий и более убедительный пример — какой стала некогда славная армия.

1941 год. Занята половина европейской части страны, 4 миллиона советских солдат сразу сдались в плен. Солженицын пишет в "Архипелаге":

"11 веков стоит Русь, много знала врагов и много вела войн. А предателей — много было на Руси? И вот — самая справедливая война, при самом справедливом строе..."

И сразу — 4 миллиона предателей! По полмиллиона солдат оставляли наши гениальные стратеги и полководцы в немецких котлах. Вот она, настоящая-то измена Родине!

Почему же мы так бережем память об этих людях? (Речь, конечно, идет о главном предателе — Верховном Главнокомандующем).

А теперь о потерях в войне.

При Сталине считалось — 7 миллионов. При Хрущеве — 20. При Горбачеве — 27.

Почти 50 лет прошло со дня окончания войны, а впечатление, что солдат продолжают и продолжают убивать. На самом деле все эти цифры (и последняя, горбачевская) — липовые. Потери в войне 35 миллионов человек! А некоторые историки утверждают — 46! С гражданским населением, конечно.

Как бы то ни было — каждый погибший немецкий солдат убил четырнадцать советских. Убил с помощью советских полководцев. Эти цифры надо знать нашим генералам — не собираются ли они и новую войну (не дай Бог, случись она) выиграть такой же ценой!

Все эти новые данные ни в коем случае не умаляют подвиг советского солдата в Отечественной войне. Напротив. Солдату ни одной другой страны не пришлось так тяжело, как советскому. Советского-то не жалели ни свои, ни чужие. Его, вооруженного в первые месяцы войны царской трехлинейкой, косили немецкие автоматы; в спину ему прицельно стрелял СМЕРШ; тех, кто попал в немецкий плен и сумел выжить, ждало еще более страшное испытание — сталинские лагеря смерти.

Вечная слава солдату!

А теперь посмотрим новыми глазами на русских солдат, офицеров и генералов первой мировой.

В августе 1915 года Николай II принял на себя Верховное командование. Он был глубоко военный человек. Каждый год он участвовал в маневрах, всю жизнь интересовался военным делом. Словом, решение не было таким уж глупым, как его представляла советская историография. И выдумывали это те писаки, на глазах у которых совершалось чудо из чудес — сугубо гражданский человек, не имеющий ни

военного таланта, ни военного опыта, стал генералиссимусом. Вот они откуда еще — десятки миллионов жертв.

Между прочим, Николай, приняв на себя Верховное командование, так и остался полковником русской армии. Русские цари не имели обыкновения жаловать себе ни чины, ни ордена.

Короче, ошибок Николай не наделал. Более того, можно обратиться к свидетельству такого авторитета, как Уинстон Черчилль:

"Мало эпизодов Великой Войны более поразительны, нежели воскрешение и перевооружение России в 1916 году".

Победа русской армии была не за горами. Германия выдыхалась, ведя войну на два фронта. К февралю 1917 года русская армия имела 8 миллионов бойцов, склады были завалены винтовками, пулеметами, боеприпасами...

Снова — Черчилль:

"Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду".

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2 марта 1917 года — конец самодержавия. Царь отрекся от престола.

Смотришь старую русскую кинохронику — как радовались люди! Ни одного недовольного лица: смеются, что-то кричат, подбрасывают шапки. Солдаты на позициях — пускаются вприсядку, качают офицеров.

Сегодня они их подбрасывают на руках, завтра будут поднимать на штыки. Начнут издеваться, срывать погоны... И убивать. В Кронштадте — 60 человек, и адмирала Фон Вирена... В Выборге офицеров сбрасывали с моста на камни... По всей России попили офицерской кровушки...

Но сейчас — на кадрах кинохроники — офицеры счастливы... смеются, обнимаются с солдатами...

Революция!

Буквально на второй день "свободы" распахнулись ворота тюрем. А политических там было — кот наплакал, сплошь уголовники... Через две-три недели страну захлестнула волна насилия. Грабили склады, магазины, вагоны, раздевали и убивали людей на улицах... Ну прямо как сейчас. Прежде Россия такого не знала.

Страна перестала работать, крестьяне терроризируют крупных помещиков, не разрешают им сеять на их собственных землях — многие поля так и остались нераспаханными.

Повсеместно издеваются над церковью, над ее служителями, грабят храмы, арестовывают священников.

Сбрасывают с постаментов памятники царям...

Все это — прошу запомнить — задолго до октябрьского переворота.

В городах на улицах — смрадная брань (раньше так не смели), открыто продают порнографию, идут фильмы (вакханалия пошлости). А приманка у этого "кино" такая: "прежде запрещено". (Узнаете день сегодняшней?)

Очереди за хлебом, цены на все бешеные, черный рынок... Ну да не нам, не нынешнему

читателю объяснять, что это такое — мы это каждый день видим сами своими глазами.

За день-два до отречения Николай II, пользуясь затишьем на фронте, отбыл из Ставки — поехал к семье на побывку. Уехал от верной ему армии, где никто, никакая депутация, не посмела бы ничего от него требовать. Но он слишком любил свою семью. Уехал — и стал заложником. Прав Солженицын: "Разве это император?"

Николай отрекся безропотно. Ну, раз вы говорите, что это воля народа... Он никогда не жаждал власти и уж тем более не стал бороться за нее.

Отныне гражданин Романов стал узником. Сначала — в Царском Селе. Потом его с семьей повезли в Сибирь — Тобольск, Екатеринбург... Начался крестный путь последнего российского монарха на Голгофу.

Итак, в стране смута и анархия. Новая власть некрепка. Руководит страной не Временное правительство, а Советы рабочих и крестьянских депутатов. В Петрограде — Исполнительный Комитет Совета, и на местах фактически — Советы. Пока еще не большевистские. Но самое время большевикам принять в свои крепкие руки шатающуюся власть.

Но где же в это время вождь большевистской партии?

Вождь пока в Цюрихе. Занят устройством революции в Швейцарии. Вероятность победного переворота в маленькой стране казалась ему большей, чем в огромной России.

О революции на родине он узнал из прессы. Открыл утром газету и глазам не поверил.

Срочно в Россию! Но как? На пути — территория враждебного государства...

Однако недаром Виктор Адлер характеризовал его своему правительству как человека, "могущего оказать большие услуги"... Наконец-то эти "услуги" понадобились Германии.

Тридцати большевикам во главе с Лениным германское правительство предоставило так называемый "пломбированный" вагон (лица, ехавшие в нем, пользовались дипломатической неприкосновенностью; вагон этот сохранился и находится в городе Засниц в Германии). Поезд с Лениным промчался через всю страну — ради этого был задержан даже эшелон с эрцгерцогом...

Послать Ленина в Россию... Что за расчет был у немцев?

Политику большевиков в 1917 году — если грубо и коротко — можно сформулировать так: мир на фронте, война в тылу. Ну да — "превратить империалистическую войну в войну гражданскую". Это мы еще из школьных учебников помним.

А чего еще было желать Германии? Обессиленная, она уже не могла вести войну на два фронта (к тому же на стороне союзников выступила мощная армия США).

Генерал Людендорф вспоминает:

"То, что наше правительство послало Ленина в Россию, оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала".

Расчет немцев оказался верен.

Итак, существовал ли германо-большевистский заговор? Сегодня с полной определенностью можно сказать: да, существовал. После второй мировой войны американской ок-

купационной армией были найдены документы германского Министерства иностранных дел. Там тысячи отчетов, писем, телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма.

Летом 1917 года большевики издают в Петрограде семнадцать газет. Годовые расходы на издание одной небольшой газеты — 300 тысяч рублей. В партийной кассе было тогда 1 117 рублей 50 копеек.

В июле 1917 года Временное правительство возбудило против Ленина и еще 12 большевиков уголовное дело по обвинению в государственной измене. 24 тома этого дела изъяты сегодня из спецхрана Архива Октябрьской революции и открыты для историков. Откроем том 4—й этого дела на странице 34:

"...На основании вышеизложенного Судебный Следователь по особо важным делам Александров постановил:

1. Ульянова (Ленина)
2. Апфельбаума (Зиновьева)
3. Луначарского
4. Бронштейна (Троцкого)
5. Коллонтай и т.д.

— всего 13 человек — привлечь в качестве обвиняемых... вошли с агентами названных государств в соглашение... и т.д."

Ленин, как мы знаем, на суд не явился. Они с Зиновьевым скрывались в Разливе. Вообще по этому делу посадили одну Коллонтай. Да и та написала заявление: "Должна лечиться..." и ее отпустили в Финляндию.

В октябре большевики взяли власть.

"Революция" прошла мирно — как смена караула. В Петрограде работали рестораны, Шаляпин пел "Дона Карлоса"...

Вот что мы должны осознать, по-новому изучая нашу историю: никакой Октябрьской революции не существовало. Не — одна революция сменила другую, а — продолжалась революция, начатая в феврале (марте). Просто у власти закрепились более смелые и решительные люди. Октябрь как бы подтвердил де юре то, что уже существовало де факто.

Мы уже говорили: Россией фактически руководило не Временное правительство, а Советы рабочих и солдатских депутатов. Они к октябрю 1917 года уже были большевистскими.

Ленин и К° сумели привлечь народ на свою сторону. Они использовали самые хлесткие и многообещающие лозунги (потом и не думали их выполнять), они будили у толпы самые низменные инстинкты (еще Достоевский говорил: "Провозгласите право на бесчестие и все побегут за вами!"), на их стороне была сила. Одних дезертиров с фронта — десятки тысяч...

Зимний же Дворец оборонять было некому. Там находились только рота женского батальона, мальчишки-юнкера и георгиевские кавалеры — инвалиды войны. А посему и не было никакого штурма Зимнего. Нечего было штурмовать и не с кем было сражаться.

Так же мирно перешла власть к большевикам и в других городах России. Только в Москве обозначилась какая-то видимость сопротивления. И опять — юнкера. Юнкера и студенты. Они засели в Кремле. Однако сопротивление юнкеров сильно преувеличено историками. Кремль был оставлен защитниками в 7 часов вечера. А его продолжали разрушать тяжелыми снарядами с Воробьевых Гор до 3-х часов утра.

Погибших при "штурме" Кремля — несколько человек — торжественно захоронили у

Кремлевской стены. Убитых с другой стороны, со стороны защитников закопали во рву за городом.

Вообще, о юнкерах — нужен отдельный рассказ. Одна из самых мрачных страниц истории большевистского режима. Когда — на третий-четвертый день переворота — взбунтовались Павловское и Владимирское юнкерские училища в Петрограде, новая власть немедленно продемонстрировала свою решительность в борьбе с врагами революции. Расправа над юнкерами была ужасной. Закалывали сдавшихся, мертвым отрубали головы. Очевидцы рассказывают: прежде чем застрелить юношу-юнкера, отрезали ему член и вставляли в руку...

Новая власть показала, что она умеет и пошутить.

Бедные русские люди! Как они радовались, когда пала династия Романовых. Они не знали, что их ждет. На Руси воцарился новый самодержец, самый жестокий из тех, кого знала история.

Часть II

ЛЕНИН

Начнем с того, что Ленин — гений.

Нас могут поправить: злой гений. Поправку принимаем. Для Ленина марксизм — прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Он не теоретик марксизма, он — теоретик революции. Он интересовался лишь одной темой — темой захвата власти.

И, когда власть попала ему в руки, он знал, что делать. В 1917—1918 годах его гений проявился с особенной силой. Сейчас мы расскажем историю о том, как Ленин удержал власть, совершил то, чего никто в подобных обстоятельствах повторить бы не смог.

Лето и осень 1917 года страна готовилась к выборам во Всероссийский Парламент — Учредительное Собрание. То обстоятельство, что большевики получили власть в октябре, ничуть не отменяло выборов. Более того, юридически Ленин и его товарищи получили власть в р е м е н н о — до появления в стране Парламента. Таково было решение Второго Съезда Советов.

Еще летом большевики обвиняли Временное Правительство в сознательном оттягивании выборов, уверяли, что спасти Учредительное Собрание может только немедленная передача власти Советам, то есть им, большевикам. Теперь же, поздней осенью, они сами делали все,

чтобы сорвать выборы — понимали, что проиграют. Народ России, даже темное крестьянство, уже осознал, с кем имеет дело.

Так оно и вышло. Ленинцы получили лишь четверть мест в Собрании.

Теперь, пользуясь властью, большевики могли не дать открыться Парламенту — это понимали все. Был создан Союз защиты Учредительного Собрания.

5 января 1918 года, в день открытия Собрания, на улицы вышла мирная демонстрация — в защиту Учредительного Собрания. Демонстрация состояла в основном из рабочих — Василеостровского, Выборгского районов, Петроградской стороны...

Манифестация была расстреляна войсками. Огонь вели китайские и латышские солдаты.

На улице звучали выстрелы, а в Таврическом Дворце заседал российский Парламент. В проходах и на хорах сидели пьяные вдребезги солдаты и матросы, шумели, перебивали выступающих, прицеливались из винтовок в ораторов.

В 3 часа ночи вошел матрос Железняков и произнес знаменитую фразу: "Караул устал". Это была шутка, конечно. Никакого караула не требовалось. Наоборот. Чтобы дать Собранию работать, следовало удалить из зала пьяных солдат. Но, как мы уже говорили, большевики умели пошутить.

"Нам не нужен никакой караул!" — раздались из зала робкие голоса. Солдаты ответили хохотом...

Депутаты разошлись по домам, довольные уже тем, что их не арестовали...

Жертвы большевиков были похоронены на Преображенском кладбище рядом с братской могилой тех, кто погиб 9 января 1905 года. И

похороны в 1917 году состоялись 9 января, в годовщину Кровавого Воскресенья.

Сейчас на Преображенском кладбище можно видеть огромный монумент жертвам Кровавого Воскресенья. Рядом, в затоптанной земле (ни колышка, ни оградки) лежат "жертвы самодержцев из Смольного" (так гласила надпись на одном из венков во время похорон).

Мы коснулись самого знаменательного момента нашей истории. Можно с уверенностью сказать, что эпоха Ленина началась не в октябре 1917-го, а именно 5 января 1918 года, в день, когда было разогнано Учредительное Собрание и расстреляны его защитники. В этот день была растоптана русская демократия, ради которой и совершалась революция. Однако... не перевернулся мир, не восстала русская интеллигенция, не вышли на демонстрации протеста французские и английские рабочие... Почувствовав свою безнаказанность, Ленин и его сообщники стали править Россией по-новому — с тем откровенным цинизмом, с той беспримерной жестокостью, которые мы сполна испытали на собственной шкуре.

Прежде чем стать убежденным марксистом, Ленин усвоил весь революционный катехизис. Особенно его привлекла философия Нечаева: "Для революционера все морально, что служит революции". Таков и Ленин. Моральные категории для него — вещь весьма шаткая. Любые нравственные правила, создающие затруднения, можно обозвать "буржуазной моралью" — и переступить через них. Надо ради революции пойти на сговор с немцами — он готов это сделать. Чтобы удержать власть, нужно уничтожить демократию — он не колеблется ни секунды.

Добро — все, что служит революции. Зло — все, что ей мешает. Чем же это отличается от роковой формулы Гитлера: "Я освобождаю вас от химеры совести"? Поэтому не надо удивляться тому моральному распаду, который наступил после, в среде его сподвижников. Все они были освобождены от химеры совести.

Однажды кумира молодого Ленина, Нечаева, спросили: "Кого из царствующего дома надо уничтожить?". Нечаев, не задумываясь, ответил: "Всю великую ектенью!" (То есть до младенцев включительно).

Прочтя это, Ленин воскликнул:

— Да! Весь дом Романовых! Ведь это просто до гениальности! Запомним эту ленинскую фразу.

В июле 1918 года семья гражданина Романова находилась в Екатеринбурге. Вестей извне не поступало; Николай не знал, что уже расстрелян его младший брат.

Михаил Александрович Романов, брат Николая II, был по сути последним русским императором. Но, правда, всего сутки. Николай отрекся от престола в пользу своего брата. Через день отрекся от престола и Михаил — в пользу Учредительного Собрания.

Михаила Романова называли Красным Князем. В дни революции он ходил с красным бантом. Тем не менее и его арестовали. В июне 1918 года он находился в Перми. Однажды ночью в гостиницу, где его содержали, пришли вооруженные люди, велели Михаилу собираться. Его увезли на Мотовилихинский завод — там расстреляли и сожгли в печи.

Приближался роковой день и для Николая Романова.

В Архиве Октябрьской революции хранится дневник Николая — толстые простые тетради в черном коленкоровом переплете. Редкое, скажу я вам, чтение.

Семья подвергалась в заключении неслыханным унижениям, люди, охранявшие дом, грабили узников, присваивали большую часть провизии, которую приносили монашки из монастыря... В дневнике ни одной жалобы, ни слова упрека.

Когда царские дочери, молодые девушки, шли в уборную, красноармейцы сопровождали их до дверей, пытались заговаривать с ними через стенку, писали непристойности на дверях... И детские качели во дворе были исписаны непристойностями...

Когда мы по-настоящему задумаемся — как мы стали такими? кто мы? откуда мы? — надо вспомнить и об этом эпизоде... Мы — оттуда.

Но и об унижениях — в дневнике ни слова. Только: то, что прочел за день... как чувствует себя Алексей, дочери... Короткие наблюдения...

Вот последние записи в дневнике:

"Сегодня поставили решетки на окна без предупреждения со стороны Ю. (Юровского — С.Г.). Этот тип нравится нам все менее".

В ночь на 17 июля вся семья — сам Император, его жена, дочери, сын, а с ними и доктор, и повар, и нянюшка, всего одиннадцать человек, были расстреляны, вернее, подло застрелены в подвале Ипатьевского дома. Тела их увезли за город и бросили в шахту. Через день-два достали — показалось, что ненадежно замели следы — и повезли дальше, в глушь уральских лесов. След обрывается у деревни Коптяки на берегу Исетского озера. Далее — неизвестность.

Но есть дорога, по которой, скорее всего, везли трупы мучеников. Дорога не изменилась за годы советской власти — та же непролазная грязь и мрак. Пока грузовик натужно ревет, преодолевая рытвины, прочитаем одно письмо. Сохранилась переписка между Николаем и Александрой — удивительная повесть о нежной и благородной любви. Возьмем, к примеру, вот это письмо. Александра сообщает мужу (они переписывались по-английски) в Ставку:

"С твоим дорогим письмом уединяюсь и наслаждаюсь. Перечитываю несколько раз и, безумная старая женщина, целую твой дорогой почерк. В воображении кладу голову тебе на плечо — и лежу тихо на твоём сердце. А на ночь всякий раз благословляю и целую твою подушку. В темноте перебираю твои слова и они наполняют меня тихим счастьем..."

В лесной глухомани — место это до сих пор точно не известно — тела детей и родителей облили серной кислотой, а потом сожгли.

Никогда Россия не сможет похоронить по-человечески прах последнего своего императора. И пора прекратить возню вокруг его останков. То есть научные поиски должны продолжаться (они могут растянуться на несколько десятков лет, и положительный результат вовсе не гарантирован), но недостойную возню вокруг останков надо прекратить. Мы и так спекулируем всем на свете, не будем трогать хотя бы святыни. Можно ведь похоронить и горсть земли, политой кровью. Этого будет достаточно для символического акта.

Надо ли говорить, что Ленин был не только в курсе, но, скорее всего, отдал этот бесчеловечный приказ. Вот перед нами новый документ: телеграмма из Копенгагена, из га-

зеты. Председателю Совнаркома Ленину. 16 июля:

"Тут распространился слух, что бывший царь убит..."

Ответ Ленина на этом же бланке:

"Слух неверен бывший царь здоров все слухи ложь капиталистической прессы".

Ну и что? 16-го июля царь действительно был еще жив-здоров.

Дело в том, что телеграмма не была отправлена. 16-го вечером ее неожиданно задержали.

Почему? 16-го вечером, за несколько часов до выстрелов в Екатеринбургском подвале, в Кремле приняло решение.

А на следующий день после убийства состоялось заседание Совнаркома:

"Слушали: внеочередное заявление тов. Свердлова о казни Николая II. Постановили: принять к сведению".

На следующий день после убийства императора и его невинных детей произошла другая трагедия. События развивались по точно такому же сценарию (вот еще одно, на этот раз косвенное, доказательство того, что планы всех трех убийств были разработаны в одном месте, одним и тем же лицом).

Расскажем об этом третьем убийстве, самом зверском.

В Алапаевске, под Екатеринбургом, содержались под арестом Великие Князья и Елизавета Федоровна. Смерть их была похожа на смерть царской семьи, только еще мучительнее.

Великих Князей и Елизавету Федоровну содержали в Напольной школе на краю города. (Сейчас там дискотека, а улица носит имя Ленина — вот это правильно!)

В ночь на 18 июля за ними пришли, вывезли в лес и сбросили в шахту. Живыми. Два дня крестьяне слышали стоны из-под земли. Когда в город вошли войска Колчака, когда люди спустились в шахту, выяснилось, что казненные еще долго были живы в подземелье.

Я спросил у молодежи, танцующей на дискотеке: знают ли они — кто такая Елизавета Федоровна? Никто никогда о ней не слышал.

Елизавета Федоровна Романова — родная сестра императрицы Александры Федоровны. На фотографиях в молодости они так похожи — отличить невозможно. Обе немецкие принцессы вышли замуж за Романовых и приняли православие. Елизавета была женой Великого Князя Сергея Александровича, московского губернатора. Его убил в 1905 году Каляев — разорвал бомбой на куски. Известно, что Елизавета пришла к террористу в камеру, принесла Евангелие, молилась за него — не ведающего, что творит.

После смерти мужа Елизавета отошла от светской жизни, основала Марфинскую обитель в Москве — молилась за грешных и помогала бедным. Это была женщина необыкновенной чистоты. Святая женщина.

Кружным далеким путем ее останки были отвезены в Палестину. Там, в Иерусалиме, в церкви Марии Магдалины (на освящении которой она когда-то присутствовала) она и похоронена.

Вместе с Елизаветой были казнены и молодые русские офицеры, Великие Князья — Константиновичи. И о них стоит рассказать подробнее. Назовем наш рассказ так:

К.Р.

Жил в конце прошлого — начале нынешнего века замечательный поэт, подписывавшийся псевдонимом "К.Р.". "Поэтом любви и красоты"

называл его Тютчев. Известные русские композиторы сочиняли музыку на его стихи. Один только Чайковский написал шесть романсов, среди них такие известные, как "О, дитя, под окошком твоим пропою я тебе серенаду...". Или вот на эти стихи:

Растворил я окно — стало душно невмочь,
Опустился пред ней на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени...

Под псевдонимом К.Р. публиковал свои стихи Великий Князь Константин Романов, дядя Николая II, адмирал русского флота, впоследствии — президент Российской Академии Наук.

У К.Р. было пять сыновей. Когда началась война, все пятеро ушли на фронт. Олег, самый младший, погиб в первые же дни войны. Трех убил Ленин...

Да, да, да. Молодые русские офицеры, казненные вместе с Елизаветой Федоровной, Иоанн, Игорь и Константин Константиновичи — и были сыновьями К.Р.

Вместе с ними погибли князь Владимир Палей, тоже офицер и тоже поэт, Великий Князь Сергей Михайлович, Федор Ремез, его служащий, и сестра Марфо-Мариинской общины Варвара Яковлева, верная спутница Елизаветы Федоровны. Большевики, когда им было удобно, забывали о классовых различиях. И в Алапаевском, и в Екатеринбургском расстрелах нашли свою смерть и простые люди — комнатная девушка, слуга, доктор, повар...

В нынешнем Санкт-Петербурге, близ Марсова Поля, стоит дом — Мраморный Дворец. Дом, в котором жил К.Р. Там бы неблагодарным потомкам устроить музей несправедливо забы-

того поэта. Но историю пишут победители. После революции в дом переехал Ленин. Не сам, конечно. Его музей...

Историю пишут победители. Вот так и историю России написали люди, растоптавшие ее. Ее убийцы.

В 1918 году сбылось то, о чем мечтал предшественник Ленина — Нечаев. Дом Романовых перестал существовать.

Ленин был человеком дела.

30 августа 1918 года Фанни Каплан стреляла в Ленина.

Нам удалось полистать "Дело Каплан". Ничего в этой тайне прояснить не удалось. Не только не было суда и приговора, но и следствие не велось. Все "Дело" — несколько страничек. Два формальных допроса... и расстреляна под Кремлевской стеной. К чему такая спешка?.. И какая дурацкая организация могла поручить полуслепой, больной 28-летней женщине, никогда не державшей в руках пистолета, совершить покушение на главу правительства?..

Выстрелы в Ленина и Урицкого пришлось как нельзя кстати большевикам. Необходимо было развязать террор, и вот появился повод. Теперь можно было уничтожить в России все мыслящее, а значит способное сопротивляться. Тыл должен быть чистым и крепким — ведь начиналась гражданская война, о которой так мечтали большевики ("Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!").

По всей России — в каждом городе, уезде, волости — были взяты в качестве заложников и расстреляны десятки тысяч людей. Брели не наобум. Сознательно отбирали самую деятельную часть общества, тех, кто способен думать, наблюдать и делать выводы. Тех, кто

владеет словом, кто способен к активной деятельности, кто может держать в руках оружие...

В каждом "Еженедельнике ЧК" публикуются списки расстрелянных. Кто они? Врачи, инженеры, адвокаты, профессора, промышленники, боевые офицеры, представители судебных органов, бывшие министры, бывшие депутаты, учителя, священнослужители... Заодно можно и просто свести с кем-то счеты. Например, Витебским ЧК расстреляна Бочкарева...

Кто такая Бочкарева?

Герой войны, георгиевский кавалер. После гибели мужа на фронте организовала женский батальон — он храбро сражался на войне. За что же она расстреляна? А помните: кто защищал Зимний Дворец? Женский батальон. Правда, самой Бочкаревой там не было. Да какая разница — все равно к стенке.

Реки крови потекли по Руси.

Но — никто не забыт, и ничто не забыто. Придет время и вспомним всех. И назовем всех — и палачей, и их жертв.

А пока — выборочно.

В Киеве офицеров пригласили в театр якобы для проверки документов. Расстреливали и рубили прямо в театре — 2 тысячи человек.

В Орле расстреляли пять гимназистов.

В Харькове начали расстреливать задолго до объявления Красного Трора. Сохранилась до наших дней кинохроника "Жертвы харьковской Чрезвычайки" — редкий и страшный кинодокумент.

В Саратове был овраг за городом. Когда стаял снег, жители собрались над оврагом — он был весь полон трупов.

Обоснований смертных приговоров нет никаких — а вернее вот такие:

в Вятке расстреляны — за выход из дома после 8 часов;

в Брянске — за пьянство;

в Рыбинске — за скопление на улицах.

Не гнушались работой палача и видные чекисты. Красноармейцы рассказывали: за Петерсом во время расстрелов всегда бегают его сын, мальчик 8-9 лет, и постоянно пристает к нему: "Папа, дай я...".

Давно утихло эхо выстрелов в Ленина и Урицкого, а террор крепчал. Уже закончилась гражданская война, а конвейер смерти только набирал силу.

Убивали так, как убивают на бойнях скот. В Ставрополе за один день прикончили более двух тысяч. Расстреливал особоуполномоченный Артабеков. Казнили 15-летних подростков и 60-летних стариков. В Евпатории расстреляли 17 медсестер. В Севастополе за Еврейским кладбищем можно было видеть расстрелянных женщин с грудными младенцами. В Керчи вывозили на транспорте "Кубань" в море и топили. (Ну, это распространенный способ казни — и на Черном, и на Балтийском, и на Северном морях. А сколько барж с офицерами затопили!)

В некоторых Чрезвычайных комиссиях заведена была должность "завучтел" — заведующий учетом тел.

Сажали на кол (например, в Полтаве — 18 монахов), пилили кости (Царицын и Камышин), надевали на головы венки из колючей проволоки (священникам), снимали с рук перчатки из кожи (садист Саенко в Харькове), насиловали женщин (это повсеместно)...

Деникинская комиссия по расследованию деяний большевиков только за 1918-1919 годы насчитала 1 миллион 700 тысяч замученных.

Мы ничего почти не знаем о крестьянских восстаниях — кроме Тамбовского. А их были десятки — на Дону, на Украине, в Астрахани, в Оренбурге, на родине Ленина — в Симбирске... Все они жестоко подавлялись. Заложниками брали крестьянских жен с детьми...

"Беспощадная война против кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям..."

А крепких крестьянских хозяйств в России было два миллиона. Это 10-12 миллионов человек. Смерть им!

Что ж мы теперь удивляемся, что ничего в деревне не сеется и не убирается? Так ведь тщательный отбор был. "Самая трудолюбивая часть народа сознательно искоренялась" (Короленко в письме к Горькому). Выбор был сделан в пользу лентяев и пьяниц, тех, кто с радостью ринулся под знамена с лозунгом "Грабь награбленное". Впервые в истории человечества воровской клич стал девизом государственной политики.

Те, кто сегодня у музея Ленина в дождь, в мороз, в любую погоду стоят с портретами Ильича, с его книжками, прижатыми к груди, — обманутые люди. Что они знают про своего кумира? "Ленин был хороший... Это вокруг него были разные люди, и нечистые тоже. Они извращали его указания, они обманывали его..."

А вот документик! Не хотите ознакомиться?

"Строго секретно! Товарищу Ленину... Сводка ЧК..." И списки расстрелянных. По всем губерниям. За что? Столько?..

Нет, милые мои. Как ни трудно освободиться от иллюзий, но надо. Надо быть зрячими. Нельзя бросаться в бой с завязанными глазами.

"Поощрять энергию и массовидность террора!.."

"Расстрелять на месте одного из десяти..."

"Провести беспощадный террор против кулаков, попов, белогвардейцев..."

"Сомнительных запереть в концентрационный лагерь..."

"Вывезти и расстрелять сотни проституток..."

Все это — Л Е Н И Н.

Диктатура по Ленину — "это власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами".

При Ленине была возрождена инквизиция. Но с обратным знаком.

Посмотрите, какие испытания пришлось перенести русской церкви — при Ленине.

"В церкви станицы Корневской большевики обратили алтарь в отхожее место, пользуясь при этом священными сосудами".

"В Херсонской губернии священника распяли на кресте".

"Архиепископа Пермского Андроника пытали — вырезали щеки, выкололи глаза, обрезали нос и уши. Потом бросили в реку".

"В Харькове священника Дмитрия вывезли на кладбище, раздели донага; когда же он стал осенять себя крестным знамением, ему отрубили правую руку".

Сегодня мы часто жалуемся: возрождение церкви принимает иногда нездоровые формы... А как могло быть иначе? Среди пастырей церкви тоже проводился отбор, начиная с 17-го. Уничтожалось все лучшее.

"Членам Политбюро... Строго секретно... Копии не снимать... Ленин".

"...Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше..."

Бытует мнение: Ленин к концу жизни понял ошибки, дал обратный ход... поэтому НЭП... и т.д.

Как бы не так! Жестокости и к концу жизни в нем не поубавилось ни на йоту. По-прежнему он считал, что светлое будущее можно построить только насилием.

Письмо членам Политбюро, которое мы цитировали, датировано 1922 годом, предпоследним годом его жизни. А ведь письмо это — предел жестокости. Такого не написал бы и Чингиз-хан, если бы умел писать.

Что касается НЭПа...

В марте 1922 года Ленин пишет Каменеву: "Величайшая ошибка, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору..."

В его иссохшем мозгу (оставалось здоровым только одно полушарие) все еще зрели планетарные планы уничтожения своего народа.

Мы все еще по инерции продолжаем валить на Сталина. Сталин был только исполнителем приговора над страной и ее жителями. Приговор вынес Ленин.

Пожалуй, стоит напомнить крылатую фразу Ленина: "Пусть 90 процентов русского народа погибнет, лишь бы десять процентов дожили до мировой революции".

Конечно же, он не был вульгарным палачом и убийцей. Ленин был фанатиком идеи. Оказалось, что это еще страшнее. Потому что жертвы — неисчислимы.

"Ленин,— пишет о нем Александр Куприн,— гораздо страшнее Нерона, Тиверия,

Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки люди, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же вроде камня, который стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути".

В 1921 году в стране, где четыре года разбойничали банды голодранцев, совершенно естественно вспыхнул голод. Страшный голод, грозивший унести в могилы миллионы.

Немедленно был организован Комитет помощи голодающим. В него вошли самые известные люди России, те, кого знал мир. И сразу же потекла помощь в районы, охваченные голодом. Откликнулась заграница. И оттуда же, даже может быть, главным образом оттуда, пошли в Россию продукты питания и медикаменты.

То, что произошло дальше, не укладывается в сознание. Едва образовавшись, Комитет (Помгол) подвергся аресту. Исключение сделали только для Веры Фигнер и Горького. Властям не понравилось, что члены Комитета наряду с помощью голодающим заговорили и о причинах голода, то есть неуважительно — о большевиках.

После разгона Комитета помощь прекратилась.

5 миллионов людей погибли от голода 1921-22 годов.

Все они — на совести Ленина.

Что неоспоримо для защитников Ленина — это то, что он очень образованный и интеллигентный человек.

Ну, конечно, по сравнению с последующими правителями страны он был просто... Леонардо да Винчи. Но по сравнению с духовными лидерами своего времени...

Вот что пишет о нем Бердяев:

"В философии и искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек..."

Его товарищ по партии философ Валентинов иначе как со смехом не может говорить о культуре своего лидера. И приводит в качестве примера рассказ о том, как Ленин готовился к написанию книги "Материализм и эмпириокритицизм".

Впрочем, о человеке надо судить по делам. По делам будем судить и о Ленине.

То, что при Ленине погибли от голода и от преследований ЧК многие талантливые писатели и деятели искусства — это пропустим. Все это теперь хорошо известно читающей публике. Достаточно вспомнить трагический конец замечательного русского поэта и гражданина Николая Гумилева.

Поговорим о делах более мелких, но характерных.

Вот мы сейчас с остервенением сбрасываем памятники Ленину. И не знаем, что поступаем, как верные ленинцы. Сам Владимир Ильич очень любил тянуть при этом за веревку. Не один замечательный памятник был разрушен при его личном участии.

Так погиб памятник Александру II, Царю Освободителю, в Кремле. Не просто памятник, а целый архитектурный ансамбль. Ну, это понятно. Известна патологическая ненависть Ленина к царям.

А "Скобелев" ему чем помешал? Стоял напротив нынешнего Моссовета, на месте "Юрия Долгорукого" памятник генералу Скобелеву, герою Плевны. Снесли.

По всей России разрушили массу замечательных произведений искусства. Эту остерве-

нелую борьбу с монументальным наследием прошлого успешно вели и верные ленинцы. При чем совершенно невозможно постичь логику этой борьбы. Чем руководствовались?

"Александра III" — творение великого русского скульптора Паоло Трубецкого, снесли, а "Николая I" на Исаакиевской площади оставили. Самого ненавистного большевикам царя!

"Екатерину" на Невском оставили, а точно такой же красоты памятник Екатерине в Одессе разрушили. Где логика?

А с храмами? Еще непонятнее. Почему уцелел Исаакий? "Христа Спасителя" взорвать рука не дрогнула. Почему сохранился "Спас На Крови" в Петербурге? Казалось бы...

Тут, пожалуй, можно догадаться. Чтобы разрушать, тоже нужны средства немалые. По всей России — где ж наберешься? Москва была столицей, а Ленинград — обыкновенным областным центром. Это и спасло город. Очередь не дошла.

Но вернемся к памятникам.

Уцелел Медный Всадник.

Не поднялась у бандитов рука. К тому же — Петр! По повадкам вроде бы даже большевистский царь. Но тогда почему же в 1919 году, при Ленине, снесли два других памятника Петру? Стояли по бокам Адмиралтейства на берегу Невы два чудесных памятника работы скульптора Бёрнстама. "Петр спасающий" и "Царь-плотник". Петр, спасающий человека из воды, и Петр, строящий шлюпку. Две прекрасные скульптурные работы. (Кстати, "Царь-плотник", копия, стоит в городе Заандаме в Голландии).

Две же замечательных работы Бернстама в Петрограде — разрушили!

Зачем?

Теряешься в догадках.

"Как ты не понимаешь?!— объяснила мне жена.— Нельзя чтобы народ видел, что бывают цари — плотники, цари, спасающие народ!"

Пожалуй, верно.

Умирал Ленин тяжело.

"Но вспоминал ли он на смертном одре о тех сотнях тысяч, которых перемолола его безжалостная чекистская машина, и о тех миллионах, которых он загубил голодом во имя и от имени военного коммунизма? Каялся ли в своей каннибальской философии "диктатуры пролетариата", во имя которой можно убивать даже малолетних детей?" (А.Авторханов).

ЭПОХА ВЫРОЖДЕНИЯ

Парижское кладбище Сен-Женевьев де Буа. Сентябрьское утро. Пусто, хорошо. Откуда-то слышится знакомый речитатив православной молитвы. Подхожу. Священник читает молитву на французском языке. Прислушался — не только священник, но и сами родственники, пришедшие на годовщину, уже не помнят родного языка, говорят на французском.

На Сен-Женевьев де Буа — 8 тысяч могил. А похоронено 22 тысячи русских людей. Три погребения в глубину.

А сколько таких кладбищ по всему миру? Отверженные, изгнанные со своей родины, нашедшие свой последний приют в чужой земле русские люди.

Они воевали за другую страну, проставляли ее искусство, укрепляли ее силу и могущество.

Кто не знает выдающегося авиаконструктора, изобретателя вертолета, Сикорского? Бежал от большевиков.

А Владимир Зворыкин, из города Мурома? Ему мы обязаны — что каждый день смотрим телевизор. Как он попал в Америку? Бежал от большевиков.

А Шагал? А Рахманинов? А Коровин? Шаляпин?.. Э-э, да разве всех перечислишь!

Бежали от большевиков.

...Брожу по парижскому кладбищу.

Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Иван Шмелев, Борис Зайцев... Что мы знаем о них? Их книги возвращаются на родину только сейчас, как раз тогда, когда мы разучились или вот-вот разучимся любить и читать художественную литературу.

Иван Бунин...

Мы умерли без него, без его книг, и он умер без нас, без своих благодарных и преданных читателей.

К 1922 году в стране почти не осталось блестящих и оригинальных умов. Одни умерли с голоду (пайки выдавались только социально близким), другие погибли в застенках ЧК (взятые как заложники), третьим удалось вырваться из ада и бежать за границу.

С оставшейся интеллигенцией Ленин расправился просто.

17 июля он отправляет записку Сталину:

"...Надо бы несколько сот этих господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Арестовать несколько сотен без объявления мотивов!.."

Вот и все юридическое основание этой беспрецедентной акции — последнего ленинского преступления против России и ее будущего.

Далее заработала чекистская машина. Хватали ученых, философов, бросали в кутузку, а оттуда (кого отпускали домой за вещами, кого — нет) — на границу. Езжайте, господа! Справедливости ради надо сказать: этим спасли от неминуемой смерти в будущем. Но Россию погубили.

Ленин торопит, пишет Уншлихту:

"...Пришлите мне бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки?"

Рапорты ВЧК о ходе операции ежедневно кладутся на стол к Ленину.

Вот они, списки антисоветской интеллигенции: крупнейшие ученые России, профессора Петербургского, Киевского, Московского университетов.

Смотрите, как вышибали мозги из России!

Как уничтожали ее интеллект!

Лучшие философы России в этом списке: Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Сергей Булгаков, Иван Ильин...

Листаю уголовное дело Ивана Александровича Ильина. (Сохранилось дельце, не все в этом учреждении сжигалось). На вопрос следователя о его отношении к советской власти Ильин ответил:

— Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких столетий.

Как правильно!

Русская либеральная интеллигенция годами расшатывала монархию, государственность. Дело дошло до смертельной вражды между государством и обществом. Истина никого не интересовала — лишь бы не так, как они. Во время японской войны император Японии получал телеграммы от русских либералов — с пожеланиями ему скорейшей победы.

Воспитание гражданина в те годы означало — воспитание лица, враждебного властям.

Общество рукоплескало убийцам-террористам. Издевалось над церковью, священниками — подрывало в народе веру в Бога. Большинство русской разночинной интеллигенции было насквозь атеистическим. Церковь перестала быть духовной опорой народа.

Вспомните, в русской литературе (от Пушкина) поп да урядник были самими окаркатуренными и униженными фигурами.

На миг сблизилась власть и общество — в начале войны. Но первая же неудача на фронте расколола единение. Всю вину свалили на царскую власть. А дальше — больше: все громче стали раздаваться голоса с прямыми пожеланиями поражения в войне.

Русское либеральное общество, интеллигенция хотели одного — разрушительной революции. Она произошла. Со всеми вытекающими из нее последствиями.

Значит, интеллигенция сама на своих плечах принесла большевиков. А большевизм потом легко расправился с интеллигенцией, не подчинившейся ему.

Ленин был безусловно гений. Все, за что он принимался, ему удавалось.

Ему удалось "надолго очистить Россию" от умных, образованных, рассуждающих, имеющих свое мнение людей.

Вот эту нетерпимость Ленина к людям умнее и образованнее его (сам Ленин был недоучившийся студент, и большинство из его окружения, начиная с Троцкого, — недоучившиеся студенты и семинаристы) переняли все его преемники. Все, без исключения. Включая Горбачева. Пожалуй, Горбачев даже самый яркий пример этому.

Терпеть не мог в своем окружении людей умнее и образованнее себя самого. Это его и погубило.

Вспомните, как он боролся за Янаева. Уже весь съезд, сам не шибко-то интеллектуальный, видел, что Янаев отчаянно глуп. Но президент — нет. "Хочу только такого!"

Как по капле воды можно судить о составе мирового океана, так по незначительной детали, можно судить об общей картине.

Если никто из его окружения (включая жену) не мог ему подсказать, что нельзя говорить "начать" и "ухлубить", то естественно предположить, что никто в его окружении не мог ему ничего подсказать по более серьезным вопросам: по "Шестому пункту", институту Президентства, Литве... и т.д.

Когда я вижу Ельцина в зеленом попугайском галстуке, который к лицу советскому нуворишу и не к лицу президенту ядерной державы, когда я вижу, что он в этом галстуке и с американским, и с французским президентами, и британским премьер-министром и утром, и днем, и вечером, и вообще два месяца, не снимая, я начинаю подозревать неладное. Если никто в его окружении не может или не осмеливается

подсказать ему такую мелочь, значит тем более никто не решится подсказать ему что-то по более серьезным вопросам.

А тогда — дело плохо. Тогда и он такой же, как все его предшественники, и он — верный ленинец.

Главный аргумент защитников Октября: народ в массе своей поддержал большевиков.

Так, да не так.

Поддержал народ большевиков или не поддержал — лучше всего свидетельствуют результаты выборов в Учредительное Собрание, в Русский Парламент. По всей стране результаты фальсифицировались в пользу большевиков. И все равно они потерпели сокрушительное поражение.

Нет, тут дело в другом.

Ленин и его соратники провозгласили право на грабеж и убийства. Откликнулись самые темные, самые низкие слои общества. "Из грязи да в князи" — справедливая русская поговорка. Ни умом, ни талантом, ни трудолюбием эти люди ничего достигнуть не могли. А тут — такие возможности! Конечно, они с восторгом приняли новые порядки. Темная, нерассуждающая часть общества стала идеальным инструментом для исполнения любых приказов. Они стали покорными исполнителями преступных замыслов.

Слепые исполнители плюс жестокость вождей — получилась грозная сила.

Случилось невероятное — худшее стало править лучшим. Минус поменялся на плюс. То, что веками считалось пороком, стало добродетелью.

Ленин произвел не только государственный переворот, он осуществил целый переворот

в душе народа. "В России был заложен новый антропологический тип, новое выражение лиц появилось у советских людей" (Бердяев).

Как точно! Смотришь сейчас на фотографии этих людей в островерхих шлемах и вспоминаешь анекдот самых первых лет советской власти. Знаете, как называли тогда эту шишечку на буденновке?

Умоотвод!

То есть тогда уже все понимали, но сделать уже ничего не могли.

А еще так шутили: "Кипит наш разум возмущенный... Так вот этот колпачок наверху — чтобы пар выходил".

А ведь не для них были заготовлены эти костюмы — шинели с "разговорами" на груди, и головные уборы, стилизованные под старинный русский боевой шлем. Другие лица должны были быть под этими шлемами.

Авторы этого русского военного костюма — художники Васнецов и Бёрнстам. Костюмы эти в огромном количестве хранились на складах. А заготовлены они были, знаете для чего? Для парада русской армии-победительницы! В Берлине! К концу эдак семнадцатого года такой парад неминуемо должен был состояться.

Вот так начиналось вырождение нации.

Конечно, извести под корень великий народ не под силу было и Ленину. И его последователи, верные ленинцы, как ни старались, уничтожить народ не смогли. Основная его часть осталась здоровой, а значит способной к высокому Возрождению.

Но положение критическое. Мы грозим превратиться в страну жуликов и люмпенов. Наверху — жулики, внизу — люмпены, пьянь, потерявшая способность соображать и тру-

даться. Здоровая часть народа посередине. Она редет день ото дня. Часть уходит к жуликам, потеряв надежду заработать на жизнь честным трудом, другая, безвольная часть, быстро нищает и становится люмпенами. В ней, в этой части, будет расти озлобление, это самый благодатный материал для будущей социальной революции. Из него можно лепить злую слепую силу.

Старики просто обречены на ускоренное вымирание, в новых условиях им не выжить. Мы, как поганые язычники, принесли в жертву своих родителей. Кому? Какому Богу? Богу под названием Рынок? Да разве это Рынок — бросили стариков на растерзание жуликам! Да, я утверждаю, что девяносто процентов нынешних предпринимателей, регулирующих этот самый Рынок, — жулики. Обвинение сколь голословно, столь и очевидно.

Какая страшная перспектива — превратиться в страну жуликов и нищих! Вот мрачный финал того процесса, начало которому положил Ленин. Доделывали его ученики. И доделывают, кстати. В головах людей, которые так своевольно называли себя демократами, ленинские идеи неистребимы.

А для чего вы все это говорите? Что предлагаете? — вправе спросить меня читатель. Я отвечу:

— Не дело писателя, кинорежиссера, вообще художника, предлагать какие-то свои рецепты. А вот выразить боль свою, передать свою тревогу, указать опасности, которые по его мнению, грозят обществу — прямая обязанность.

Страшную картину вырождения наблюдали мы этим летом в Самаре.

Жигулевский завод (ему более ста лет) снабжал когда-то всю Россию пивом. Еще и на

"заграницу" хватало. А сейчас в самой Самаре кружку пива можно достать только с боем. У ворот завода — пивной ларек. В него иногда подают трубой пиво-сырец. В рот эту гадость нетренированному человеку взять нельзя. Но ломится народ, сотни людей с канистрами, банками, бидонами. Тут же и пьют на грязном асфальте. Звериный мат висит в воздухе. А тут и женщины, и дети. Каждые пять минут возникает драка в очереди. И... русский, трехэтажный... в Бога... в мать... "Вот Бога, говорят, нет,— жаловалась мне одна старушка,— а кого матерят?"

Отсутствие средств, скотские условия быта... Идет ускоренный процесс люмпенизации населения. Этот процесс стал интенсивнее за годы, прошедшие с апрельской революции. Сегодня он перерос в глобальное явление. Какое же тогда может быть будущее у страны?

Нет, я не осуждаю этих людей. У меня нет ни желания, ни права кинуть в кого-нибудь из них камень. Да и чем мы лучше? Разве только за пивом не ломимся. Предпочитаем иноземное, в банках...

А в общем... такие же. Так же готовы перегрызть глотку друг другу из-за пустяка. Так же нищи духом.

Разве за годы перестройки, когда были отпущены нам безграничные свободы, когда развязали руки и вынули кляп изо рта, разве использовали мы свободу творчества во благо державы? Разве стали литература, искусство, кинематограф воздухом сегодняшнего дня? Разве выразили боль, тревогу и страдания народа? Разве помогли ему хоть чуть-чуть? Вдохнули в него жизненные силы? Наши искусство и литература отразили нищий дух художников.

Вырождение, ничуть не в меньшей степени, коснулось и их.

...А у пивного ларька пьют пиво-сырец. Тут же и мочатся у стены завода. Вот парень застегнул ширинку, подошел к девушке — кто она ему: жена? невеста? любимая? — подал ей руку... И пошли они, взявшись за руки и чуть покачиваясь, к Волге...

БОЖЕ, СПАСИ И СОХРАНИ РОССИЮ!

**ВЕЛИКАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

Не в силе Бог, а в правде

Можно ли было предположить, что книжка эта, едва она выйдет в свет, станет бестселлером? 100-тысячный тираж (огромный по нынешним временам), пере-печатки в региональных газетах; общий тираж, наверное, приблизился к миллиону, а все звонят, просят: разрешите переиздать?

Что ж это за сочинение?

В том-то и дело, что автор даже не потрудился сочинить что-нибудь, дабы понравиться читателю. Он лишь описал простыми словами то, что видел, путешествуя по России. Всего-то.

Спрос на Правду. Ничем другим объяснить читательский интерес невозможно. Слово Правды по-прежнему стоит дорого. Курсу Правды на рынке печатных изданий может позавидовать курс доллара на рынке валютном.

И вот что удивительно. Многим из числа "сильных мира сего" предъявлены серьезные обвинения в этой книжке, а никто не подал на автора в суд. Это при нынешней-то любви к склокам; чуть что — сразу в суд на обидчика!

(Впрочем, попытки были. Позвонил однажды рано утром Дмитрий Якубовский из Канады. "Почему вы назвали меня жуликом? Подаю в суд..." На следующее утро скорый на руку "Московский комсомолец" сообщил: "Якубовский подает в суд на Говорухина и оценивает нанесенный ему моральный ущерб в сто миллионов рублей". Ничего себе аппетиты! Представьте себе Рокфеллера, подающего в

суд на учителя географии, — неужели он предъявил бы ему иск в 100 тысяч долларов?

У российских нуворишей иное представление о чести и достоинстве. Я уж хотел было просить Якубовского сбавить цену, но тут дело затихло. Между тем на мой адрес стали приходиться сочувственные телеграммы от граждан и даже денежные переводы — на 10, на 20 тысяч рублей. И я подумал, что, пожалуй, всей страной мы наскребли бы нужную сумму. (Но судебное дело, как я уже сказал, заглохло).

Многих автор обидел в своей книжке. Включая и тех, у кого в руках средства информации. И — никакой реакции. Ну, наверное, тайная работа идет, но внешне — ноль внимания. Не заметили!.. Ишь ты, миллионного тиража не заметили!

"Не в силе Бог, а в Правде", — говаривал Александр Невский. Пуще огня они боятся Правды. И первое, с чем начинает бороться любой авторитарный режим, — это Правда.

"Сам себе противоречишь, — возразит дошлый читатель. — Если бы боролись, давно бы сгноили".

Не спешите.

Во-первых, авторитарный режим в нашей стране находится в процессе становления. Вспомните: первые большевики, — праотцы нынешних, кремлевских, — тоже поначалу терпели инакомыслящих и правдолюбцев. Терпели лет десять. Пока не укрепились. А потом грянул первый судебный процесс.

Во-вторых, нынешние авторитаристы играют перед всем миром роль демократов. Иной раз и хочется кулаком — об стол, а по роли — нельзя. Видите, какое у них сложное положение!

В-третьих, борьба с Правдой тем не менее идет. Да еще как! Взгляните на телеэкран. С 12 декабря, едва закончились "демократические" выборы, на телевизионный экран уже не попадает никакая объективная информация. А телевизор — это очень серьезно. Что — газеты? Сформировать общественное мнение способен один телеэкран. И взрастить "нового" человека. У современного ребенка три родителя: папа, мама и телевизор.

Отсюда особое внимание властей к телевидению. Руководство телевидения сегодня — как раньше отдел ЦК по идеологии.

И, наконец, реакции на книжку нет потому, что мы имеем дело с редкой, особенно бессовестной породой людей. Про таких в народе говорят: "Плюнь им в глаза, скажут: божья роса".

Автор этой книжки — кинорежиссер. (Она и написана, как фильм. Немножко воображения — и вы увидите его, словно на большом экране.) Автор к тому же достаточно известный режиссер. Некоторые его фильмы пользовались благосклонностью публики. Вспомните хотя бы "Место встречи изменить нельзя".

6 лет назад автор свернул с пути, в конце которого его мог бы ожидать верный успех. И двинулся в неизведанную для него (да и для остальных наших кинематографистов) область — в жанр документального политического памфлета. Жанр этот никому не сулит, не обещает ничего хорошего. Кроме новых врагов. Врагов теперь у автора множество.

Что за странная метаморфоза? Похоже на психический срыв.

По этому поводу автор берет интервью у самого себя.

— Ты что? Чокнулся?

— А похоже?

— Еще как!

— Да, что-то со мной происходит.

— Что?

— Не знаю, не могу связно объяснить. Как будто все живые клетки перестроились в новые порядки, заняли совсем другие места...

— Перестройка?

— Ага.

— Когда появились первые симптомы, не помнишь?

— Помню. И год, и месяц, и число. В общем, с апреля 1985-го, с начала общей перестройки в стране. Когда понял, что отныне судьба страны зависит от каждого человека, живущего в ней.

— Судьба страны... Мы-то с тобой люди близкие, могли бы обойтись без громких слов.

— Ничего не могу поделать. Сам не предполагал, как много они для меня значат — моя страна, моя родина. Люди моего круга — кинематографисты, литераторы, художники — словосочетание "моя родина" иначе как с иронией не произносили. Слышать это становилось с каждым днем все обиднее.

— Ну и что, что с иронией? Знаешь пословицу: "Хоть горшком назови, только в печку не ставь".

— Так — поставили! Смяли, как хотели, и теперь обжигают в адском огне. Родине нашей уготовано печальное будущее. Прочти эту книжку, она как раз об этом. Под смех и улюлюканье лавочников отправили на тот свет стариков — наших родителей. Они, видишь ли,

сопротив- лялись, не хотели, чтобы их страну — в печь. Те из стариков, что еще живы, замерли в ужасе. Новая порода людей ходит по улицам. Жестокая и бессовестная. "Мутанты" — назвал их Виктор Сергеевич Розов (известный наш драматург, автор моего любимого фильма "Летят журавли"). Интеллигенция в который раз предала свой народ. Предала и продала. (И за мелочишку продала-то). Прославляли, восхищались его сердечностью, душевной глубиной, способностью к подвигу... И вдруг: быдло! Нехороший, словом, народ. Эдакие смердяковы: заменить бы их на немцев да французов! Но ведь и заменили уже! На четверть или даже на треть уже заменили. (Прочти дальше книжку — она и об этом тоже).

А ты спрашиваешь: что со мной произошло? Помнишь пушкинского "Пророка"? Это не обо мне, конечно, это — о Пушкине. Но и обо мне тоже. И о любом другом художнике, чье сердце способно принять в себя чужую боль.

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Вот так и со мной. Жил, как жили люди моего круга, шлялся по тусовкам, рассказывал анекдоты про чукчей, снимал, что приятно, что не требует большой траты душевных сил, но пробил час и настал день, когда вырвали мой празднословный и лукавый язык и вложили

вместо него змеиное жало. И сердце вырвали. И это уже не сердце, а пылающий огнем уголь.

Вот что со мной произошло.

А теперь вместо предисловия прочтем еще раз пушкинского "Пророка". И да прочтут его вместе с нами владеющие словом или образом, те, кто еще способен подставить свою грудь под острие меча и подвергнуться болезненной операции, после которой у художника остается одно предназначение — служить своей родине и своему народу.

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводных ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,

Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".

СТРАНА ВОРОВ

Время от времени надо подводить итоги.
Куда шли — к чему пришли? Чего добились?

Составим такую мысленную табличку: что было — что стало.

Итак. "Железный занавес" сохранился.

Только теперь его называют "золотым". Но от этого не легче. Честному человеку, живущему на заработанное своим трудом по-прежнему ни в какие райские кущи, ни в какую границу не прорваться. Из-под этого занавеса опять плывет к нам одна "навозная жижа" — по выражению А.И.Солженицына, а сквозь него просачиваются от нас на Запад одни жулики, обладающие способностью дематериализовать любую материю.

Гласность... Гласность весьма относительная. Левые газеты врут так же, как и правые. Они как бы поменялись знаками. Правые становятся левыми, то есть оппозиционными, левые — правыми, верноподданническими. Нельзя сказать, что произошла полная рокировка, но тенденция наметилась, процесс пошел.

Взятки стали больше, а взяточничество шире. Мы говорили о брежневском государстве как о пронизанном насквозь взяточническим и коррупцией. Так ведь это были цветочки!

Преступность давно перемахнула даже послевоенный (в разоренной ослабленной стране!) уровень. Что уж там сравнивать с хрущевскими временами или даже с временами "благословенного" Застоя. Впору говорить об уголовном терроре.

Впервые после войны смертность в России превысила рождаемость. В январе 1992 года, например, родились 147 тысяч человек, умерли — 167 тысяч.

Глупость, невежество, некомпетентность наших вождей так же бросаются в глаза, как и прежде.

Общественная атмосфера стала еще более гнетущей. Мы даже шутить разучились. Раньше что бы ни выкинуло наше правительство, появлялся новый анекдот. Пустяковая деталь, но она говорила о том, что дух народа не сломлен. Теперь и анекдотов нет.

Мы были самой читающей страной в мире (и это не из серии "Россия — родина слонов", дело обстояло именно так). Теперь и этого нет. Как раз тогда, когда на родину возвращаются украденные у нас, долгие годы не издававшиеся книги, мы разучились или вот-вот разучимся любить и читать художественную литературу. Молодежь же вообще занята другими делами. И что же будет, когда вымрут последние читатели?

Мы были похуже одеты, но держались увереннее. Сытый и хорошо одетый невежда нутром чувствует превосходство образованного человека.

Культура, искусство — на последнем издыхании.

К примеру, кинематограф... Раньше на "полку" отправлялась одна картина из ста пятидесяти — по цензурным соображениям. Теперь на эту "полку" идут все 300—400. Ни одна не доходит до зрителя. Ему не до кино, не до такого кино.

Закрываются театры, студии, издательства...

Надо признать: яму, в которую скатываются искусство и культура, мы вырыли своими руками.

Оказались не готовыми ни к свободе, ни к демократии. Слишком резко всплыли. Нас поразила кессонная болезнь. Налицо все признаки: помутненное сознание, затрудненная речь, паралич...

Свободы раздавили нас. Как тут не вспомнить Столыпина: "Я говорю: надо дать свободы. Но при этом добавлю: предварительно нужно создать граждан и сделать народ достойным свободы".

Гражданами мы оказались плохими.

Сделали все, чтобы оттолкнуть от себя и зрителя, и читателя. Выглядим в их глазах просто шкурниками, не имеющими другой цели, кроме как выкачать из аудитории денежку. Эдакой шайкой растлителей малолетних детей. Недаром в Киргизии, например, собираются принять жесткие меры защиты от безнравственности, плывущей из печатных изданий и с экрана.

200 лет гуляла по России похабная, но остроумная поэма Баркова "Лука Мудищев". Никогда страна не переживала настолько смутного времени, чтобы какой-то издатель осмелится ее напечатать. Да его бы изгнали из

общества, ни один порядочный человек не подал бы ему руки. Позорный час пробил. "Луку Мудищева" напечатали.

Купил я недавно книжку в подарок (собирался на день рождения). Прекрасное карманное издание, на мелованной финской бумаге. Называется "Неповторимое чудо — частушка", издательство "Молодая гвардия". Вот, думаю, чудный подарок. Хорошо, что догадался тут же перелистать несколько страниц.

Как же вам передать содержание этой книжки? Полагаю, что даже с многоточиями вместо матерных слов напечатать частушку из нее непросто. Но все-таки попробую процитировать. Беру наугад.

Ой, п...а, моя п...а,
Вся ты изнасилася,
Вечно лазила под х..
Меня не спросилася.
Полюбила парня я,
Оказался без х..
На х.. мне без х..
Когда с х.. до х..!

Наш бухгалтер Вера Васильевна приобрела для внучки книжку "Заветные сказки". И шрифт, и формат детский. Сидит на работе у себя за столом, листает. Вдруг бледнеет, краснеет, зовет меня:

— Станислав Сергеевич, вы посмотрите, что здесь напечатано!

Беру, читаю: "Давно это было, когда еще и ножей не было, х..м говядину рубили..."

Смотрю на обложку — никакого предупреждения, что детям — нельзя. Сказки Афанасьева. Да, есть такой сборник — сказки Афанасьева. Даже издавали их раньше, уж больно остроумные. Но тысячу раз предупрежда-

ли (и на обложке, и на титульном листе): только для взрослых!

Одним словом: дорвались!

Дорвались до свобод. Читатель вынужден защищаться. И не только от похабщины. От бесконечной лжи, от неустанных разоблачений, от потоков мерзости.

А как он может защититься? Только одним способом: презрительно отвернувшись.

То же самое и с театром, и с кино... Если мы выпускаем фильм под названием "Бля!", на что мы рассчитываем? На какую реакцию публики?

Все, что случилось, закономерно и оправданно. Яму, в которую скатились, мы вырыли сами.

Но мы отвлеклись. Продолжим наши табличку: что было — что стало.

И раньше старикам было плохо. Но сейчас они просто обречены на преждевременную смерть. 50—60 миллионам стариков уготовано ускоренное вымирание. Россия быстро молодеет.

И, наконец, люди гибнут. Как и раньше — в проклятые двадцатые, тридцатые, сороковые. Масштабы? Да почти такие же. Люди гибнут в национальных конфликтах. Умирают от болезней, которые нечем лечить. Он недоедания. Не напрямую от голода (хотя есть и такое: патологоанатомы рассказывают — у некоторых стариков пустые желудки, по восемнадцать дней в них не было пищи). А от недоедания. Ослабленный организм способна свалить любая болезнь, любая простуда.

Одна женщина написала мне: скоро люди будут умирать только от огорчения, от одного страха перед будущим.

Правильно. Уже умирают. Столько отрицательных эмоций ежедневно — чье же сердце выдержит?

И Это мы называем демократией?

Нет, мы еще не нюхали демократии. И нынешние вожди никакого отношения к ней не имеют. Это все те же верные ленинцы. Они унаследовали от Ленина главное: готовность всегда пожертвовать своим народом. Пусть 90 процентов погибнут, лишь бы десять дожили до счастливого будущего. Вот она, ленинская мысль!

Как так случилось? Почему? Бежали вроде вперед, а оказались сзади. Вырвались из ада, продирались в темноте через кусты и колючки... вот замелькали огоньки впереди, кубарем скатились с обрыва, а это — другой Ад, еще хуже прежнего.

Читателю, интересующемуся истоками, могу предложить такую простенькую схему (возможно, она ошибочна, не буду спорить).

Российский государственный корабль лег на истинный курс в 1906 году, при Столыпине. Началось "великое выздоровление страны" (А.И.Солженицын). В феврале 17-го года корабль повернуло влево. В октябре большевики поправили курс — Россия круто взяла вправо. Так мы шли семьдесят лет, все больше удаляясь от цели: по-настоящему свободной России, "свободной от нищеты, невежества и несправедливости" (выражение П.А.Столыпина).

В апреле 1985 года на капитанский мостик поднялся новый капитан — корабль стал тяжело разворачиваться влево. Как-то незаметно мы пересекли истинный курс и теперь идем левее...

Левее! — но так же далеко от истинного курса, как и прежде.

Что же делать?

Для начала нужно вернуть корабль на истинный курс. Нужен капитан. Капитан, который учился не чертовщине (как все предыдущие наши командиры), а морскому делу. Цель ясна — свободная Россия. По-настоящему свободная. Свободная от нищеты, невежества и бесправия.

Все нынешние свободы оказались свободами призрачными. Свобода выйти на площадь и крикнуть: "Гайдар — дурак!" — это не свобода. Это распушенность.

Свобода — это освободить людей от обнищания! Сейчас, а не через тридцать лет. Через тридцать лет они погибнут. Если не физически, то духовно.

Нужно освободить людей от страха перед преступниками. Виданное ли дело — целый народ забаррикадировался в своих квартирах, опустели улицы наших городов, они отданы во власть бандитов.

Нужно освободить людей от страха перед будущим. Не позволять им умирать "от огорчения".

Нужно оградить наше потомство от растлителей. Дети — это будущее страны. Что ж мы безучастно смотрим, как их терзают стаи волков?

Вот что такое — истинные свободы! Страна воров!

Обвинение сколь голословное, столь и очевидное. Воруют, как никогда. И девяносто процентов так называемых предпринимателей — мошенники. Продавцы воздуха. Ничего не предпринимают и не производят. Посредники. Как заметил один остроумный человек: посредники между трудящимся человеком и его карманом.

Наши экономисты придумали удобную для жуликов теорию: все в истории капиталы сколачивались нечестным путем. Мол, поначалу — да, нечестно... Но зато потом...

Во-первых, это не так. Достаточно посмотреть историю российских предпринимателей, всех этих Морозовых, Рябушинских, Мамонтовых, Прохоровых. Они богатели вместе со страной. Развивалась промышленность, креп крестьянин, росло благосостояние народа, богатела страна — богатели и они.

А во-вторых... Какая гнусность — жулики спасут страну!

Смотри, смотри, весь цивилизованный мир!

Происходит неслыханное и невиданное!

Страна воров выходит на столбовую дорогу в Светлое Будущее!

Сколько раз автор этих строк пытался докричаться до властей предержажих: остановите преступников! Они не дадут осуществиться никаким благим начинаниям, не пройдут никакие реформы!

Все зря. До глухого не докричишься. Ну вот объясните мне — почему Они не борются с преступностью? Почему уже после августа 91-го милиция не только не окрепла, но еще более ослабла. Преступность же укрепилась и стала хозяином положения. Впору призывать войска ООН на улицы наших городов.

Когда власть не борется с преступностью, напрашиваются два вывода. Или она не в состоянии с ней бороться. Или она с ней заодно. Оба вывода неутешительны.

В обоих случаях сама власть — преступна!

Мы не просто — страна воров. Мы — страна воров и нищих. При колоссальном обнищании идет быстрая люмпенизация страны. Процесс этот смертелен для будущего России.

Из такой темной, озлобленной, потерявшей ориентир массы можно лепить слепую силу. Нужен только человек, который найдет ключ к душам этих людей. И каким будет этот их вождь, такой будет и страна. Окиньте свежим взглядом историю России после Февральской революции — и вы найдете подтверждение моим словам.

Приходилось вам видеть большое скопление люмпенов? Какая мысль приходит в такие минуты в голову? Правильно. Это и есть духовная смерть народа. Она ничуть не менее опасна, чем смерть физическая. На нее обречены десятки миллионов людей.

Остановить обнищание! Немедленно! Любой ценой. Не дать духовно погибнуть великому народу! Укротить жуликов и остановить обнищание! Вот это первоочередное. Все остальное — потом.

Происходит невероятное. У нас на глазах растет уродливый ребенок, со всеми патологиями, которые известны в медицинской практике. Даун. Несчастье родителей. Пожизненное. Между тем примерно тридцать процентов населения (примерно столько полагают все происходящее правильным) уверяют нас: ничего, подрастет, оправится и станет красивым молодым человеком.

Так не бывает. Из уroda вырастет — урод!

Куда же направляется корабль государства Российского? Куда угодно, только не к цели.

Повторяю, мы сбились с курса. Где же тот капитан? Лидер?

Что-то не видать такого. Не только столыпинского масштаба, пусть поплоче, но достойного — не видать.

А он и не появится, достойный лидер, пока не появится достойная оппозиция. Оппозиции в стране нет. Те, под красными знаменами, — никакая не оппозиция. Это правительству выгодно считать их оппозицией. Всегда удобно иметь слабого противника.

Те, кто собираются у Музея Ленина и на Красной площади с портретами бывших тиранов у груди, — люди с короткой исторической памятью. Они решили — то, что происходит, это и есть демократия, они, видите ли, в ней разочаровались, поэтому командуют: назад! Кто же за ними пойдет? Назад к Ленину, Сталину, Хрущеву, Брежневу? В тоталитарное государство? В концлагерь? Добровольно?

Но я, кажется, зарпортовался. Почему же — не пойдут? Обязательно пойдут. Те же люмпены, например. А за кем же им идти?

Нужна здоровая оппозиция. Демократическая, если хотите. В стране воров и нищих есть и здравомыслящая часть населения. Она, правда, редеет день ото дня. Часть уходит к жуликам, потеряв надежду заработать на жизнь честным трудом, другая часть быстро нищает и становится люмпенами. Вот эта здоровая часть народа понимает: назад к Ленину — гибель, но и то, что происходит сегодня, — никакая не демократия. За демократию надо еще бороться. И начинать надо с нуля. То, что мы наблюдаем, — уродливое дитя демократии. И никогда великие идеи ее не были так сильно опорочены, как сегодня. Их опорочили сами демократы, вернее, люди, себя так своевольно назвавшие.

Нужна достойная демократическая оппозиция. Вот тогда появится и достойный лидер, тот капитан, который выведет страну на истинный курс — свободной, по-настоящему свободной России.

...Был я недавно на одной презентации. Этих презентаций в нашей голодной стране больше, чем во всех процветающих странах Запада вместе взятых. Так вот... Угощение как угощение. Икра черная, икра красная, крабы, кета, осетрина, куропатки, киви, шампанское, коньяк, виски... Рядом со мной оказалась актриса Таня Лаврова из "Современника".

— Тань, чего это у тебя глаза мокрые?

— Знаете, Слава, пошла я утром в булочную, вижу — старушка... Такая милая, славная, чистенькая старушка. Но как-то странно себя ведет... И вдруг, представляете... Она взяла и украла булку! Продавщица, конечно, заметила — визг, шум...

Сатанинское время! Старушкам этим о Боге надо думать. Эта вот за всю жизнь, может быть, чужой нитки не взяла, а ее на старости лет в такой грех толкнули.

Нет нам прощения. Ни от Бога, ни от родителей, ни от детей наших!

РОССИЯ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Все лето мы ездили по стране, снимали фильм о России.

Помню, приехали в Псков. Не успел я расположиться в номере — стук в дверь. Корреспондент телевидения.

— А что вы здесь будете снимать?

— Пока не знаю.

— У нас тут ничего, кроме воровства, нет.

Сказано с перебором, однако...

Даже короткого взгляда на ситуацию в приграничных с Эстонией районах достаточно, чтобы понять: произошла глубокая криминализация населения. Это вам не лермонтовская Тамань. Контрабандистами стали все: от тракториста до директора оборонного предприятия, от главы администрации (недавно отрешенного от должности) до пастуха, который спешно переквалифицировался в проводники к контрабандистам.

Ситуация такая обнаружилась сейчас. Когда немножко зашевелились пограничники. Полтора-два года назад караваны с грузами из России шли в Прибалтику почти открыто.

В прошлом году Эстония заняла четвертое место в мире по экспорту цветных и редких металлов. Заметим: не имея в своих недрах ни грамма руды. Маленькая страна с добропорядочной, вызывавшей сочувствие исторической биографией, превратилась за два года в профессиональную скупщицу краденого.

В Псковском терминале, в огромных амбарах, где хранятся конфискованные грузы, мы видели горы медного лома, медь листовую, медь в трубах, в слитках, десятки тонн кобальта, никеля, цинка, алюминия. Все это идет на аукцион, терминал вычищается, а через две-три недели снова заполняется доверху. А ведь пограничники (по их собственному признанию) задерживают три-четыре процента грузов.

Остальное уходит. Контрабандно, по фальшивым документам и по законным лицензиям, которые правительство щедро выдает коммерческим структурам.

Мы видели задержанный пограничниками новенький вертолет (пытались перегнать в Латвию), самолет (туда же) и даже целый поезд — тепловоз и вагоны.

Слава Богу, задержали.

А сколько не удалось перехватить?

Впервые мы увидели, как выглядят редкие металлы (тоже конфискованные при попытке вывоза за границу). Галлий, цезий, тантал, цирконий, ванадий... Индий в слитках — металл платиновой группы. Похожий на серебро, только очень мягкий, легко режется ногтем и, если обнять слиток ладонями, начинает плавиться, растекаться... 170 драгоценных слитков!

Тащат все. Даже радиоактивные изотопы! Один придурок вез радиоактивный материал под сиденьем своего автомобиля. Что скажет теперь его жена?

Больше всего нам хотелось посмотреть на загадочную "красную ртуть". Столько говорилось о ней, столько писалось...

Ученые всего мира ищут сегодня материал, который позволил бы снизить критическую массу ядерного материала. Чтобы бомба была не такой мощной, чтобы можно было уменьшить ее до размеров портсигара, авторучки.

Может быть, красная ртуть и есть такой материал? Как бы взглянуть на нее?

"Этого добра сколько угодно", — сказали нам работники безопасности. И действительно, во всех терминалах, на всех складах с конфискатом мы натыкались потом на стеклянные банки с тяжелым веществом красного цвета.

Лабораторный анализ содержимого банок каждый раз показывал: туфта. В лучшем случае — заурядный оксид ртути. В худшем — толченый кирпич.

Ученые уверяют: красной ртути не существует. Жидкости с плотностью 20/20 в природе быть не может. Однако есть фирмы, торгующие красной ртутью, имеющие лицензии на ее вывоз. Например, екатеринбургская "Пром-экология".

Загадка.

Между тем известно: в ртути растворяются все металлы. Предположим, мы с вами растворили в ней золото, платину, плутоний и под видом ртути вывезли за границу. Получатель путем простейшего анализа выделяет из такого раствора нужные ему элементы в чистом виде.

Возможно, ртуть используется как контейнер, как маскировка для перевозки чего-то другого — более таинственного и более дорогого.

Итак, тащат все, что можно украсть. Действует пресловутый принцип социализма: каждый ворует то, что сам он и охраняет. Ну а тот, кто ничего не сторожит, он что ворует?

Ворует то, что никем не охраняется.

В Пскове студенты техникума ободрали рельеф памятника Красной Армии. И продали как медный лом эстонцам. В Невеле украли бронзовый бюст Пушкина. С памятника Александру Матросову, поставленного на том месте, где солдат закрыл грудью вражескую амбразуру, содрали бронзовые буквы.

Раньше границы нашей Отчизны охраняли 250 тысяч пограничников. Сейчас — 220 тысяч. Но прежде границы были оборудованы, а сейчас

— нет. Рубежи России стали к тому же протяженнее (мало кто задумывается над этим).

Чтобы оборудовать и укрепить новые границы, нужно 5-7 лет. При условии, что работы будут щедро финансироваться.

Государство этого делать не собирается.

Как живут пограничники? Об этом лучше не говорить. Вместо двухсот человек на заставе — тридцать. Ни амуниции, ни обуви. Ни сушилки для обуви. Зимой валенки — через одного. Ни поспать, ни почитать — сарай! Ни машин, ни раций в достаточном количестве. Смех и грех — биноклей не хватает!

У меня впечатление: все наши бинокли в Берлине, на рынке под Бранденбургскими воротами. Были мы там. Вот где есть все: и бинокли, и приборы ночного видения, и прекрасная солдатская обувь, и ордена и медали всех сортов. "За победу над Германией", "За взятие Берлина"...

Не могу удержаться, чтобы не пересказать одну историю. Поведал мне ее один полковник, он служит в Западной группе войск, в Германии. А история такая... Впрочем, лучше предоставим слово самому полковнику:

"Отец у меня генерал, летчик, воевал на севере. Его трижды сбивали немцы. Дважды он падал в море, один раз садился на сушу на горящем самолете. Четыре ордена Красного Знамени, Герой Советского Союза... Неделю назад звоню матери. Та в слезах... Значит, что случилось... Рассказывает: 7 мая в 13:30 звонят ей в дверь. Как раз в эти дни телеграммы носят ветеранам. Открывает моя мать дверь — на пороге парень. Как принято нынче говорить, кавказской национальности. Мамашу мою как в лоб двинули, так она и полетела в другой конец

квартиры. Ворвались четыре человека с пистолетами. Отец вышел на шум — он смотрел телевизор в другой комнате. Его — пистолетом по голове. А он 19-го года рождения. Положили на диван; простыней, кстати говоря, накрыли, мерзавцы. Чтобы не видел, значит. Глаз-то наметан...

А я накануне привез родителям кой-какие подарки. Телевизор японский... И вот мать плачет, а я, грешным делом, сразу подумал: телевизор тянули, пропади он пропадом, зачем подарил? Черта с два! Прямохонько к шифоньеру и с генеральского парадного кителя Золотую Звезду — хватать! И ордена — те, что на планке. Красную Звезду — она на штифте — даже свинчивать не стали. Торопились. Нервные какие-то ребята попались..."

Но "вернемся к нашим баранам".

"У нас тут ничего, кроме воровства, нет", — такое мы могли бы услышать во многих городах нашей необъятной Родины. Воруется вся страна.

Где-то мы уже слышали эту фразу... Ну, конечно! Нет ни одной газеты, ни одного государственного деятеля, который хотя бы дважды не процитировал знаменитый ответ Карамзина на вопрос: "Что делает Россия?"

"Воруется", — кратко заключил классик.

Когда крыть нечем, а оправдать масштабное разграбление страны надо, прибегают к помощи российского классика. Мол, что вы паникуете? Всегда воровали...

Если с того света за нами наблюдает Карамзин, как он, должно быть, клянет себя за былое остроумие. Людям, которых он так ненавидел при жизни, сам же и дал в руки оружие. Веский аргумент в споре. Словцо, вырвавшееся в минуту раздражения, разного рода шаромыж-

ники быстренько и ловко превратили в свидетельство эпохи.

Но Карамзин ни в чем не виноват. Даже в этом кратком ответе проявилась его безмерная любовь к своей Родине. Российский гражданин Николай Михайлович Карамзин болезненно переживал любые неурядицы в своем отечестве.

Вот что пишет по этому поводу Солженицын (цитирую по памяти):

"Мы, русские, и наши классики особенно, всегда кляли Россию, почитали все, что у нас, худшим, но делали это, любя Россию, болея ею. А вот теперь нам показывают, как это можно делать — ненавидя".

Только люди, болезненно ненавидящие Россию, могут, как безмозглые попугаи, повторять друг за другом одно и то же: всегда воровали!

Нет, не всегда. А вернее, так — никогда!

Мы приведем доказательства, но на самом деле никаких доказательств и не нужно. Думаете, они, эти попугаи, не видят, не понимают, не знают этого? Знают, и понимают, и довольно потирают руки, видя, как самоуничтожается, превращается в нищую побирушку ненавистная им богатая страна.

Слепой только не видит, что Россия грабится подчистую.

Или — подлец.

Раньше, когда грабилька не стала еще сутью государственной политики, жулики что-то выдумывали, напрягали мозги.

Скажем, нельзя было вывозить медь с завода. Платили директору, и первоклассная медь переводилась в медную стружку. Стружку, то есть отходы, вывозить можно.

Или — титановые лопаты. Слышали про такое? Я даже видел. Еловая, даже не обструганная палка, на нее насажен штык — из чистого титана. При этом убивались два зайца. Во-первых, вывозился чистый титан, а во-вторых, уже как бы — "изделие". Продукт производства. Таможенная пошлина — втрое меньше. Куда же вывозились эти лопаты? Не гадайте, фантазии не хватит. В княжество Лихтенштейн. Лопат больше, чем жителей в Лихтенштейне.

Титан под видом лопат вывозила за рубеж коммерческая фирма "Новость" из Екатеринбурга. Здесь расположен самый мощный в мире завод, он производит половину мирового титана.

Говоря о недавней истории тотального разграбления России, нельзя не вспомнить о "Бурда Моден". "Господи, и "Бурда Моден" тут!" — воскликнет читатель.

Э-э, кого только тут нет. Мы еще поговорим об этом. А пока — "Бурда Моден".

Российское представительство известной фирмы задумало построить свой полиграфический комбинат под Москвой. Правительство выделило субсидии. Госсредства пропили на презентациях, накупили "мерседесов". Снова — в правительство. "Нет, — сказали там, — больше не дадим. Мы вам два раза уже давали. Есть вот лицензия на экспорт алюминия. Хотите?" Годится и лицензия. Но где взять алюминий? Заводы не были еще втянуты в порочный круг. Тогда "Бурда Моден" закупает в Нижнем Новгороде алюминиевые ящики под продукты. По шесть рублей — штука. Первостатейный, экологически чистый пищевой алюминий. Ящики эти — острейший дефицит в стране. Все они отправились на московский завод "Серп и молот", были пущены под пресс и вывезены за границу.

Согласитесь, хитрый был ход. Подлый, но остроумный.

Сегодня жуликам уже не надо выворачивать мозги. Тащи, сколько подынешь. Я вам скажу: в интеллектуальном плане воровская среда сильно потеряла. Побеждают наглость и бесстыдство.

Всем, конечно, известно, что страна грабится основательно и масштабно. Но сухие цифры отчетов уже не волнуют. К ним привыкли. Но попробуйте включить воображение и увидеть то, что видели мы.

Ярче всего картина происходящего вырисовывается на границах с нашими "торговыми партнерами".

Вот — северо-восточная Турция. На границе с Аджарией. Вчера еще — забытый Богом уголок. Вплоть до Трабзона лишь несколько убогих деревенок, нищие, оборванные жители. Два года назад открылась граница с бывшим СССР, и пошла... Как бы точнее выразиться: пошла интеграция в мировую экономику. Туда — товары, оттуда — воздух. Бартер — по-нынешнему.

Вы бы видели сегодня эту часть Турции! Все кипит, строится: возводятся небоскребы, растут, как грибы, отели, виллы, выстилаются новые дороги...

Один государственный муж долго пытался объяснить мне: "Пойми, так живет весь мир... Любая страна только радуется, когда ее товары находят спрос за границей...".

Да, я вижу: за граница наши товары принимает охотно. Все, что угодно. Рельсы, гвозди, проволоку, даже металлолом... Стальной прокат, трубы, станки, автомобили, военную технику... Не говорю уж про иного рода "товары" — "мозги",

talанты, юных и красивых женщин, человеческие органы...

Но раз так хорошо пошла торговля, это как-то должно сказаться на благосостоянии населения, на положении учителя, врача, рабочего? А они — нищают. Благосостояние же отечественных жуликов растет не по дням, а по часам.

Вот я и вижу: выгодна такая "торговля" Турции. Падает безработица, прибывают стройматериалы, всевозможная техника, изменяется облик городов...

Не убедил меня государственный муж.

Еще более красочная картина — на границе с Китаем. Грязный нищий поселок Пограничное в Приморском крае. Напротив — китайский город Суй-Фынь-хе. Тоже вчера еще — деревня. И тоже нищая. Но то — вчера. Сегодня — большой, растущий, как на дрожжах, город.

На наших, замечу, дрожжах. Из нашего леса, из наших металлов, нашей техникой... Китайцы живут прямо на стройке — тут и ночуют, и стирают, и едят. Облепили, как муравьи, строительные леса, и дома растут на глазах. Строят быстро, красиво, богато, я бы даже сказал, шикарно. Смотришь на это и невольно вспоминаешь Маяковского: "Через четыре года здесь будет город-сад...". Нет, раньше будет. Через год.

А почему мы должны осуждать китайцев? Если северный сосед решил все продать с себя, все пропить, почему же не воспользоваться? Китайцев больше миллиарда. В конце концов, единственная их надежда на выживание в исторической перспективе — это мы! Наше сырье, наши территории. Уже сейчас мы им отдаем (только в одном Приморском крае) полто-

ры тысячи гектаров кедровых лесов и плодородной земли — так называемое "спрямление границы". Остров Даманский, политый кровью наших детей, — уже китайский!

Ширится натуральная экспансия со стороны Китая, идет массивованная китаизация края. Сколько, как вы думаете, ошивается сейчас китайцев на востоке страны? Около миллиона! По самым скромным прикидкам.

Между тем на всей территории от Урала до Камчатки живет, если не ошибаюсь, что-то около 18 миллионов россиян.

Прикинем: сколько понадобится лет, чтобы их здесь стало меньше, чем китайцев?

И никакой войны не надо...

Вспоминаю анекдот еще семидесятых, "застойных" годов:

— Сколько будет стоить водка в 2000 году?

— Три с половиной юаня.

Сегодня анекдот звучит еще современнее.

"Торговля" с Китаем идет не совсем задаром. Они нам гонят свое китайское фуфло. Сигареты, зажигалки, фуфайки, обувь, китайскую водку, жвачку

В Управлении Министерства безопасности Читинской области мне показали такой документ.

Краснокаменная фирма "Кентавр" (Читинская область) составила с китайским гражданином Ли Цзихуном контракт (от 15 ноября 1992 года), по которому российская сторона поставляет 18 КамАЗов в обмен на 153 тысячи пачек жевательной резинки — 18 тонн!

А что? Нормально. Вообще принцип нашего бартера таков: главное — составить контракт, наименее выгодный для России. Чем он нелепее и абсурднее, тем больше сумма

"бокового договора". Деньги по которому кладутся в заграничный банк на счет продавца.

Сколько там, рассказывают нам, осело в заграничных банках? Руцкой в своем докладе назвал цифру в 17 миллиардов долларов. Да это просто смешно! Пора уж понять российский размах — масштабы совершенно другие.

Пятизвездочные отели западных столиц набиты русскими предпринимателями. На самых фешенебельных курортах мира — русские. Дорогие дома в Лондоне, Вене, Канаде, Штатах скупают русские. На Кипре, в Лихтенштейне, на острове Мэн за полтора года открылись тысячи (!) российских оффшорных компаний. А вы говорите: 17 миллиардов!

В Берлине хозяева самых дорогих ювелирных магазинов считают теперь своим долгом иметь русскоязычную продавщицу. Раньше самыми желанными гостями этих ювелиров были нефтяные шейхи с Востока, теперь — российские граждане. Меньше чем на 50 тысяч марок им товара не показывают. Обидятся...

Мой добрый знакомый граф П. (его предок участвовал в заговоре против Павла I) живет в Париже и по роду своей деятельности вынужден общаться с нашими деятелями автобизнеса. Сергей Сергеевич сам достаточно обеспеченный, даже богатый человек, но не перестает удивляться роскоши, в которой живут российские нувориши. Однажды приходит в гости с квадратными глазами:

— Ну, Станислав Сергеевич, история просто для вас. (Знает, что я занимаюсь преступностью). Вчера я был в клубе ЛогоВАЗа. Познакомили там меня с одним... Выпили, разговорились. Ну, скажу я вам!.. Представляете, показывает он мне костюм на себе и гово-

рит: "Знаете, кто его шил?" Пожимаю плечами, не все ли равно? "Нет", — отвечаю. "Лор!" — говорит он с блеском в глазах. "А кто это — Лор?" "Ну как же, это самый знаменитый европейский портной, он шьет костюмы принцу Филиппу..." Понимаете, они выписывают сюда этого портного, покупают ему билет, селят в роскошной вилле, и он шьет им костюмы!

Вернемся на границу с Китаем.

Поселок Забайкальск в Читинской области. Маленький, утопающий в грязи городишко. Напротив — Маньчжоули (это уже китайская Маньчжурия). Тоже за год-полтора вырос сказочный город из стекла и бетона, с причудливыми фонтанами на площадях. Еще не проложены дороги, грязь по колено, а уже открываются рестораны, магазины (то и дело слышны разрывы петард и хлопушек: так китайцы празднуют открытие нового заведения)... Заходим в только что открывшийся отель — с потолка свисает роскошная хрустальная четырехъярусная люстра, метров 6-7 в высоту... Кругом объявления по-русски:

"Купим российскую медь", "Купим...", "Купим...".

Купим все.

Неподалеку — несколько гектаров огороженных полей, на них — тысячи БелАЗов, КамАЗов, тракторов, вездеходов... А это что за чудовище? Огромное, невиданных размеров, на двух десятках колес. Защитного цвета, безусловно военное... Мой оператор, человек бывалый, объясняет: передвижной штаб армии.

Можно поверить. Гонят же за границу, как металлолом, торпедные двигатели, новенькие снарядные гильзы, серебряно-цинковые аккумуляторы от подводных лодок, сами подводные лодки, военные корабли, танки...

Стоим на границе, в Забайкальске. Из Китая сплошным потоком идут российские грузовики: сбросили в Маньчжоули груз и сейчас медленно едут через границу обратно. Успеваем перекинуться парой слов с водителем.

— Что везешь?

— Ничего.

— А туда что вез?

— Гвозди, проволоку...

Подходим к другому:

— Что везешь?

— Пустой.

— А туда?

— Лодки моторные...

Господи, а лодки-то им зачем? Степь кругом.

Спрашиваем третьего:

— Что везешь?

— Воздух.

— А туда?

— Рельсы.

Это при том, что изношенность рельсов на наших железных дорогах — 80 процентов.

Ну и так далее. Диалог один и тот же:

— Что везешь?

— Воздух.

Спрашиваем одного немолодого уже водителя:

— Понимаешь, что происходит?

Смеется:

— Грабим матушку Россию.

— Не обидно?

— И-эх!..

Что он ответил — вы догадываетесь.

Во времена фашистского нашествия, когда была оккупирована половина европейской территории страны, каждый день уходили на запад

эшелоны с награбленным добром. Но тогда грабилась часть страны. Сегодня она чистится под метлу — вся!

А щелкоперы из "прогрессивных" изданий уверяют нас: "Ничего страшного, всегда воровали...".

А еще вбивается в головы такая подлая, но хорошо приживающаяся в мозгах мысль: и везде, во все времена так было. И тут же Маркса приплетут (его теорию первоначального накопления), старых пиратов американских вспомнят. Мол, сейчас — да, нечестно. Но потом... Вот когда наворуются...

И ведь верят люди. Хотя подлее идеи придумать нельзя. Абсолютная неправда! Взять хоть отечественную промышленность — как она обустроивалась. И сами популяризаторы воровства как основы всякого бизнеса в это не верят. Они хоть и подлецы, но не дураки.

Ну, оглянитесь окрест. У кого из знакомых вам жуликов "высокого полета" не хранятся деньги в западном банке? А значит, они уже укрепляют экономику другой страны. У кого из них нет недвижимости за границей? Кто не перебросил на Запад семью — жену и детей?

Нет, никогда их капиталы не вернутся в страну и не будут участвовать в возрождении России. И сам обладатель капиталов уже не российский гражданин. Он еще — здесь (то есть ворует здесь), но он уже — там. И многие из тех, кто создавал идеологию разграбления страны, еще — здесь, но на самом деле уже — там. По крайней мере, какой-то плацдарм они себе там обеспечили (счет в банке, квартира или вилла, дети в американском университете...). Переберите в уме знакомых вам "демократов", из тех,

кто особенно много кричал и бил себя в грудь. Сколько их уже уехало или готово уехать?..

Запомните, веры им нет. Они свою судьбу с Россией не связывают. Они — не граждане России, они здесь — гости.

Хорошо бы посчитать всех этих бойцов да назвать поименно. Но пока не то чтобы духу не хватает. Твердых доказательств нет. Те, у кого они есть, кто обязан знать по долгу службы, — молчат. Как воды в рот набрали.

А попробуй — скажи!

Мы приведем только маленький, но очень характерный пример.

Из докладной записки заместителя министра внутренних дел Дунаева к Шумейко (нашел кому писать! вот из-за таких докладных и сняли Дунаева):

"Артем Тарасов приобрел 350 тысяч тонн нефти на сумму 23 миллиона рублей... И продал нефть за границу за 48 миллионов долларов... 30 миллионов долларов заблокировал (то есть положил на свой счет) в Paris-банке..."

Любопытно ознакомиться с данными западных спецслужб.

Они подсчитали: экспорт одной тонны российской нефти обходится западным компаниям в 2 доллара взятки сотрудникам министерств и представителям администрации. В целом набегает кругленькая сумма, которая полностью оседает на счетах в зарубежных банках.

Федеральное Агентство (США) по управлению в условиях чрезвычайной обстановки, проанализировав ситуацию с вывозом сырья из России, делает вывод:

"В ближайшем будущем Россия вынуждена будет закупать за валюту целый ряд видов сырья".

Быстро мы растащили неисчерпаемые, казалось бы, запасы!

Любопытно взглянуть на список экспортеров нефти и металлов из России. Кого вы только там не найдете! И благотворительные фонды, и союзы театральных деятелей, и многочисленные студии.

И так далее — противно ворошить это дерьмо.

Вообще-то надо было сразу оговориться: мы ведем разговор только о жуликах. Само собой разумеется, в России осталось еще много честных людей. Есть честные банки (наверное, есть), есть честные предприниматели (должны быть!), остались еще производители. Те, кто не торгует, а хоть что-то производит: возводит дома, строит дороги, выпускает товары. Конечно, и здесь нарушаются законы ввиду их несовершенства, но это уже претензии к законодателям.

Честные предприниматели остались. Ряды их тают с каждым днем. Государство не любит их. Чиновники ненавидят — ходят по кабинетам, что-то кланчат, заветного слова сказать не решаются...

Но мы в этом обзоре говорим не о них. Мы говорим о жуликах.

ЦЕНА ИЗОБИЛИЯ

Выключаю телевизор, когда вижу на экране лоснящееся лицо бывшего премьера. Он снова на коне. То-то обрадовались деятели иску-

ства и интеллигентные дамочки. Душка! Какая эрудиция! Какая аргументация в споре!

— Вы что же, Иван Иванович,— обращается он к телевизионному оппоненту,— хотите, чтобы все было, как раньше, как при коммунистах?

Как будто это он (примерный коммунист, зам.редактора газеты "Правда", потом зам.редактора журнала "Коммунист"), а не мы с вами, сверж ненавистный режим.

— Вы посмотрите, Иван Иванович,— следует продолжение,— все есть в магазинах. Дорого, но есть.

Вот уж загадка! Производство падает, население спивается, страна разваливается по частям — а товаров все прибывает и прибывает.

Но давайте посмотрим внимательно: что это за изобилие?

Подойдем к любому коммерческому ларьку. Лучше — с кем-нибудь из санитарной инспекции, объяснение будет квалифицированнее.

Все, что выставлено в витрине, не годно к употреблению. Товары эти предназначены для стран третьего мира, для народов, которых не жалко. Соки, вода, печенье — закончился срок годности, конфеты — ссохлись от старости, сигареты — действительно вредны для здоровья. По крайней мере тут нас не обманывают, на пачках написано: "Курить вредно". Срок действия антеникотиновой начинки давно закончился.

Добро бы еще это фуфло поступало в страну задаром. Но нет. Очень, очень задорого. Я

уже вам приводил пример: во что обошлись 18 тонн жвачки? В 18 КамАЗов.

Получается, что мы, покупатели, платим дважды за пачку жевательной резинки. Первый раз мы заплатили, когда строили Камский автомобильный завод. Вся страна напрягалась, помните?

Второй раз платим сейчас.

Бог с ними, с ларьками. Войдем в магазин с хорошими товарами. Я не специалист по таким магазинам, но был пару раз. Зашел как-то в одну гостиницу; там, в вестибюле, много таких магазинчиков. Взглянул на цены и обомлел. Рубашка — 400 долларов. Легкий костюмчик — полторы—две тысячи. Спросил у девочек:

— Иностранцы покупают?

— Что вы? Нет, конечно.

Спрашивается: для кого эти товары?

Для себя!

Верх цинизма: ограбить страну, ограбить население, а на вырученные деньги привезти товары для себя! Мебель, сантехнику, одежду, медикаменты, автомобили. "Мерседесами" уже наелись, теперь, говорят, "роллс-ройсы" хорошо пошли.

Я припас одну справочку, специально для Гайдара. Пусть повесит у себя над рабочим столом.

"За последние четыре года потребление мяса сократилось на 14 процентов, молочных продуктов — на 25, рыбы — на 24 процента..." (газета "Монд дипломатик").

Вот еще один из секретов "изобилия".

Если случится чудо и к власти в России придет честное правительство, если оно действительно объявит войну жуликам и поло-

жит конец разграблению страны, "изобилие" исчезнет в один день.

Впрочем, оно и так исчезнет.

Как только окончательно разворуют страну, "изобилие" закончится. Это — азбука.

А пока наши прогрессисты с торжеством в голосе кричат своим оппонентам:

— О чем вы говорите? Все есть в магазинах. Пока дорого, но есть! Да, есть.

За счет детей.

То, что мы сейчас тратим, нам уже не принадлежит. Принадлежит это нашим детям и внукам. Их мы оставим голозадыми и голодными. Образно говоря: пьяница-родитель отбыл в мир иной, оставив своим чадам голые стены квартиры; даже мебель вынесена, и в дверь уже стучится ростовщик, требуя возвратить долг.

Оставим мы наших детей без леса, без руды, без нефти, без высоких технологий, без науки, с пустыми кладовыми и чисто выметенными закромами, да еще будут они работать только для того, чтобы выплатить проценты за взятые нами кредиты. Кредиты, ухнувшие в бездонную дыру.

Я спросил Николая Ивановича Рыжкова: сколько прежнее руководство тратило из средств, вырученных за экспорт, на продукты питания? Он мне ответил: 20 процентов.

Остальная выручка шла на закупку высоких технологий, заводов, станков, приборов для научных исследований, медикаментов... И только двадцать процентов проедали, спускали в унитаз (плохой, конечно, образ, но точный). Сейчас спускаем все сто. Не говоря уже про открытый грабеж.

Если Горбачев с Рыжковым так любили власть, так боролись за нее, как любят и бо-

рются правители нынешние, неужто они не догадались бы до такого простого решения: закупать продукты питания не на двадцать процентов от выручки за экспорт, а на все сто. Да завалили бы страну продуктами!

Ну вот вам и все секреты гайдаровского "изобилия".

Я уверен, спроси Егора Тимуровича:

— Ради чего народ должен испытывать такие лишения?

Он ответит:

— Ради счастья детей.

Да, они любят пользоваться этим приемом: "Но зато наши дети...". Так, помнится, говорили и их прадеды. И создавали концлагеря для детей врагов народа.

Опять приехал знакомый граф П. Каждая наша встреча начинается с его восклицания:

— Ну, Станислав Сергеевич, прямо для вас сюжет...

На этот раз граф приехал из Швейцарии. Ездил туда на три новогодних дня отдохнуть с детьми. На богатом швейцарском курорте в самых дорогих виллах и отелях отдыхали в этом году люди из России.

— Вы представить себе не можете, как они себя ведут!— возбужденно рассказывал Сергей Сергеевич.— Ездят на роллс-ройсах, и все покупают! Все самое дорогое. Немцы и французы смотрят на них с завистью...

Удивил граф! Такие рассказы нам уже не в новинку. Но зададимся вопросом: за чей счет жируют российские нувориши?

За счет наших детей! Тех самых, которые якобы будут жить счастливо.

Я так понимаю: российские нувориши, едучи кутить за границу, не везут доллары в

мешках через таможеню. Они их снимают со своих счетов в зарубежных банках.

Так сколько же у российских граждан за рубежом денег? То есть на какую сумму (хотя бы приблизительно) ограблена Россия?

Одни эксперты говорят: 20. Другие: 40.

Миллиардов долларов! Ежегодно!

Слушая такие предположения, смешно вспоминать цифры финансовой помощи, которую мы выпрашиваем у Запада. Все время на слуху цифры: 8 миллиардов, 2,5 миллиарда...

Достаточно потрясти десяток крупных жуликов — и вот уже вдвое больше.

Неужели никто всерьез не пытался выяснить этот вопрос?

Пытались.

Тот же Гайдар и пытался.

У меня в руках любопытный документ: Информация о результатах работы Специальной комиссии Генеральной прокуратуры...

Читаю: 2 февраля 1992 года Гайдар подписал соглашение с американской частной детективной фирмой "Кролл ассошиэйтс". Детективы должны были проверить счета частных лиц и предприятий за рубежом. Проще говоря — найти украденные у народа деньги. В марте фирме "Кролл" было выплачено в качестве аванса полтора миллиона долларов.

Цитирую справку:

"Результатов работы фирмы "Кролл" комиссии так и не удалось обнаружить ни в правоохранительных органах, ни в Правительстве.

* Эта справочка вместе с другими полезными документами сгорела 4 октября в здании Верховного Совета (один экземпляр, однако, остался — у меня). Почему-то огонь, возникший от разрывов танковых снарядов, начался именно с этого этажа, в котором размещался архив Парламента. И пожарники, как теперь известно, не очень спешили. Им разрешили

Хорошенькое дельце! Можно вынуть из государственного кармана полтора миллиона долларов и никак не отчитаться за них. Хороши также американские детективы — взяли деньги и смылись.

Но, конечно же, все не так просто. Полтора миллиона и для американцев — большие деньги. Весь объем работ фирмы "Кролл" — 50 миллионов. Американцы добросовестно отнеслись к этому заказу. Детективы работу выполнили — заглянули в счета, узнали фамилии и положили список на стол Гайдару.

Хорошо представляю, какое у него было лицо, когда он увидел — какие в этом списке фамилии! Представляю, как далеко запрятал этот убойный документ. И, вздохнув, снова принялся за работу.

Добывать счастье нашим детям.

Да, забыл!

Забыл добавить: Гайдар, конечно, никогда бы не замыслил такую подлость против своих товарищей. Поговаривают, что он искал деньги партии.

Искали деньги партии, а нашли себя!

Дабы читатель не подумал, что глава эта посвящена исключительно Гайдару, процитирую такой документ:

"13 февраля 1991 года.

Премьер-министру В.Павлову.

Ваши предложения относительно реформы ценообразования абсолютно неприемлемы, поскольку резко снижают уровень жизни населения России.

Б.Ельцин, Председатель Верховного Совета РСФСР".

Правительство СССР тогда, чтобы выравнять спрос — предложение, задумало поднять цены.

На полтора-два процента!

Борис Николаевич много потом размахивал этим документом. Срывал орации.

Как, однако, отличается человек, рвущийся к власти, от человека, до власти доравшегося!

Недавно мне принесли статью английского экономиста Джона Росса. Я ее проглотил залпом — как детектив. А потом перечел еще и еще раз.

Российскому читателю просто необходимо познакомиться с основными тезисами этого исследования.

1992 и 1993 годы (период экономической катастрофы в России) стали годами наибольшего благоприятствования для стран Большой Семерки. Снизилась почти до нуля инфляция, увеличилась инвестиционная активность, уменьшилась безработица. Какой ценой и кем заплачено за это благополучие, читатель, вероятно, догадывается и без помощи английского экономиста.

Заплачено — Россией.

К такому выводу приходит и Джон Росс. И тут же оговаривается: "Поскольку такое утверждение взрывоопасно (еще бы!), я вынужден доказать его цифрами".

И доказывает.

Оставим цифры, суть же гайдаровских "реформ" (в изложении Джона Росса) такова.

За два последних года Россия сильно увеличила вывоз из страны энергоносителей и металлов. Причем и тех и других производится в стране все меньше. За счет чего же можно

увеличить экспорт? За счет резкого сокращения обеспеченности ими собственных отраслей промышленности, роста цен на них и стремительного промышленного спада в самой России. Тут нам объяснять ничего не надо, мы все видим своими глазами — многие предприятия вообще закрылись.

Экспорт увеличился, а доходы от него упали. Естественно. Мы сами сбили цены. Теперь Запад может поберечь собственные месторождения нефти, угля, металлов; они лежат, как в банке. Вот когда запасы России истощатся, тогда...

Это первая форма оттока капитала. Вторая — уворованные деньги. По Д.Россу: до двух миллиардов долларов ежемесячно уходит на Запад. Деньги эти инвестируются в западную промышленность.

И, наконец, третье.

В апреле 1993 года, в дни проведения референдума, страны Большой Семерки заявили, что предоставят России помощь в размере 43 миллиардов долларов. Помните? Это широко разрекламированное обещание Запада сыграло большую роль: население России проголосовало за Ельцина и гайдаровские реформы. Но "обещанного два года ждут". Мы же будем ждать лет двести. На самом деле Международный валютный фонд и Всемирный банк выплатили России всего два миллиарда долларов!

"Поэтому, — пишет Джон Росс, — утверждение о том, что Россия помогает Большой Семерке, а не наоборот, — это не заявление экстремистски настроенных русских националистов. Это объективная констатация факта".

И далее:

"Россия несет чистые потери и в очень большом масштабе. Россия пережила крупнейший за всю свою историю промышленный крах, фактически это крупнейший крах промышленной экономики в мирное время, когда-либо случившийся в истории".

Потому-то Западу так нравятся именно гайдаровские "реформы", а не какие-либо другие.

Не Запад помогает России, а измученная, обескровленная страна кормит благополучный Западный мир. Картина ясна и понятна. Конечно, наличие в огромном количестве сникерсов и мерседесов, презентаций и красивых магазинов, заваленных иностранными товарами, немного затемняет картину. Ум не опытный и не пытливый может принять это за улучшение жизни. Но это золотая обманка, красивая обертка, не более. Внутри — кукиш.

И последняя цитата из Джона Росса:

"Говоря коротко, в России не существует ни кризиса бюджетного дефицита, ни кризиса обменного курса рубля. Кризис происходит лишь потому, что в полном противоречии со своими национальными интересами и экономической логикой Россия допустила вывоз огромного капитала в тот момент, когда у нее имеется большая международная задолженность и огромная потребность в ресурсах для капиталовложений в собственную экономику".

ОТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ДО ДИКОГО ЗАПАДА

День начинается на Востоке. На Востоке начинается и наша родина.

Конец августа. Стоим во Владивостокском порту со старым капитаном; сорок лет он ходил на ледоколах по Арктике.

— ...Такого никогда не было. За сорок лет на моей памяти — никогда! Чтобы летом, в августе, ледоколы стояли без дела — никогда!

— А что они должны делать?

— Грузы возить в Арктику. На Колыму, в Певек, на мыс Шмидта, на остров Врангеля... Там же люди! Как они будут жить зимой, чем детей кормить, как отапливать жилища? Навигация кончается. Я помню, 5 августа снег шел в Певеке. Раньше ледоколы выходили в мае. В начале июня уже подходили к кромке...

— Нет груза?

— Грузов нет. А если даже будут... Вы же понимаете, до Севера еще дойти надо. Даже если при полной мощности, по 20 узлов... Это 8 суток. А какой смысл выгружать, скажем, картошку при 20-градусном морозе?

— Как же люди?

— А вот — как? Они слушают радио, они понимают, чем это закончится. Вывозить надо будет людей. А как вывозить? Чем? Обидно. Триста лет русские люди Север осваивали. И ведь освоили. Северный Морской путь открыли. Не формальная — действующая магистраль...

Капитан замолчал, повернул голову в сторону моря. Там, на рейде, в беспокойном заливе стояли на якоре два ледокола. Чуть

дальше качались на волнах еще два-три корабля с красными корпусами. "Морковки" — зовут их моряки. Суда ледового класса.

— Как же так? Как можно взять и забыть про Север? Он так много значит для страны. Вся Россия, обратите внимание, своим фасадом на Север выходит. Вы посмотрите, эти ледоколы стоят, а другие... туристов возят.

— Ледоколы — туристов?

— Да — туристов. И в Арктику, и в Антарктику. Мало того, что обычные ледоколы под иностранных туристов отдали, но и атомные — туристов возят. На полюс и обратно. А что делать? Грузов-то нет...

Грузов в этом году для русских Северов нет. Ну, может быть, что-то еще успеют забросить. Пойдут в тяжелые льды, в густые туманы пароходы, привезут некондиционные продукты, немного угля, немного керосина, потом поплывут сквозь штормы обратно, сжигая тройную норму горючего, и, горько трубя, вернуться в порт с пробитыми бортами, со сломанными винтами, с исковерканными рулями. А северяне как-нибудь перезимуют, дотянут до лета, а потом двинут на юг и начнут мыкаться по стране, как мыкаются и не находят себе места сотни тысяч других беженцев.

Кровь и слезы, слезы и кровь. По всей России.

И называют это — реформами.

Недавно сопливый хлыщ (из нуворишей) жаловался по телевизору, как много он работал эти пять лет. И вот только сейчас, когда дело налажено, может позволить себе немного отдохнуть, например, слетать в Монте-Карло. Да и то только на два-три дня.

Там, на мысе Шмидта, тоже есть телевизор. Интересно, что они думают, тамошние телезрители, когда смотрят такую передачу?

Итак, грузов для северян в этом году нет, однако порты Владивостока и Находки буквально завалены товарами.

И все это приготовлено для отправки за границу. Лес: кедр, сосна, ель, пиломатериалы. Железо: чугуны, слябы, листовая сталь, тонкий прокат. Цветные металлы: медь, никель, кобальт, алюминий. Особенно почему-то много алюминия. Не только на Дальнем Востоке, но и в Мурманске, и в Петербурге, и в Новороссийске. И такая же картина в портах ближнего и дальнего зарубежья: в Одессе, в портах Прибалтики, Швеции, Дании. В японском порту Осака разновысокие штабеля белого металла образуют причудливые алюминиевые горы — хоть занеси на географическую карту.

Откуда столько алюминия? У нас что, излишки его? Поговорите с директорами заводов, скажем, автомобильных. Они пожалуются, что легкого и прочного серебристого металла не хватает. Тогда, может быть, в наших недрах неисчислимы запасы алюминиевых руд?

Страна наша богата минеральными ресурсами, но — вот загадка природы — бокситов, руды, из которой добывают алюминий, в стране нет. По крайней мере, полноценных бокситов. Мы добываем алюминий из глинозема, практически из глины. Такое производство требует огромного количества электростанций — Братской, Красноярской. Стоимость добытого из бедной руды металла становится очень высокой. Не золото, конечно, но дорого, очень дорого.

Полноценные же бокситы мы привозим из Китая и Гвинеи. И вот представьте себе: тысячи

пароходов везут из Африки руду, потом тащатся через всю страну железнодорожные составы, потом осуществляется производство — энергоемкое и экологически вредное. Наконец, алюминий добыт, опять — поезда, опять — пароходы. Алюминий поехал за границу. Круговорот закончился.

Глупо? Глупо и преступно. Но это еще не все. Продает алюминий за границу не государство, а коммерческие структуры. Они скупают его у заводов-производителей за рубли, а продают за доллары. Продают по дешевке, на 110—150 долларов за тонну ниже мировых цен. Мир уже затоварен алюминием. США готовят антидемпинговый иск к России...

Скажите, дорогой читатель, если бы мы с вами дошли до ручки и решили продать все из квартиры — мебель, одежду, книги, все, — мы бы стали поручать это жуликам? Как-нибудь управились бы сами.

А Государство поручает. На этой операции — выдаче лицензий* — кормятся тысячи мерзавцев. От высокого правительственного чиновника или даже члена правительства, выдающего лицензию, до мелкой шестерки, открывающей дверь в кабинет начальника. От главы администрации области до таможенника и пограничника, которые сквозь пальцы смотрят на сомнительные документы. У проходимца (а у него и на роже написано, что он проходимец) одна лицензия на 20 тонн металла, а он уже в 20-й раз везет через границу 20 тяжело нагруженных КамАЗов. И пропускают.

Кто же добровольно изменит такой порядок?

* К моменту выхода этой книги — надолго ли, на пользу ли стране — неизвестно, но лицензии и квоты по большей части отменены.

И вот это называется "рынком".

Кого ни спроси сегодня:

— Охарактеризуйте одним словом то, что творится в стране?

Каждый ответит:

— Бардак!

Выходит, вся реформа — в том, что заменили красный флаг на красный фонарь.

Мы начали эту главу с Дальнего Востока, а закончим ее Диким Западом.

Германия. Зона военного присутствия России. Минуло почти пятьдесят лет со дня окончания войны, а войска союзников — русские, американские, английские, французские, бельгийские — все еще здесь, в Германии. Зачем?

Слава Богу, принято решение — солдаты союзников отправятся по домам.

Но как это будет происходить?

Американский военный контингент значительно меньше нашего, но американцы планируют осуществить вывод за 15 лет. Причем у каждого офицера и солдата есть за океаном квартира, дом; каждый поедет под родную крышу. Англичане вообще растягивают вывод неизвестно на сколько лет. Даже бельгийцы, у которых в Германии 20 тысяч солдат, уйдут только к 1995 году.

Наши войска (550 тысяч) приедут на родину — в чистое поле. В палатки, в бараки.

Вырубаются леса — под новые военные городки. Наносится непоправимый ущерб природе.

Офицеров, возвращающихся из Германии, — 100 тысяч. Плюс — семьи. Только детей — 90 тысяч. Нужно 100 тысяч квартир. Где их взять? Денег, которые дают немцы, совершенно недостаточно. Офицеры едут в палатки и бараки,

жены с детьми — к родственникам; будут ждать, когда государство предоставит их мужьям квартиры.

Еще сто тысяч несчастных семей.

Уход российских войск из Германии похож на бегство. Брошены — не реализованы, не вывезены на родину — огромные богатства. Армия оставляет на территории Германии 770 военных городков (каждый такой городок — это три—четыре десятка многоэтажных зданий с комфортабельными квартирами), десятки первоклассных аэродромов, танкоремонтные и радиозаводы, миллионы тонн металлолома. Я видел километровые поля, сплошь заставленные танками. Многотонные махины стоят друг на друге в два—три этажа. Из этого металла выльются тысячи современных танков, артиллерийских орудий, военных кораблей.

Зачем эта спешка? Кому она выгодна?

Германии — да. Немцев можно понять. Но кто-нибудь из наших руководителей когда-нибудь будет думать об интересах Российского государства? Они, надеюсь, не тайные члены германского кабинета министров? Они же должны заботиться об интересах своей страны, своих граждан.

Ну, хорошо. Решение о выводе войск приняли Горбачев с Шеварднадзе. Они же определили сроки. Но нынешний Президент России, когда стало уже совершенно ясно, что сроки не реальны, что без огромного ущерба для государства не обойтись, сократил эти сроки еще на полгода. Это как объяснить? Загадочностью русской души?

Кто-то из "бессмертных" давно заметил: первые признаки гибели больших империй — это упадок культуры и отсутствие великих госу-

дарственных деятелей. И то и другое мы наблюдаем сегодня.

Вот это уже похоже на объяснение. Только слово "великих" тут не подходит. Правильнее было бы сказать не "отсутствие великих государственных деятелей", а наличие ничтожных государственных деятелей. Вот это — в точку.

Российские войска бегут из Германии. Каждый офицер отчетливо представляет, что возвращается он на пустое место, в нищету и разруху.

Так было и в 1945-м. Возвращались тогда по-разному. Один — с ложкой за голенищем, другой — с вагоном трофейного барахла. То же и сейчас. Тот, кто половчее, посмелее, кто преодолел в душе тот порог, за которым не стыдно, вернется на Родину не с пустыми руками.

Мы, собственно, потому и поехали в Германию — знали, что там творится. Об этом, впрочем, много писали. И в нашей, и в западной прессе. Я читал докладную записку Главного инспектора России Юрия Болдырева Президенту Ельцину — о безобразиях и преступлениях, которые творятся в Западной группе войск. Вскоре после этой докладной Юрия Болдырева уволили. (Уже сложилась система — стоит кому-то в стране выступить против коррупции или с разоблачением махинаций высшего начальства, как его тут же увольняют. Или жестоко компрометируют, тогда последствия еще хуже).

Суть происходящего в Западной группе войск, если коротко, такова. Армия, в спешке покидающая Германию, обросла коммерческими структурами, которые "помогали" реализовывать

военное имущество. Деньги, которые выделяли немцы на содержание войск (на период эвакуации), беспроцентные кредиты, которые давало Российское государство, не только не использовались по назначению, но иногда...

Вот, скажем, один такой кредит в 100 миллионов марок был использован так: на 40 миллионов было закуплено клубники и китайских яблок по ценам выше мировых (половина сгнила, конечно), 17 миллионов были перечислены в другие государства иностранным фирмам, остальное (хотелось бы надеяться) пошло по назначению.

Войска снабжались через коммерческие фирмы (в основном этим занимались наши бывшие соотечественники) некондиционными и некачественными товарами. Закупались они, однако, по мировым ценам, а то и выше. Один мудрец из Управления торговли Западной группы закупил на 1 миллион марок бенгальских огней и хлопушек. Они до сих пор лежат на складах.

Схема все та же, вы заметили? Нужно заключить с коммерческой фирмой наименее выгоднейший для России контракт. Чем он невыгоднее, тем большую сумму положит фирма на твой счет в западном банке.

Но, как это часто бывает, приехав со съемочной группой в Германию разрабатывать одну тему, мы наткнулись на другую, гораздо более интересную и важную для нашей страны.

О скандале с Домом советской науки и культуры читатели знают из газет. Этот Дом стоит в центре Берлина и оценивается в 500—700 миллионов марок. Немцы в недалеком будущем собираются перетащить свою столицу из Бонна в Берлин. Значит, стоимость дома,

стоящего на центральной улице, на Фридрихштрассе, возрастет, может быть, вдвое.

Однако дом российский, но Россия практически потеряла на него права. Главным юридическим документом в Германии является земельная книга. Кто в ней записан собственником имущества, тот им и владеет. В земельной книге Берлина собственником российского имущества записана некая немецкая фирма.

Немецкая фирма с уставным капиталом в 50 тысяч марок стала собственником почти миллиардного имущества. Как это произошло?

А как это у нас происходит? Какие-то доверенности (неверно оформленные), какие-то права на аренду на подозрительно выгодных условиях, чуть зазевался, расслабился, и тебе уже говорят: "Ты здесь не хозяин, а гость".

Из письма вице-премьера Шохина Президенту России:

"Считаю своим долгом еще раз обратиться к вам, чтобы попытаться предупредить опасное развитие ситуации, которая складывается вокруг Российского Дома науки и культуры и грозит нанести непоправимый ущерб нашему государству и скомпрометировать его руководство.

На наших глазах разыгрывается спектакль, постановщиком и исполнителем главной роли в котором с российской стороны выступает М.Н.Полторанин..."

Поскольку скандал с Домом стал достоянием общественности, ситуацию, возможно, удастся исправить. Предстоит долгий разорительный процесс... Словом, есть шанс вернуть российскую собственность ее законному хозяину.

Интересен тут другой аспект. О скандале много писали, о нем упоминал Руцкой в своем

докладе Верховному Совету — можно представить настроение общественности.

И вот посмотрите. Люди, которые умыкнули российскую собственность, — продали, подарили, прозевали — не знаю и знать не хочу, — выглядят вполне респектабельно, пресса пишет о них уважительно. А те, кто забил тревогу, не дал осуществиться темной сделке, представлены на страницах прессы как клеветники и склочники.

Похоже, что и сознание нашего общества начинает круто меняться — в криминальную сторону.

А теперь мы перейдем к главному.

Российская собственность в Германии — не только Дом науки и культуры. Собственность эта разнообразна и обширна. В одном только Берлине сорок участков с построенными на них зданиями. Всего же в Восточных землях — около двух тысяч объектов. Это миллиарды марок — во много раз больше, чем та сумма, которую немцы выделяют нам в качестве компенсации за вывод войск.

Собственность эта досталась нам в счет репараций — за ущерб, нанесенный нашей стране в Великой Отечественной войне. Жилые здания, виллы, учреждения, заводы — они принадлежали когда-то гестапо, вермахту, СС, различным нацистским организациям.

— Ну-у! — воскликнет читатель. — Когда это было!

Давно.

Но это дела не меняет. Конституционный суд Германии совсем недавно (в прошлом году) подтвердил право собственности СССР на эти объекты. А стало быть, и право России — преемницы СССР.

Главным юридическим документом в Германии, как я уже сказал, является земельная книга. В пятидесятых годах МВД Восточной Германии в условиях строжайшей секретности вписывало в земельные книги вместо "гестапо", "вермахта" другого собственника: "народ ГДР".

Но это можно было бы оспорить — была бы сама земельная книга.

Весной прошлого года в Потсдаме — глубокой ночью, сразу в пяти местах — загорелось здание немецкого Архива, где хранятся земельные книги. Сгорели 5 тысяч подборок документов, именно тех, которые подтверждали право собственности СССР на объекты в Восточных землях. Через год — тоже весной и тоже ночью — сгорел другой архив. В городе Барби под Магдебургом. Погибли земельные книги — опять только те, которые имели отношение к российской собственности.

Теперь уже трудно доказать право России на ее собственность. Трудно, но можно. Германия — государство правовое. Юристы, знакомые с предметом спора, в один голос утверждают: дело верное. Но делать это нужно сейчас, пока войска не ушли из Германии. Потом — поздно, все спорные объекты станут собственностью федерального правительства.

Эти разговоры о том, что нужно поспешать, длятся три года. Никто из российского руководства не поспешил, не тронулся с места, рукой не пошевелил, чтобы вернуть российскую собственность в государственную казну.

Как же так? Миллиарды марок! Вот они, лежат. Нужно только нагнуться и поднять. Молчат, хлопают глазами. Будто знают что-то, а сказать не хотят.

Меня познакомили в Берлине с интересным человеком. Это юрист из Бельгии, господин Туровски.

Фамилия его иногда мелькает на страницах немецкой печати. То ему угрожают, то похищают его (похищают люди с солдатской выправкой, говорящие по-немецки с русским акцентом), всячески ему намекают: не ввязывайся в это дело!

Но господин Туровски стоит на своем. Он берется вернуть российскую собственность законному хозяину, даже готов вложить свои два миллиона марок, так как считает дело верным и выгодным.

Я разговаривал с ним:

— Вы хотите оставить себе 13 процентов от сделки?

— Нет, нет! — машет рукой господин Туровски. — Себе я оставляю только 5 процентов. Это все равно огромная сумма, ведь речь идет о состоянии, которое оценивается в десятки миллиардов марок. Остальное — на взятки российским чиновникам. Чтобы не мешали...

Все, что нужно господину Туровски, — это согласие российского правительства вернуть свою собственность.

Согласия нет.

Между тем мы подошли к последней черте. Войска уходят, российское присутствие в Германии заканчивается и — тю-тю миллиардные состояния!

Тайна.

Вот бы заняться раскрытием этой тайны российским журналистам! Это вам не мифические "деньги партии", тут сюжет стоящий — загадочный, с острыми и опасными поворотами, в

финале же — зарытый в земле сундук с сокровищами.

Наше общество всегда направляют по ложному следу. Несколько лет оно ищет деньги партии. Пока ничего не нашли. Можно быть уверенным — и не найдут. Поскольку нет их в помине. Что бы мы там ни говорили про коммунистов, но они, по крайней мере, были люди убежденные. Верили, что власть их — на века, поэтому жить и умирать собирались в этой стране и никаких денег в зарубежных банках не держали. В отличие от нынешних временщиков.

Право, увлекательный сюжет. Называется он: "Тайна российской собственности в Германии". Тут много загадок. Например: от какого фонаря отмеряли сроки вывода войск из Германии? Почему, когда нереальность сроков уже была ясна, их сократили еще на полгода? Ясно, что нас надули. Но каким образом? Что это — обычные российские разгильдяйство и некомпетентность или нечто более подлое и криминальное? Уж очень странно совпадают действия российского правительства с желанием немецких властей поскорее избавиться от хозяев многомиллиардного состояния.

УРАЛЬСКАЯ МАФИЯ

Летом мы побывали на родине Президента — в Екатеринбурге. Нас очень звали туда: "Приезжайте, у нас тут интересные дела творятся". Мы приехали.

Но сначала коротенькая предыстория.

Не так давно глава администрации Свердловской области Э.Россель обратился к правительству с просьбой реализовать за границей редкоземельные и редкие металлы, излишки которых скопились на предприятиях области в связи с проводимой конверсией. На валютную выручку от экспорта предполагалось решать острые социально-экономические проблемы Уральского региона.

Просьбу Росселя рассмотрели быстро. (Не с улицы человек — земляк Президента). Бурбулис (тоже екатеринбуржец) провел совещание. Рассмотрели "поручения Президента России Ельцина по обращениям главы администрации Свердловской области".

Не будем вдаваться в подробности. Рассмотрели, согласились, решили помочь. Везите продавайте, решайте свои социально-экономические проблемы. Для удобства даже пограничный пункт открыли в аэропорту.

Дверь в кладовую, где хранились стратегические запасы Родины, приоткрылась. На Запад потек сначала тонкий ручеек, потом полноводная река. Несмотря на очевидность валютной выручки от уже предоставленных квот, в правительство, к Президенту продолжают поступать просьбы о выделении новых квот различным концернам, ассоциациям — в основном, конечно, коммерческим. Все это, разумеется, без увязки с возможностями экономики России, без оглядки на потребности международного рынка, уже перенасыщенного металлами. Все, конечно, — по низким, абсолютно невыгодным для государства ценам.

Началось все с этой "пустяшной" просьбы.

Ванадий — 5000 кг.

Галлий — 5000 кг.

Скандий — 3000 кг.

Осмий — 50 кг.

Цена изотопа осмия на международном рынке — от 60 до 150 тысяч долларов. За один грамм!

Индий — 1000 кг.

Тантал — 500 кг.

Гадолиний — 1000 кг.

Германий — 5000 кг.

Кобальт — 100000 кг.

Цирконий — 10000 кг.

Интересный факт: излишки циркония, которые скопились на предприятиях, — 10 тонн. А лицензий выдано на 329 тонн! (Цифра взята из справки о результатах работы Специальной комиссии Генеральной прокуратуры. Из этой же справки — такой факт: фирме "Цитрон" выдана лицензия на экспорт ртути металлической; металлическая ртуть в области не производится, ее во всей стране производят 150-180 тонн. Что же эта фирма вывозила на Запад? Вот химики!)

Продолжим перечень.

Молибден — 5000 кг.

Рений — 50 кг.

Европий — 1000 кг.

И так далее. Лютеций, церий, иттрий, тербий... Все перечисленные металлы употребляются главным образом в военной промышленности. Похоже, что мы решили обеспечить стратегическими материалами всех наших соседей, включая и потенциально враждебных. На много лет вперед!

Лицензий на вывоз стратегических материалов выдано более тысячи. Фирм-экспортеров — три сотни. Но на самом деле — гораздо больше. В некоторых цепочках — от завода до

покупателя за границей — участвовало 4-5 посреднических структур.

Экспортируя редкие металлы за границу, коммерческие фирмы приобретали их у заводов-производителей (часто в других областях) за рубли по российским ценам. Продавали за доллары!

К чему все это привело?

Сказочно разбогатели коммерческие структуры. Миллиардеры стали размножаться почкованием — от большой ветви вытянулись ветки малые, на них проклюнулись новые листочки...

Сумасшедший рост беловоротничковой преступности не мог не вызвать к жизни волну преступности низовой. Те, что внизу, не собирались, конечно, спокойно наблюдать, как богатеют белые воротнички — без всяких усилий, не рискуя ни жизнью, ни свободой.

— Давайте, ребята, делитесь! — сказали они. Началась дележка, "отстегивание" вниз. Иногда — добровольно, иногда — под дулом пистолета. В городе появилось множество банд, специализирующихся на вымогательстве. У каждой банды — отряд боевиков (иногда до тысячи и больше).

Поскольку коммерческим структурам пришлось "отстегивать" приличную долю, они были вынуждены увеличивать обороты, расширять дело. Отсюда — новые просьбы в правительство: "Давайте еще квоты и лицензии!".

И пошло-поехало...

Не будем пока касаться других регионов, но здесь, в Екатеринбурге, волну преступности вызвало к жизни само правительство. Намеренно оно это сделало или без умысла, предстоит выяснить. В пользу первого предположения

говорит то обстоятельство, что все преступные силы в городе поддерживают нынешнюю власть. На любом референдуме они скажут "да" — Власти, в любой ситуации они одобряют любые действия Власти. Это их Власть, она их породила и теперь обслуживает.

Не мною замечено: в стране все больший вес набирают екатеринбургские коммерческие структуры. Даже у нас в кино властителем, монополистом проката, является уральская фирма "Екатеринбургарт". Это ей мы обязаны за то убогое американизированное меню, которым кинотеатры России потчуют зрителей.

Почему? Почему именно екатеринбургские структуры?

Потому что руководство страны — екатеринбургское.

Был Брежнев — шли разговоры о днепропетровской мафии, стал Ельцин — все чаще слышим: уральская мафия, екатеринбургские структуры...

У нас и мафия строится не как во всем мире — снизу вверх, а сверху вниз, от высокого правительственного чиновника.

В данном случае — от Президента.

Опять-таки не мною замечено.

"Вы ищете мафию? Она структурируется как президентская вертикаль!" (В.Топоров. "Независимая газета", 29.06.93).

Обычный командированный, посетивший Екатеринбург, может и не заметить, что это один из самых мафиозных городов России. Там, где мафия, там — порядок. (Это нам сейчас усиленно толкуют газеты).

Порядок, разумеется, относительный. С наступлением темноты Екатеринбург, как и другие города России, вымирает. Время от

времени случаются кровавые разборки. Но они и в Москве происходят. Однако в Москве бандитских формирований множество. Их главарям трудно договориться между собой. Можно сказать, что в столице преступная власть находится в процессе становления.

В Екатеринбурге процесс завершен. Уральская столица четко поделена на три сферы влияния, три преступные группировки контролируют город.

"Центральная", "уралмашевская" и "си-ние" (то есть татуированные, прежде судимые).

В 1992 году был убит глава центральной группировки Олег Вагин. С тремя телохранителями он выходил из подъезда и был расстрелян в упор из автоматов людьми в масках, выскочившими из стоящего напротив "Москвича". Кстати, Вагин, авторитет преступного мира, вел далеко не конспиративный образ жизни; убежище его было не в уральской тайге, не на окраине города — он занимал квартиру в самом престижном доме, где проживает глава администрации Э.Россель. В этом же дворе живет и брат Президента России Михаил Ельцин.

Я просмотрел пленку "Похороны Вагина", снятую работниками безопасности. Мимо камеры нескончаемым потоком идут десятки тысяч молодых людей. Сильных, тренированных, надежных бойцов преступной армии страны. Мы их между собой называем "бультерьерами". Да простят мне такое сравнение эти симпатичные звери.

Армии "бультерьеров" есть в каждом городе. Есть они и в Москве. Встаньте в любом месте на улице, оглянитесь — вы их сразу выделите из толпы. Они одинаково одеты, одинаково причесаны, одного примерно возраста. Это

хорошо организованная сила. Она способна при случае бороться не только с милицией и безопасностью, но и с армейскими подразделениями.

Эта сила создана главным образом за последние два года как мощная поддержка режима. Все они, безусловно — за нынешний порядок (мы уже говорили об этом).

Эти молодые люди никогда уже не начнут работать, не встанут к станку, не пойдут в бульдозеристы, не будут грызть гранит науки, не станут защищать Родину. Они узнали, что такое легкие деньги, они попробовали сладкий вкус крови. У "бультерьеров" одно предназначение — разорвать на куски любого, на кого укажет хозяин.

На доме, около которого был убит Вагин, сейчас висит мемориальная доска. Только не надо ахать — обычное дело. Теперь — обычное дело. Чтобы далеко не ходить за примерами, в Москве, на Ленинском проспекте, у дома 92 поставлен черный обелиск, на нем написано: "Здесь 9 июня 93 года погибли отличные парни". Это — чуть дальше обелиска Юрию Гагарину, у гостиницы "Спорт". Жильцы пишут письма протеста, но... кому писать?

Так вот, висит вагинская мемориальная доска, под ней каждый день — свежие цветы; во дворе играют дети. Кстати, внуки Президента — тоже.

Представьте, стоит пацан, смотрит на доску... Вот для него романтический герой! Юрий Гагарин.

Идет криминализация сознания подростка.

Сегодня стать членом мафии, как раньше — быть зачисленным в отряд космонавтов. Так же почетно. Легко представляю: подросток, знакомясь с девушкой, сообщает ей полушепо-

том, что он служит в мафии. В глазах девушки — немой восторг...

Большую роль в изменении сознания детей и подростков сыграли газеты, телевидение; особенно высока заслуга кинематографа. Прошлую зиму я посвятил изучению его продукции за последние пять лет. В подавляющем большинстве фильмов главный герой — преступник. Вор, рэкетир, проститутка, наркоман, катала, аферист...

Странную я заметил особенность. Что же получается? Пока была власть рабочих и крестьян, героями экрана были рабочие и крестьяне. Теперь — власть преступников. Героями стали преступники. Выходит, мы, кинематографисты, истово и верно служим любой власти. Придет другая власть, и героями наших фильмов станут другие люди.

Ну а пока на экране идет осознанная идеализация образа преступника. При таком накате как может не измениться, не сдвинуться в криминальную сторону сознание юного зрителя?

Вернемся в Екатеринбург.

При сумасшедших валютных выручках за экспорт стратегического сырья, конечно же, ни одна социально-экономическая проблема города и области не разрешена.

Достаточно беглого взгляда.

Стоит недостроенная телебашня. Несколько лет не могут дотянуть до верху. Опускаем глаза: внизу — шикарное здание китайского ресторана "Харбин". Построили месяцев за восемь. Одно из мафиозных гнезд города.

На центральной улице высится здание "Интуриста". Опять-таки не могут доложить два-три верхних этажа. Уродливый каркас вот уже несколько лет торчит, как бельмо на глазу

Внизу — какой-нибудь роскошно отделанный офис. К примеру, "Европейско-Азиатская компания". Думаете, кто-то в городе не знает, что это — абсолютно криминальная структура? Глава компании был застрелен в прошлом году конкурентами. Сейчас — новый хозяин.

Поставили камеру на центральной улице, неподалеку от офиса. Честно говоря, даже не знали, что рядом — эта поганая компания. Хотели просто снять жизнь города. Через минуту подлетают два "бультерьера".

— Что снимаете?

— А вам какое дело?

— У нас тут офис.

— Где?

Показывают пальцем: метрах в ста-ста пятидесяти.

— Ну и что?

— Ничего. Валите отсюда!

— Мы же не ваш офис снимаем...

— Валите...

Может, мы бы и заелись, кабы были неопытные и неинформированные. И кабы дело происходило не в Екатеринбурге. Но здесь заедаться нельзя. Здесь Они — уже полноправные хозяева.

И так всюду, в каждом городе. Попробуйте поставить кинокамеру на оживленной городской улице, но так, чтобы на противоположной стороне был какой-нибудь офис, а еще лучше банк.

Мы проводили такой эксперимент и в Москве, и в Питере, и в Екатеринбурге.

Через две-три минуты из дверей банка выйдут два крепких молодых человека, подойдут к камере:

— Что снимаете? Документы!..

— А вам какое дело?

А, действительно, какое вам дело? Улица же. Оживленная улица в центре города, на которой полно других объектов, кроме вашего паршивого банка. И потом — что вы так забеспокоились? Это же банк, а не воровская малина. Казалось бы, что может быть чище банковского дела?

Да, только не у нас в стране. Если уж по-честному — в основном и грабится-то государство и его население через банки. Способов сколько угодно. Задержи платежи на недельку или растяни простейшую банковскую операцию на возможно больший срок. Сколько нужно времени на то, чтобы деньги отправителя дошли до получателя? В цивилизованном мире — ну, скажем, четыре часа. А ты растяни эту операцию на сорок дней? В нашей стране никто не удивится. И вот уже — сорок дней чужие деньги будут работать на тебя. Деньги делают деньги. К тому же адресат получит уже не миллион, а 950 тысяч. Инфляция. Видишь, и инфляция тебе на руку.

Это один способ.

А их — тысячи. Как бы мы плохо ни думали о преступности, но и в ее действиях есть элемент справедливости. Преступность интересуют не просто большие капиталы, а капиталы, нажитые нечестным путем. Поэтому в последние годы именно банки стали объектами самого пристального внимания уголовной преступности.

Опять-таки методов воздействия на банк — много.

Одна из схем — предельно простая.

"Обкладывают" банк. Приходят в наглую и требуют провести определенный чек или фаль-

шивое авизо на большую сумму. Если — отказ, то — немедленный "наезд". Время от времени мы читаем в прессе о покушениях то на одного, то на другого президента банка.

Иногда преступникам удается ввести в банк своих людей и таким образом подчинить его себе.

Словом, банки сегодня — самая перспективная область для вымогателей. От ларьков они уже отошли — этим занимается шушера, — серьезная преступность начала работать на новом, очень высоком качественном уровне.

Вот почему наши банки так не любят людей с кинокамерами. Да и обычных прохожих, пристально наблюдающих за их офисами.

Уголовная преступность в свою очередь создает мифические общества и компании, куда идет перекачка отнятых денег. И у них теперь свои офисы, и они президенты чего-нибудь.

В Управлении внутренних дел Санкт-Петербурга я смотрел интересную любительскую пленку. Ее сняли сами преступники. Любопытный сюжет.

Начинается он с освобождения из "Крестов" Владислава Кирпичева. Немолодой уже человек, за пятьдесят, совсем не зверской наружности, частый посетитель петербургской тюрьмы "Кресты". Кличка — Кирпич.

Да, увлекательное кино. Кирпича встречают с цветами, сажают в машину... Затем сцена в ресторане. Хор цыган поет: "К нам приехал наш любимый... Владислав Сергеевич да-а-раго-ой...". Крупный план Кирпича.

"Мир шибко изменился за время отсидки, — думает, наверное, Кирпич. — Раньше человек, вышедший из тюрьмы, чувствовал себя отвер-

женным. Сегодня его всюду встречают с почетом и уважением..."

Далее — Германия. Заграница. Надо же людей посмотреть, себя показать. Приодеться... Сцена в магазине, где Кирпич долго выбирает себе перстень...

Поездка по стране — проведать, как живут старые друзья-приятели, не порвались ли связи. Друзья, как выяснилось, живут припеваючи, связи окрепли. Сцена в горах Кавказа. Кирпич с местными мафиози стреляют из разных видов оружия — из автомата, из пулемета... Садятся в автомобили, слышен чей-то юношеский голос с акцентом: "Мафия па-астреляла и уехала-а...".

Еще несколько веселых сцен из жизни Кирпича и... арест. На красном светофоре автомобиль Кирпича зажимают с двух сторон машины оперативников, Кирпича выволакивают наружу, заламывают руки... Успеваешь услышать его реплику: "Во бля! Только что говорил, что все ништяк!..".

Быстро промелькнули девять месяцев свободы, опять наручники, и... "в дом родной белым лебедем". Допрос в следственном изоляторе:

— Фамилия?

— Кирпичев Владислав Сергеевич.

— Год рождения?

— Тридцать седьмой...

— Где работаете?

— Вице-президентом... Э-э...

Обратите внимание, девять месяцев Кирпич на свободе, а уже — вице-президент!.. Вот, правда, названия своей фирмы не помнит. Да это неважно. Вице-президент!

Словом, теперь уже не отличишь, где "чистая" экономическая преступность, а где банальная уголовщина.

Екатеринбург, как мы уже говорили, контролируют три преступные группировки.

— Покажите какой-нибудь "ихний штаб"! — попросили мы ребят из Управления по борьбе с организованной преступностью.

Поехали.

Куда бы вы думали? Во Дворец Культуры завода "Уралмаш".

Подъезжаем. Стоит большое красивое здание на площади. Дело к вечеру, а — тишина, не хлопают двери, не спешат зрители, не освещено фойе — мрак.

Мои детство и юность, детство других мальчишек, моих сверстников, прошло вокруг или в стенах такого вот Дворца культуры в рабочем районе города. Конечно, наш "дворец" не был таким роскошным (одноэтажное здание на берегу пруда в парке), но какую он оставил о себе память! Каждый вечер он ждал нас. Раз в неделю — новый фильм (мы его смотрели по несколько раз), выступления артистов, вечера самодеятельности, смотри, читательские конференции (каждая новая книга обсуждалась), всевозможные кружки — выбирай любой, угодный твоей душе. Когда, где это было? Давно и не в этой стране...

Теперь мы живем в другой стране — где умирает на глазах духовная жизнь. Вот вам один пример: Дворец культуры! Для чего он был построен? Никакой культуры в нем нет. Мрачное здание словно источает враждебность.

Мы вышли с оперативником из машины (в руках у него любительская камера), стали прогуливаться вокруг клуба. Сейчас должен

подвалить кто-нибудь из "бультерьеров", поинтересоваться: что за люди, с какой целью? На стенах здания, на уровне первого этажа, через каждые двадцать метров висит "телеглаз" — наблюдает за нами.

Вот, клюнуло! Идет. Господи, совсем пацан! Лет шестнадцать, а то и пятнадцать. (Ну что ж, обычное дело — дети на службе мафии). Подходит. Очень вежливо так:

— Простите, пожалуйста. Можно поинтересоваться: что вы тут делаете?

— Прогуливаемся. А вы кто такой? Из милиции?

— Нет, я из офиса.

— Из какого еще офиса?

— Из этого, — показывает на здание.

Это же Дворец культуры. Дворец культуры завода... Или это офис?

— Нет, ну все-таки, что вы тут делаете?

Ладно, не стали мучить пацана, открылись:

— Собираемся снимать фильм здесь. Разрешаешь?

— Ах, тогда извините, пожалуйста.

И потопал в свой офис.

По широкой лестнице спустился парень лет тридцати с букетом цветов в руках и пошел к ожидавшему его такси. В машине сидела женщина. Парень увидел нас, присмотрелся повнимательнее, передал цветы женщине и направился к нам.

— Здравствуйте, — обратился он ко мне. — Вы знаменитый режиссер... Можно к вам обратиться?

— А вы кто такой?

Усмехнулся:

— Я из мафии. Екатеринбургской... —
распахнул пиджак, за поясом — рукоятка
пистолета.

— Ого!

— Да, мы теперь вот так ходим.

Смотрю на него — пьяный в зюсю! Опера-
тор наш уже включил камеру, снимает вовсю.
Какой материал плывет в руки! Парень достал из
кармана черные очки, надел. Я заметил:

— Вот теперь похож на мафию...

Смеется:

— На американскую, да?.. Нет, мы тут
люди маленькие. Маленькие миллионеры...

— Из какой же вы мафии?

— Из Центральной. Наш папа —
Северенок. У папы нашего вот такой золотой
крест, — показал рукой чуть ли не до пупа. — А
вот тут, наверху, сидит сейчас мафия Цыганова
(Цыганов — это уралмашевская группировка. Сам
Цыганов сейчас в тюрьме). Вы можете подняться
в бар, в банкетный зал — они там сидят. Мы с
ними враждуем. Они стриженные, а мы — интел-
лигентные люди, вы видите... — Он вдруг опом-
нился: — Что я говорю?! Меня же хлопнут...

— Ну так встаньте спиной к камере.

— Спиной?

— Ну да.

Мы поменялись местами и поговорили
еще.

— ...Мы очень богатые люди здесь, в
Екатеринбурге... В "семью" я плачу два косяра.
Это очень много, тем более в долларах...

— А тебя не смущает, что вы — богатые, а
врачи, инженеры, библиотекари, учителя ваших
детей нищенствуют? Я вчера был на рынке,
разговорился... Стоят учителя, научные ра-

ботники... И торгуют. Кто — сигаретами, кто — огурцами...

— Ну, всем же не подашь... А потом... Все идет от губернатора. Он в такой же мафиозной структуре... Ведь почему посадили Цыганова? Сначала он наехал на родственников Цыганова...

Женщина, прежде ждавшая в такси, вдруг оказалась за спиной парня.

— Михаил!— зло зашипела она.— А ну иди сюда! Парень повернулся, сразу как-то сник, бормотнул:

— Извините...

Они сели в такси и тут же отъехали.

Управление по борьбе с организованной преступностью Екатеринбургской области расположено в двухэтажной развалюхе. Администрация обещает дать другое здание, но дорогу все перебегают новые и новые коммерческие структуры.

Недавно выстрелили по Управлению из гранатомета. Сгорели две комнаты.

Ребята из ОМОНа, 50 человек, ютятся в 20-метровой комнате. Здесь и спят (между выездами на операции), и едят, и переодеваются. Тренируются в грязном дворе. Насадил на металлический столб десяток покрышек, на этой штуквине и отрабатывают удары. У тех, с кем эти ребята борются, обязательно есть дома или на даче настоящий спортивный зал со всеми снарядами для тренировок, с сауной и бассейном.

Мне предложили посмотреть строящуюся дачу покойного Вагина. "Интересно,— подумал я,— особенно в связи с шумом вокруг фундамента дачи вице-президента России..."

Поехали — посмотрели.

Что я вам скажу... Четыре этажа — вверх, два — вниз. Лифт, бассейн, гаражи... Дворец.

И вокруг — такие же дачи. А мы говорим: не решены социально-экономические проблемы.

Решены.

Вот таким своеобразным способом.

Говорят, и глава администрации строит такую же дачу. Не видел, не решился. Нас и на вагинской дачке чуть не прибили. Набежали "бультерьеры", глаза горят — "вот она, близка нажива! Люди с кинокамерой, всего трое... Вот уж порезвимся сейчас...".

Но тут омовцы выскочили из укрытия. Ушли "бультерьеры" ни с чем, рыча и повизгивая от обиды.

И опять мне вспомнилась история с "дачей Руцкого". Все-таки на редкость бессовестная у нас власть, и так же бессовестна покорная ей пресса. Когда была дана команда опорочить Руцкого, вызвать к нему недобрые чувства у населения, журналисты бросились выполнять это указание с такой лакейской услужливостью, что неволью пришла на память русская пословица: "Заставь дурака богу молиться, он готов лоб расшибить". В ряду многих бездоказательных обвинений приплели и дачу — то есть то, чего не было и в помине.

Руцкой только собирался построить себе дачу на Рублевском шоссе. Вокруг роскошные особняки высоких сановников и членов правительства, и только у Руцкого — один фундамент. Поскольку дачи в пригороде не существует, нашли рисунок. И поместили его на видном месте в газете. Обыкновенная дачка по нынешним временам, с гаражом и баней. Не только не чета вагинскому дворцу, но...

Любой преступник засмеялся бы и бросил в лицо архитектору такой проект.

В соседней деревне среди великолепия строящихся вилл я обратил внимание на маленький, всего в одну комнату, недостроенный домик.

— Что еще за чудо?!

— А это наш деревенский учитель французского языка строится. Лопатой фундамент вырыл, один с вагой поднимал эти плиты... Третий год не может под крышу подвести...

Я вам скажу так.

Уже за одно то, что сделали с Екатеринбургом, еще недавно здоровым рабочим городом, уже за одно это виновных надо бы судить строгим и безжалостным судом.

УГОЛОВНО-МАФИОЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

В фильме "Так жить нельзя", снятом в 1989 году, я говорил: "Молодые люди на опыте своих родителей, на всем опыте окружающей жизни видят: честным трудом прожить нельзя! Каждый день отряды преступного мира пополняются добровольными рекрутами из числа молодежи...".

То есть — не сегодня это началось. Просто в последние два года процесс набрал бешеные обороты. Соотношение честной и криминизированной молодежи меняется в пользу последней с каждым днем.

Длительные мои наблюдения за развитием преступности привели к выводу: на территории

Вбывшего СССР происходит криминальная революция.

Быстро криминизируются дети и подростки.

На всех уровнях власти мы встречаем взяточника и лихоимца.

Искусство содержится на преступно нажитые капиталы и вынуждено создавать идеологию, нужную преступникам.

Установился немислимый, не укладывающийся в рамки здорового сознания порядок: воровать и спекулировать — выгодно, а трудиться и производить товары — нет смысла.

Какой-нибудь щелкопер возразит мне: ваше отношение к спекуляции — рудимент социалистического сознания. Но вот вам мнение капиталиста. "Спекуляция — просто более пристойный вид воровства". Генри Форд.

Трудиться стало не только не выгодно, но и не почетно. На трудягу и честного предпринимателя смотрят с сожалением. Убогий, что с него возьмешь! Вор же чувствует себя комфортно и принимается всюду с почетом.

Изменилось сознание самого общества. Оно стало (мягко еще выражаясь) как бы более снисходительным к жулику.

Свежий и яркий пример: Якубовский.

Я иногда начинаю верить в теорию Ламброзо. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: жулик. Причем несмотря на крупные капиталы — мелкий.

Не выходит из памяти сцена, которую нам недавно показали по телевизору. Сидит эдакий Альхен с голубыми глазами, типичный "наперсточник", и спрашивает собеседника:

— Скажи, Дима! *(Цитирую по памяти.)* А на что ты жил первое время?

— У меня были... (Пауза. Соображает — какую сумму назвать.) Тридцать тысяч долларов... (Пауза. Соображает...) Я их одолжил.

— Ты их вернул?

— Конечно. Пришлось отработать и отдать.

Тридцать тысяч долларов... Даже у нас в России, в стране неограниченных возможностей, нелегко за полгода украсть такие деньги. Заработать же вообще невозможно. Тем более невозможно украсть или заработать на Западе.

А Якубовский заработал. И не только расплатился с долгами, но еще и прикупил на 22 миллиона долларов недвижимости (как сообщает канадская пресса).

И вот к этому отпетому жулику (российскому гражданину, между прочим) летят, долго выхлопывая визы (летят к нему, а не вытребывают его сюда!), два члена комиссии, возглавляемой Президентом.

А что — пресса, общественное мнение?

Ничего. Восприняли, как должное.

Разве это не свидетельствует о том, что общество наше дало сильный крен в криминальную сторону?

О том же говорит и другое наблюдение. Почему-то гнев общественности всегда обрушивается на того, кто первым заговорит о коррупции в высших эшелонах власти, о преступных действиях верхушки общества.

...Но мы не закончили с Якубовским.

* Комментарий для западного читателя. Перед государственным переворотом была создана специальная межведомственная комиссия по борьбе с преступностью.

Ни с какой преступностью она, конечно, не боролась — собирала компромат на членов парламента, на Хасбулатова и Руцкого. Вскоре после победы 4 октября комиссия была распущена.

Есть основания говорить, что это была не комиссия по борьбе с преступностью, а комиссия по борьбе с Руцким.

Нами было проведено собственное журналистское расследование. Не профессиональное, конечно. Возможности наши невелики. Результат можно изложить только как версию.

Якубовский приобретал дома и виллы не на свои деньги. И не для себя.

А ну, догадайтесь с двух раз — для кого?

Правильно!

Для высших должностных Лиц государства. На случай политических неожиданностей в стране.

Как выяснилось, Лица зря беспокоились. Положение их стабильно, пожалуй, даже прочно как никогда. Напрасно только замазались и теперь вынуждены беречь этого ничтожного генерала Диму, как зеницу ока.

Теперь вполне исчерпывающе объясняются и чрезвычайные полномочия Якубовского, и его звание, и многочисленные мандаты.

В стране происходит криминальная революция. Вернее, она завершается. Победой революции может считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства.

Уголовно-мафиозное государство начало формироваться не вчера. Его контуры стали просматриваться при Брежневе. Кое-кто скажет: а сталинское государство разве не было уголовно-мафиозным? Нет! Преступное государство и уголовно-мафиозное — не одно и то же. Власть Гитлера, безусловно, была преступной, но она не была уголовно-мафиозной.

С приходом Андропова и Горбачева кому-то показалось (мне, в частности), что темпы криминализации населения замедлятся. Коррупцированные высокие чиновники один за

другим полетели со своих кресел. Были разбомблены целые преступные кланы (дело Щелочкова, дело Адылова). Стало легче дышать. Честные люди встрепенулись: вот оно, наше время! Мы ничего не умеем делать, кроме одного — честно трудиться. Но теперь труд будет не только почетной обязанностью, но и выгодным делом.

Пустые надежды. Горбачева, политика новой волны, меньше всего волновали интересы честных тружеников.

Все вернулось на круги своя. Можно считать, что в период Перестройки и Ускорения темпы криминализации населения ускорились. Воровать стало не только выгодно, но и безопасно.

Новая власть — та, что обосновалась в Кремле после декабря 1991 года — совершила невероятное: она превратила страну в лагерь уголовников. С уголовными законами, с уголовной моралью. Будучи слабой и безнравственной, эта власть стала вербовать себе сторонников самым подлейшим способом. Под видом класса собственников она создала класс воров.

Главное — "замазать" человека. Если ты "замазался", встал на путь воровства и обмана (а тебе дали зеленый свет и даже в спину подтолкнули — иди по этой дорожке) — деваться уже некуда, ты должен поддерживать власть, тебя породившую. Спросите любого жулика, спекулянта, лавочника: за кого он проголосовал на референдуме? Что он ответит?

Вот и нас интересовало — что? Всем жуликам, с которыми мы встречались, путешествуя по стране, задавался этот вопрос. Иногда разговор шел в тюремной камере, иногда в ши-

карном офисе; засовывали микрофон в окошечко коммерческого ларька и спрашивали о том же; многие мафиози сами находили меня — желали познакомиться. И у каждого я ненароком осведомлялся:

— На референдум ходил?

— Да.

— За кого голосовал?

— За Ельцина, конечно.

Скажи мне — кто твои друзья, я скажу — кто ты.

Некоторое время назад я опубликовал в "Курантах" статью, под названием "Страна воров".^{*} Никто не возмутился. Чему возмущаться — разве не очевидно? Но страна воров — это еще не уголовно-мафиозное государство.

Уголовно-мафиозное государство — следующий этап.

Во всех городах, где мы побывали, власть — реальная — переходит в руки преступников. Или мафиозных структур, как мы их привыкли называть. Будем награждать нашу организованную преступность этим иностранным словом, совершенно для нее не подходящим и не отражающим ее суть.

Мафия! Мы уже привыкли к этому термину, не переучиваться же.

Любопытный и поучительный разговор произошел у меня в Хабаровске.

Есть там такой Володя Пудель. По-нормальному — Владимир Петрович Податев.

У Владимира Петровича была трудная жизнь. 18 лет — по тюрьмам. Потом, в постперестроечные годы — утомительная работа по сколачиванию миллионов. Сейчас Владимир Пет-

^{*} Под этим же названием — одна из глав этой книги.

рович успокоился; можно уже не суетиться, не бросаться из стороны в сторону — капитал собран крепкий. От дел он почти отошел. Для души остались ресторан, казино и еще некое акционерное общество "Свобода", где он даже не президент. Так... консультант. Но главный. Ну очень главный.

Володю Пуделя называют в Хабаровске по-разному. Называют крестным отцом города, главой хабаровской мафии, а еще — неофициальным мэром Хабаровска. Последнее — правильнее всего.

Он решает многие вопросы. Помогает студентам, пенсионерам, следит за порядком в городе, улаживает конфликты.

Хозяин. Но не официальный.

Не легитимный, выражаясь современным языком.

Задумал Владимир Петрович сделать свою организацию вполне легитимной. Создается (практически уже создана) ассоциация "Единство". Цель? Цели обширны, но главное: следить за порядком в городе и улаживать конфликты.

К примеру, задолжала одна коммерческая фирма другой кругленькую сумму. Арбитражный суд будет решать этот вопрос год-два. Пудель уладит дело в один день.

Удобно? Удобно.

Или вот такой пример (это уже сам Пудель мне объясняет):

— Предположим, один пырнул другого ножом. Пойдет парень в тюрьму... Зачем? Он уже раскаивается в содеянном. И пострадавшему какой от этого прок? Так лучше пусть обидчик заплатит обиженному или отработает на него...

— Но послушайте, Владимир Петрович,— пытаюсь возразить я,— не кажется ли вам, что вы в масштабах своего края пытаетесь построить модель уголовно-мафиозного государства?..

Я не убедил Владимира Петровича. И он меня не убедил.

Процесс, подобный хабаровскому, происходит во всех регионах страны, где быстрее, где медленнее. Во всяком случае, общественное мнение уже склоняется в сторону легализации мафии. То тут, то там (из уст вполне интеллигентных людей и даже работников правоохранительных органов) я слышу: не надо бояться мафии; там, где мафия, там — порядок.

К примеру, арестовали петербургского авторитета Малышева. Пошли разговоры:

— Зря Малышева посадили. При нем порядок был. А сейчас тамбовцы стали голову поднимать, чеченцы зашевелились...

А еще я слышу такое:

— Что вы нас пугаете мафией?! Ну, постеляют маленько... вспомните Чикаго двадцатых-тридцатых годов. И посмотрите на сегодняшний Чикаго!

Ах, "наперсточники" — не уследишь за их манипуляциями!

Как им объяснить, что Москва, Екатеринбург, Хабаровск — это не Чикаго. Да и в Чикаго дело происходило не так, как изображено в американских фильмах, а полегче. К тому же разборки мафии шли на фоне здоровой жизни. В Америке разразился экономический кризис, не более того; ее не сотрясала криминальная революция. И наконец, американский путь — это путь для Америки. Наша страна называется Россией. Мы уж и так два года идем по амери-

канскому пути, и все глубже погрязаем в трясине...

Итак, мафию уже не устраивал существующий порядок. Она требовала легализации. Для этого нужны были выборы. Как можно скорее. Пока не наступило прозрение. Пока вину за беды в стране можно было сваливать на парламент.

Именно — сваливать. Ибо никакого двоевластия в стране не было. Разговоры о двоевластии — сказки для дураков. Везде, в столице и провинции, формальная власть принадлежала президентским структурам, а реальная власть — криминальным структурам.

Тем не менее выдумка про "двоевластие" срабатывала. Значит, пока она срабатывала, на волне ненависти к консервативному парламенту можно было прийти к новым победоносным выборам.

Исход выборов 12 декабря 1993 года предопределить было не трудно, как и любых будущих. Все решают деньги. Сколько-нибудь значительных "честных" капиталов в стране нет, стало быть, в ход пойдут деньги криминальных структур.

А средства нужны очень большие. Чтобы заставить работать на себя средства массовой информации, чтобы вынудить отправиться к избирательным урнам тех, кто ни в коем случае не пойдет голосовать, то есть пойдет, но только за деньги.

Собственно, предвыборная кампания идет постоянно. Прибираются к рукам газеты и телевизионные каналы, подкупаются, кто — дорого, кто — по дешевке, деятели искусства и "золотые перья страны". Они, эти деятели, эти телеканалы, эти газеты — и те, что куплены с потрохами, и те, что, как говорится, еще на

выданные — пока не знают, как будут отрабатывать выданные им авансы. Им скажут. Придет время — им назовут фамилию. Фамилию кандидата от мафии.

Я спросил Володю Пуделя, будет ли он выставлять свою кандидатуру?

— Нет, — ответил он твердо.

И действительно, не будет. В парламент пойдет его ставленник. Им может оказаться кто угодно — и нынешний депутат горсовета, и театральная звезда. Но кто бы это ни был, он будет твердо проводить линию Пуделя.

Мафия пока держит в секрете своих кандидатов.

Но общественное мнение в свою пользу она уже начала формировать. Через средства массовой информации.

Набор отмычек к сердцу читателя ограничен. Но это неважно. Главное, повторить одну и ту же мысль несколько раз. Повторим ее и мы.

"В истории все капиталы сколачивались поначалу нечестным путем. Так и у нас. Потом эти капиталы будут участвовать в возрождении России".

Или еще:

"Не бойтесь мафии. Мафия не задевает интересы простого гражданина. Наоборот, она обеспечивает порядок".

"Тот, кто достаточно наворовал, воровать больше не будет".

И так далее.

Перечень других "отмычек" (более сложного характера) мы приведем далее.

Обратили ли вы внимание на опубликованный в "Известиях" (6 августа 1993 года) материал под названием "Мафия бессмертна"? Это

интервью с полковником Сергеем Донцовым, служащим московской мэрии.

Материал, я считаю, программный. Его можно рассматривать как начало открытой пропаганды в пользу мафии.

Доводы все те же: мафия хочет порядка, какой смысл с ней бороться?

— Мафия бессмертна,— заявляет полковник.— Ликвидировать ее никогда не удастся.

Тут же приводится доказательство: мол, Сталин боролся с "ворами в законе", пересажал всех до одного, не выпускал из тюрем, и что? Цитирую: "Да, был кратковременный спад преступности, на год-два, а потом все пошло по-прежнему".

Еще один "наперсточник", мастер передергивать. Эти "год-два" длились, как минимум, тридцать пять лет. С 1950 по 1985 год. В этот период в СССР была безусловно самая низкая преступность в мире. Даже знаменитая бериевская амнистия в 1953 году существенно не ухудшила положения.

Еще один перл:

"Главная забота моих собеседников (то есть преступников — С.Г.) — отсутствие в Москве настоящего авторитета". А далее просто вопль души (от имени воров, конечно): "Верните в Москву Славу Иванькова (крупный авторитет преступного мира — С.Г.)! Верните Япончика! Он наведет порядок".

Вывод полковника: с мафией можно и нужно договариваться.

Вот ради чего было затеяно все интервью.

Выборы 1996 года не за горами. Мы видим — предвыборная кампания идет полным ходом.

Вскоре мы получим парламент, состоящий на две трети из ставленников криминальных структур, а в кресло Президента сядет настоящий стопроцентный Пахан. Ельцин для них — битая карта. На воров нельзя полагаться — Ельцина они сдадут при первом удобном случае.

Вот это и будет победой Великой криминальной революции. Я называю ее Великой, так как речь идет не о Панаме, не об узеньком перешейке между двумя океанами; в лапы уголовников попала шестая часть планеты.

У меня есть любимый пес. Жена тоже в нем души не чает. Он ею командует, как хочет. Если утром веду его гулять я, мы идем в парк. Если ведет его жена, он ее тащит по своим любимым помойкам. Большого лакомства, чем какая-нибудь гадость оттуда, для него не существует. Но жрать жена ему там не дает, зорко следит, чтобы не схватил что-нибудь. Он смотрит на нее жалобными глазами, как бы говорит:

— Ну посмотри, другие же хозяева разрешают своим собачкам полакомиться!

Да, многие в нашем районе кормят своих собак на помойках. Прокормить четвероногого друга обычным способом они уже не в состоянии. Это не бомжи, не пропойцы — честные интеллигентные люди.

Так они и не вписались в новый порядок. Не научились "крутиться", не выходят после работы на улицу торговать сигаретами и спиртным, не ездят в Китай, Индию, Турцию за дешевыми шмотками, чтобы перепродать их дома много дороже, не пускают своих детей на приработки; они все еще надеются, что трудности эти временные, они верят в своего Илью Муромца с опухшим от тяжелой работы лицом,

верят, что он неустанно думает о них, честных трудягах. Просто сейчас ему мешают... эти. Но вот, даст Бог, он их разгонит...

Раньше они ходили на митинги, эти люди. Теперь не ходят. Молчат.

Значит, какой-то червь сомнения все-таки закрался в их души? Не могут же они не видеть, что жуликов и лихоимцев все прибавляется, скоро их станет больше, чем честных людей.

Но честные люди молчат.

А от них ничего и не требуется, кроме молчаливого согласия. На новые выборы они могут даже не ходить. Без них голосов хватит. Мы уже говорили об этом — власть вербует себе сторонников быстрым и надежным способом.

Но честные труженики должны знать: дав молчаливое согласие на создание уголовно-мафиозного государства, они подписали себе приговор. Если они не смогли вписаться в этот достаточно мягкий порядок, то в новом, "крутом" мире их место — на самых задворках. Конечно, рабочие воли нужны при любом порядке, но место их — в хлеву.

Те честные люди, которых иногда беспокоят тревожные мысли о Родине, должны предвидеть и другие печальные последствия.

Уголовно-мафиозное государство неминуемо распадется на множество банановых республик. (Уже распадается).

Такое государство беззащитно перед внешними врагами. Его лидеры не способны ни на какие великие свершения, они не могут сплотить вокруг себя народ, они в состоянии только подкупить его, а на всех денег не хватит. У них нищие душонки, им чужды такие понятия, как "Родина", "достоинство нации". В таком государстве ценятся не ум, не са-

мостоятельность мышления, а только личная преданность. Будь ты умница и расчестнейший человек, но если ты не смотришь преданными глазами в лицо вождю, тебя вытолкнут из своего круга. Разве мы уже не убедились в этом на множестве примеров? Разумеется, никого не увольняют с формулировкой: "за отсутствие личной преданности". Есть более удобное объяснение: "противник реформ".

Но все это чушь, выдумка, пропагандистский трюк — "противники реформ". Их попросту нет. Я лично не встречал. Кроме нескольких оголтелых ортодоксов. Но они годы не делают.

Есть люди, которые говорят: цена реформ безмерно высока. Да, такие люди есть. Я сам к ним принадлежу.

Все население огромной страны поддержало реформы в 1985 году. Все жаждали перемен, понимали: застойное болото надо очистить.

Мы добились многих желанных свобод: свободы слова, свободы выезда за границу, свободы предпринимательства... Многое, кстати, сделал Горбачев.

Как же не стыдно нынешнему руководству плоды нашего общего труда приписывать себе! Именно так ставят они вопрос:

— Мы за свободу и демократию, а Эти... хотят назад, в казарменный социализм.

Как раз все наоборот. Народ жаждал освежающих перемен, а нынешняя власть тащит назад, в уголовно-мафиозное государство, черты которого начали просматриваться еще при Брежневле. Поэтому общество и пошло за Горбачевым — понадеялось на него, поверило, что он уберезит страну от этой напасти.

Все наоборот, господа хорошие!

Именно при нынешнем руководстве свободы, добытые при самом активном участии населения, оказались урезанными, исковерканными до самых уродливых форм.

Например, гласность.

Какая гласность, опомнитесь!

Она закончилась с эпохой Горбачева. Вы только вспомните пропагандистский шабаш перед референдумом.

А свобода выезда за границу?

Был когда-то "железный занавес". Теперь повесили "золотой". У кого есть средства на свободное шастание по заграницам? У воров, спекулянтов, казнокрадов... Исключения только подтверждают правило.

Во что вылилось предпринимательство, лучше не говорить.

И так далее — можно по пунктам.

Что же вы надеваете на себя лицо, которое вам не принадлежит? Ваше лицо — совершенно другое. С ним вы и останетесь в истории. Как организаторы Великого Уголовного государства.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ГЛАВА (Дневник)

Главы, которые вы читаете, не предназначались для книги. Это были всего-навсего наброски к фильму. Но в какой-то момент работы над картиной я вдруг отчетливо понял: фильм наш безнадежно запаздывает. Не то чтобы через три-четыре месяца он потеряет акту-

альность и содержание его будет неинтересно зрителю, нет. Опаздывает он потому, что дела наши с гласностью так стремительно ухудшаются, таким полным ходом мы движемся назад, что вполне возможно, к моменту завершения фильма его просто некому будет показать. Негде и некому.

А может быть, изложить свои мысли на бумаге и отдать в парламент? Кому же еще жаловаться? В правительство? Обиды свои за страну изложить обидчику?

Словом, так и порешили. И довольно быстро, за две недели, накидал эти заметки. Закончил словами:

"Господа депутаты! Почему я вам все это рассказываю? В надежде, что вы исправите положение, остановите уничтожение России? Нет. На это я не надеюсь. Я вообще считаю, что ваши дни сочтены. Вы подписали себе приговор в тот день, когда впервые взбрыкнули и не проявили личной преданности вождю.

Вы — не первые. Первыми жертвами стали старики и ветераны. Их просто отвергли, перестали считаться с ними, объявив их, борцов против фашизма, красно-коричневыми, то есть фашистами. Они стали отверженными. Над ними смеются, никто не принимает их всерьез.

Нация, предавшая своих стариков, не имеет права на существование. "Мы, как поганые язычники, принесли в жертву своих родителей! Кому? Какому идолу?" (Фраза из фильма "Россия, которую мы потеряли").

Пора и вам на покой. И не надо строить иллюзий. Мир не перевернется, когда вас разгонят. Вы так основательно дискредитированы печатными и электронными средствами информации, что...

Скорее, наоборот — мир будет аплодировать, когда вас разгонят. Газеты зальются восторженным лаем. Мои коллеги-кинематографисты устроят в Доме кино торжественный вечер. Выступит, к примеру, Нонна Мордюкова и, судя по тому, что она несла перед референдумом (тогда был устроен в Доме кино ночной шабаш — иначе назвать не могу), скажет, обливаясь горячими слезами, примерно следующее:

— Борис Николаевич, как хорошо, что вы разогнали... этих. Как хорошо! Как теперь легко будет дышать, как быстро все наладится... Вы, наверное, переволновались, бедный. Приходите к нам сюда, отдохните у нас. Мы вас так любим...

Может, она и не выступит на этот раз. С апреля 1993 года много воды утекло. Медленно наступает прозрение. Нельзя же не видеть, как целенаправленно уничтожается отечественная культура!

Одно знаю твердо: мир не перевернется. Не будет гражданской войны. Ну, пошумят демонстрации на улицах. Их быстро успокоят. Возможности для этого есть. Еще не вводилась в действие основная сила, поддерживающая режим, — воровская армия "бультерьеров".

Так вот, представьте, пишу я эти строки, и вдруг в комнату вбегает жена и кричит:

— Переворот!

Все — как два года назад!

Бросаюсь к телевизору. На экране — лицо. Как принято говорить на Руси: с сильного бодуна. Бубнит по складам чужой текст. Это видно по глазам, они бегают из стороны в сторону — читают шпаргалку, "бегущую строку".

Свершилось!

Матрос Железняков протопал коваными сапогами на сцену.

Ну, теперь в моей работе наступит долгий перерыв. Надо посмотреть, что делается на улицах. Не говоря уже о бдениях около телевизора.

На следующее утро поехали с камерой по Москве. Брали интервью только у жуликов — слава Богу, искать их долго не надо.

Все в один голос:

— Одобряем!

Комментаторы — с экрана телевизора:

— События, происходящие в стране, никого не оставляют равнодушным.

Ох, как они ошибаются. Половина страны осталась совершенно равнодушной к тому, что произошло. А многие и не знают, что случилось. И не только на Чукотке или в брошенных деревнях Нечерноземья. Тут, в Москве. Я сам разговаривал с несколькими молодыми людьми.

— А что случилось-то?

— Вы что, не знаете?

— Не...

— А телевизор...

— Не включаю. Газеты не смотрю. Слушаю радио "М" — там музыка...

Первые отклики из-за границы: Клинтон думает.

Интересно: над чем? Немыслимо трудно предугадать его ответ.

Заехал в Белый Дом. Вокруг — жиденькие баррикады, на асфальте кучки камней — оружие пролетариата.

Защитники — одни старики и... как бы помягче выразиться, больные люди... Обозленные, несчастные...

А где же другие? Те двадцать-тридцать-сорок или сколько там процентов населения, что поддержали парламент на референдуме? Переделались в сторонников Ельцина? Нет, данные опросов общественного мнения говорят: рейтинг Президента неуклонно падает.

Апатия. Глубокая апатия разлилась по стране. Куда делся тот брызжащий энергией общественный темперамент, несколько лет сотрясавший страну? Обманули с Перестройкой. В стране хозяйничают воры. А вор, когда бежит с награбленным добром, обычно сам громче всех кричит: "Держите вора!". Люди замешкались, растерялись — а его и след простыл. Помните сцену из фильма "Место встречи изменить нельзя"? Вор-карманник Кирпич попался с поличным. Что он делает? Кирпич кричит:

— Граждане! Смотрите, как эти бандиты фронтовику руки крутят!

Пропаганда задолго до переворота сделала из депутатов каких-то зачумленных. И все тот же воровской прием:

— Держите вора!

Переворот еще только замышлялся, а "честные" журналисты уже разбежались по свету — добывать компромат на тех, кто сидел в Белом Доме.

На предыдущих страницах я вам обрисовал положение дел с воровством в нашей стране. Ситуация совершенно не такая, какой нам ее пытаются представить средства массовой информации.

А народ молчит. Но нельзя безнаказанно обманывать людей. Ответом будет глубокое равнодушие.

Может, этого и добивались.

И стоят вокруг осажденного парламента одни старики с красными флагами.

"Назад, в прошлое!"

Сторонний наблюдатель, не очень разбирающийся в тонкостях политики, может подумать: и те, что в Белом Доме, хотят того же — назад, в прошлое.

Зашел в Белый Дом. Первого же знакомого спросил:

— Как настроение?

— Бодрое. Идем ко дну.

Руцкой честно признался журналистам: к такой ситуации он готов не был.

Не предвидел.

Значит, плохо помнит историю. Окаянные дни в России и начались с того, что разогнали парламент.

В приемной Руцкого встретил Асламбека Аслаханова, председателя Комитета по борьбе с преступностью. Как-то странно идет — сгорбившись, еле передвигая ноги. Что случилось?

Переворот застал его в какой-то Тьмутаракани. Надо срочно лететь в Москву, а он шелохнуться не может — разыгралась старая болезнь. Пришлось срочно сделать операцию. Ржавым скальпелем, без наркоза, без заморозки. Медикаментов не было никаких.

И вот — он в Москве.

Я сам перенес такую операцию несколько лет назад. Конечно, в отличных условиях, с обезболиванием, руками потрясающего хирурга. Но я знаю, что это такое, какая эта боль! Не то что путешествовать — до туалета добраться невозможно.

— Как же ты, милый?

— Представляешь, если бы я там лежал.. Как бы я потом объяснил товарищам свое отступление?

Может быть, я — наивный человек, но я не верю, что так можно поступить не ради высокой цели, а ради квартиры, тепленького местечка и хорошей зарплаты. Попугаи с телевизионного экрана уверяли нас, телезрителей, что депутаты сидели в осажденном парламенте из страха потерять насиженное место, квартиру в Москве, привилегии и большую зарплату.

Ну что ж, у них своя логика. Один из первых указов Ельцина как раз на эту тему — депутатам, которые предадут своих товарищей, обещают выплатить зарплату за целый год вперед. Гарантируется также тепленькое местечко. Оно найдется — чиновничий аппарат теперь больше, чем при коммунистах.

Не могли не появиться среди депутатов такие, которые согласны были купиться за эти тридцать сребреников. Тот, кто подсказал президенту этот ход, — умница.

Хотя и подлец.

Среда, 22 сентября, 18 часов 25 минут
Телевизионные новости.

Ельцин с силовыми министрами на Пушкинской площади. Встреча с москвичами.

Боже мой! Да он лыка не вяжет!

22:00. Программа "Вести". Удобно устраиваюсь перед телевизором, закуриваю, зову жену.

Но кадров этих уже нет. Вырезали. А как же на 18 часов пропустили?

Дело было, как я понимаю так.

Днем, примерно в 16:00, у Бориса Николаевича была встреча с силовыми министрами. В Доме приемов.

Хорошо посидели, поздравили друг друга с победой, потом Борис Николаевич откинулся на спинку кресла и произнес свое знаменитое:

— А шта-а-а... Поехали к народу!

Меня не Ельцин удивил, чему тут удивляться.

Удивили силовые министры. Неужели ни один не осмелился сказать вождю:

— А может, не надо, Борис Николаевич?.. Может, не надо — к народу. Может, завтра...

Помните, мы говорили: в мафиозном государстве больше всего ценится личная преданность вождю.

Вот и все новости — на сегодняшний час.

Будем ждать дальнейшего развития событий, а пока продолжим работу над книжкой.

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ БУДУЩЕЕ?

Заглянем в будущее.

Я для того и затеял эту поездку по стране, чтобы своими глазами увидеть его ростки. Может, зря паникую, может, действительно, все рассосется. (Хотя очень похоже на рассуждения беременной гимназистки.) Но вдруг... Вдруг где-то пробился росток, который рано-поздно расцветет здоровым цветом.

Поражаюсь людям, которые каждый день выдают в эфир программу "Время", или как она там теперь называется... У них работа потяжелее, чем при коммунистах. Это как же, высунув язык, надо мотаться по стране, чтобы среди хаоса и разрухи каждый раз выискивать нечто,

подтверждающее правомерность происходящих в стране изменений.

Там урожай невиданный собрали (вот только вывезти нечем — нет ни дорог, ни транспорта), там рабочие очень удачно свой ваучер вложили, там кто-то ветряную мельницу изобрел (продали все топливо и заговорили о ветроэнергии). Тяжелая работа у тележурналистов, можно посочувствовать.

Так вот, заглянем в будущее.

Каковы слагаемые счастливого или несчастливое будущего?

Схематично, это — нынешнее состояние науки, медицины, правоохранения, обороны. Ну и, конечно, система образования, дети... Какими они вырастут, такой будет страна.

Во Владивостоке мы перелезли через забор номерного секретного завода по ремонту военных кораблей и подводных лодок, купили у морячков на военном корабле наркотик и тем же путем вернулись обратно. Могли бы пройти и через проходную. Тех, кто не в форме, вахтер пропустит — надо только произнести заветное слово. По территории завода слонялись несколько молодых парней, пришедших сюда с той же целью — за наркотиками.

По нашей просьбе милиция дала в газете объявление от имени некой фирмы: "Купим оружие". Забросали предложениями. Остановились мы на... отравляющих веществах.

Поехали на встречу. 26-летний старший лейтенант, химик, начальник склада, привез канистру сильного отравляющего вещества. По 200 долларов за литр.

Одной такой канистры достаточно, чтобы отравить большой город.

Некогда могучий, Тихоокеанский флот не способен отныне решать боевые задачи. По крайней мере, в прошлом объеме. Он просто отапливает себя и как-то существует. Главная опасность для россиян: не производится плановый ремонт на ядерных кораблях и атомных подводных лодках.

Рядом с Владивостоком — бухта Новик. Естественное надежное укрытие для флота. Попробовали бы вы пробраться в эту бухту раньше!

Через узкий проход мы вошли на катере в бухту — нас никто не остановил. На берегу под открытым небом — тысячи торпед. Ни одного часового на вышках. Корпуса торпедных аппаратов ржавеют, внутри — десятки тысяч тонн сильной взрывчатки. Совсем недавно рвались под городом склады с боеприпасами, были жертвы. Вчера передали по телевидению: взорвался минный склад. Что на очереди?

Разговорился на авторынке во Владивостоке с молодыми офицерами-морьяками. В субботу и воскресенье ребята с разрешения начальства вынуждены подрабатывать на рынке — в охране. А как жить? Квартира, которую каждый из них снимает, стоит \$100, а флот выделяет на квартиру 30-40 процентов от этой суммы. Причем какая квартира! На краю города, отапливается углем (его надо купить, привезти), горячей воды нет, туалет во дворе.

Ребята служат на острове Русском. Чтобы попасть вовремя на службу, нужно встать в 5 часов утра — протащиться через весь город и успеть на морской паром. Домой возвращаются к 11-ти вечера. Если не успеешь на паром, надо идти к кому-нибудь из знакомых на кораблях: "Пустите переночевать!".

Много они мне порассказали!

Например — историю про буксир "Фотий Крылов". Между прочим, едва приехав во Владивосток, я сразу стал интересоваться подробностями этой загадочной истории. Да концов не мог найти.

— А вы не у тех спрашивали,— объяснили мне молодые офицеры.— Вы спрашивали у начальников с большими звездами, а надо у лейтенантов, не выше. Начальники ничего не расскажут, сами кругом замазаны.

Был на Тихоокеанском флоте мощный буксир "Фотий Крылов". Впрочем, это только название — буксир. На самом деле — огромное, суперсовременное судно, единственное такого класса в мире.

Помните историю с Домом советской науки и культуры в Берлине? То же самое и здесь. Сдали в аренду иностранной фирме — с капитаном и экипажем. Та фирма сдала другой компании, американской. Поначалу все шло хорошо, а потом придрались к документам — нет какой-то юридической закорючки. Сейчас уж и экипаж отправили домой, в Россию. Огромный военный корабль сгинул, пропал в южных морях.

Удивительно богатая у нас и щедрая страна. Корабль стоимостью в миллионы долларов отдали за 5-10 тысяч — я думаю, не больше ушло у иностранцев на взятки.

Все это, посмеиваясь, рассказали мне офицеры. Смех, конечно, горький. Ребята прекрасно понимают, что происходит.

Спрашиваю:

— Что вас заставляет служить?

— Ну, осталось еще понятие о чести, о долге. Присягу все-таки давали. А кто же будет служить? Посмотрите — кругом воюют...

— А вот скажите — способен флот сейчас выполнять боевые задачи?

— Пока — да. Конечно, не в прежнем объеме. Но долго так продолжаться не может. Многие офицеры уже служат по инерции, а сами крутят головой — куда бы свалиться...

Так обстоят дела на флоте. В сухопутных войсках — не лучше.

Рассказываю только то, что видел собственными глазами.

Мотострелковая дивизия, стоящая в Даурии, укомплектована солдатами срочной службы... на 9 процентов!

Боевой дух армии...

Что вам сказать про её боевой дух?..

В июне в Германии провожали мы два авиационных полка. Они возвращались на Родину. Поднялся в воздух последний самолет, мы прошли в офицерскую столовую, выпили по рюмочке — за тех, кто в пути. Командир посмотрел на часы, сказал:

— Пересекли границу...

— Как их там встретят?— спросил я.

Командир усмехнулся:

— Хорошо, если дадут матрацы...

Страшные процессы происходят в армии. Офицеров, отброшенных за грань нищеты, пытаются заставить "крутиться", искать способы (чаще всего нечестные) прокормить семьи. Хотят их "замазать", сделать своими сообщниками. Тогда у них выхода не будет. Хотят — не хотят, им придется поддержать сообщников. Поддержать режим.

Скоро армия станет абсолютно небоеспособной.

Думаю, окончательно боевой дух армии был подорван после случая на таджикско-афганской границе.

16 часов шел бой. За 16 часов можно было перебросить батальон с Камчатки. Не говоря уж о совсем близких частях.

Первые минуты ребята еще посматривали на часы: вот-вот свои подойдут на подмогу... Потом стали умирать.

Плохо умирать, когда знаешь, что предан.

Говорят (да что говорят — свидетельствуют!): пятнадцать часов не могли доложить Президенту!

Что с ним было?

Почему не выступил по телевидению, не объяснил народу? Я, российский гражданин, хочу знать.

Там, на границе, погибли мои дети!

Почему не собрался парламент, не потребовал у Президента отчета: что он делал в эти часы — по минутам?

Событие чрезвычайное. Последний раз такое случилось 22 июня 1941 года. Тогда пограничники были преданы Сталиным.

На этот раз — кем?

Мы беспощадны к Сталину (и справедливо!), будем же беспощадны к каждому, кто пошел по его стопам!

Случилось то, о чем никакое ЦРУ не могло мечтать. Могучий Голиаф сам пал ниц и, униженно моля о пощаде, пополз на коленях к победителю.

Поэтому я не верю в заговор ЦРУ.

Хотя все, что произошло, отвечает планам ЦРУ.

Но повторю: о таком они не смели мечтать. Я не верю и в сговор западных держав.

Хотя без участия Запада тут не обошлось. Но это у них в крови, ими движет инстинкт, общность интересов. Стая волков, когда она гонит оленя, не договаривается, кто пойдет сзади, кто сбоку. Ими движет инстинкт, общность цели. Они догоняют оленя, вцепляются ему в бока, валят на землю... И оленю уже не подняться.

То, что России вцепились в бока, — очевидно. Я хочу понять: повалили ее или еще нет? Если повалили — ей не подняться.

Одно утешение — Запад подавится Россией. Ему не переварить такой жирный кусок.

Хотя бы в плане преступности... Превращение огромных территорий в криминальную зону обязательно скажется на изменении криминогенной обстановки во всем мире. Уже скажется.

Так что — отольются им наши слезы.

Несчастливая беззащитная страна!

За нее еще не взялись по-крутому. Например, бароны наркомафии только присматриваются к ней, прощупывают пути на огромный рынок. Весной этого года петербургская таможня задержала неслыханных размеров партию наркотиков из Колумбии. 1000 кг кокаина! Кокаин пришел в контейнере с консервами. На этикетках написано: "Мясо с картошкой". В некоторых банках оказалось действительно мясо с картошкой, в других — спрессованный кокаин. Завернутый в клейкую ленту, обработанную специальным составом — от собак.

Контейнер с кокаином — только начало. Наш рынок сможет поглотить тысячи тонн этого зелья.

А об этом вы задумывались: где, в какой еще стране мира можно так легко отмывать

наркодоллары? Процесс еще по-настоящему не начался, но он обязательно наберет силу. А как же иначе? Если — прозрачные границы, если — хаос и разруха, если — можно просто и безнаказанно отмывать любые "нечистые" деньги.

Наличие такой огромной "прачечной" подхлестнет, воодушевит, вольет новые силы в преступников всего мира.

Вот почему я говорю: Запад непременно подавится Россией. Жаль только — не придется увидеть его агонию.

За два года страна стала совершенно беззащитной и перед иностранными разведками.

Они действуют нагло и открыто. Мы им помогаем, как можем. Секретов у нас теперь нет. Никаких и ни от кого.

Вся информация (от ведомств и министерств), которая попадает в правительство, рано или поздно уходит на Запад. Некоторые журналисты уже открыто, не стесняясь, помахивают с телевизионного экрана документами с грифом "секретно". Если секретные документы так легко достались отечественным журналистам, представляю, как просто купить их за доллары журналистам иностранным.

Обращу внимание читателя еще на один аспект.

Главную свою агентуру на Западе Комитет безопасности собирал сразу после второй мировой войны. Европа лежала в руинах; хаос, разруха, отсутствие порядка — удобное время для вербовки агентуры. Потом Европа из беды выкарабкалась, ее страны стали жить лучше и богаче нас, но агентура продолжала трудиться на советскую разведку. (Эти откровения я почерпнул в беседах с ветеранами со-

ветской разведки. Они, эти молодые, полные сил генералы, находятся теперь на отдыхе — по вечерам играют в шахматы друг с другом... В августе 1991 года они сами уволились из разведки, видя, что ни опыт их, ни знания, ни труд никому теперь не нужны).

Очень похожая картина, только с обратным знаком, наблюдается сейчас. Запад ведь тоже не дурак, просчитывает все варианты. Не исключает и этот: к власти придут разумные, преданные Родине люди, и Россия выкарабкается из беды. Западные разведки вербуют агентов — сейчас. Впрок. Дело продвигается успешно. Основные объекты внимания западных разведок — те, у кого, как говорится, рыльце в пуху, люди, совмещающие бизнес со службой в государственных учреждениях.

Никакая не выдумка и наличие "пятой колонны Запада" в нашей стране. Эту роль взяла на себя образованная часть общества: деятели искусства, философы, журналисты — "золотые перья страны" (так, наверное, они себя именуют). Все они трудятся не бесплатно, каждому заплатили. Одного пригласили с лекциями, другому дали денег на фильм, третьему — гонорар за статью, у четвертого пошла книга на Западе...

Задача "пятой колонны" — подготовить почву для экспансии. Колонизаторы должны войти в страну как люди, несущие нам демократию и цивилизацию.

Идет открытая пропаганда западного образа жизни, западной массовой культуры.

Происходит западнизация страны. Не путать с либерализацией!

Западнизация — обезьянничанье. Пустое, глупое, недостойное человека. Убивается даже язык.

Живой и образный язык, на котором написано столько шедевров мировой литературы. Чего стоит одно слово — "ваучер"!

Старинные русские города запестрели вывесками на иностранном языке.

У меня под окном — овощной магазин. Картошка, капуста, морковь. Однажды выглядываю в окно, а на магазине новая вывеска: ГРИНХАУС. Остался тот же набор: картошка, капуста, морковь, но — Гринхаус. Теперь все время слышу от жены:

— Я на минутку — в Гринхаус и обратно.

Скрипят "золотые перья", торопятся создать идеологию, облегчающую иностранное нашествие. Опять-таки набор "отмычек" к сердцу читателя убогий, но действует безотказно. Главное — внушить общую установку: Россия — страна никчемная, народ — грубый и невежественный, страна дураков; никакой истории у России не было (истории, которой можно было бы гордиться), всегда ее били; то, что случилось в 1917 году, — не народная трагедия, не пришествие Антихриста, а историческая закономерность; старая Россия была нищей и невежественной; нынешний же народец — просто быдло, вы только посмотрите на этот парламент; и вообще, ничего путного в этой стране быть не может, единственный разумный путь — насадить в ней демократию по западному образцу.

Это общая установка. Выражается она в средствах информации более витиеватыми фразами, но смысл — этот.

А вот еще одна "отмычка", предназначенная для того, чтобы мы распахнули дверь перед иностранным вояжером.

"Иностранные капиталы сыграли заметную роль в становлении русского капитализма".

Мысль, безусловно, правильная, да вот беда — иностранный капитал не спешит в Россию. Капиталу, особенно крупному, нужна стабильность в стране, нужны гарантии от политических неожиданностей. Крупный капитал планирует свои дела на много лет вперед.

И наоборот, лезут к нам из-за рубежа нищие проходимцы с единственной целью — урвать, пока дешево. (А дешево — потому что украдено). Сколько таких фирмачей-ловкачей прошло через нашу страну! Приехал нищим, уехал богатым — обычная история.

Опишу одну из самых распространенных схем. Года два назад она хорошо срабатывала.

Зарегистрировать свою фирму, скажем, в Лондоне стоит около 14 футов. Это в состоянии сделать человек без всякого достатка. Приезжает новоиспеченный фирмач в Россию и начинает действовать. Иногда — без успеха, чаще — с успехом. Если он бывший совгражданин — проблем вообще нет. Идет он к школьному товарищу, ныне большому начальнику, ну, скажем, к директору молибденового комбината, и говорит: "Могу взять у тебя отходы молибдена. У меня есть покупатель за рубежом. Возьму задешево, но мы с тобой составим "боковой" договор, по которому я тебе положу в западном банке приличную сумму. По рукам?".

Возвращается "фирмач" в страну проживания, идет в банк, показывает контракт. Там дивятся — контракт супервыгодный. Дают ссуду. А ссуда-то нужна только на то, чтобы пе-

ребросить товар к покупателю. И дело завертелось.

Существует множество других схем, таких же безотказных.

Не могу удержаться — должен рассказать восхитительную историю.

Есть у меня один знакомый на Западе. Служил когда-то у меня помрежем на первой моей картине. Потом эмигрировал в Америку. Году в 1989-ом, в разгар перестройки, приезжает в Москву. Встретились.

— Как живешь, Вова?

Оказалось, плохо живет, еле сводит концы с концами.

— Зачем пожаловал?

— Хочу торговать с Союзом. (Тогда еще был Союз, если помните...) Хочу покупать здесь лес, нефть, мочевины, металлы...

Вот эта "мочевина" мне почему-то особенно запомнилась.

— А деньги у тебя есть?— спрашиваю.

— Нет, конечно.

— Как же тогда?

Хочет, остановить нельзя.

— Ты что,— сквозь смех объясняет мне,— не знаешь наших людей? Да я тут за видик, за магнитофон полстраны скуплю...

Сейчас, конечно, ни видик, ни магнитофон, ни подержанная иномарка не проходят. Сейчас подавай крупный счет в банке.

Прошел год. Включаю как-то телевизор — батюшки! Мой знакомый — Вова! Сидит в компании молодых советских бизнесменов и учит их бизнесу по-американски. "Ага!— сказал я себе.— Дела у Вовы идут хорошо. Гонит, наверное, отсюда и лес, и нефть, и металлы, и мочевины..."

Не хочу порочить всех иностранцев. Приезжают к нам и честные западные предприниматели. Тех, кто был бы доволен бизнесом совместно с нашими гражданами, не встречал. Встречал, вернее провожал, тех, кто спешно отваливал отсюда. С перекошенным от ужаса и брезгливости лицом, с одной и той же фразой на устах:

— С эти люди иметь дела невозможна!

Словом, разные бывают иностранцы. Но большинство из них все-таки — чистые грабители.

А кто, скажите на милость, откроет дверь грабителю с фомкой?

Другое дело, когда в дверь звонит респектабельный господин.

Задача "золотых перьев" — создать грабителю "лицо". Представить его почтенной публике как продолжателя традиций зарождавшегося в России капитализма, приехавшего в нашу страну с целью помочь нам, научить нас, накормить, наставить на путь истинный.

Продолжим разговор об основных слагаемых будущего страны.

Наука.

Что тут можно добавить еще неизвестного читателю? Тем более что многие из них — сами научные сотрудники.

Наука не терпит перерыва. Перерыв в один год означает отставание на десять—пятнадцать лет.

Значит, мы отстали от цивилизованных соседей лет на тридцать.

Даже коммунисты, самые жестокие коммунистические правители, думали о будущем. Заботились о науке.

А мы зачеркнули свое будущее. Огромный научно-технический потенциал, люди, которых наша страна выучила и выпестовала, работают уже на чужую науку.

Летом мы побывали в Арзамасе-16 — главном ядерном центре страны.

"А зачем нам ядерная бомба?— скажет некий прогрессист.— Зачем? Бывший враг номер один — теперь наш друг."

Вот еще одна поганенькая мысль, которую бойцы "пятой колонны" пытаются забросить в сознание широких масс.

Выдернуть у поверженной России "ядерные зубы" — самая желанная мечта Запада. Тогда бы он разговаривал с Россией по-другому. Запад победоносно закончил "холодную войну" с Советским Союзом. Завершающие сокрушительные удары были нанесены по государственности, финансовой системе, высоким технологиям. Мы превратились в сырьевую державу. Лишить Россию атомного оружия — об этом Запад не смел и мечтать.

Сегодня его несбыточная мечта близка к воплощению.

Коротко — проблема. Мы восемь лет не проводили ядерных испытаний. Американцы прекратили их вчера. Новая, еще более мощная ядерная бомба не нужна. Даже та водородная (сахаровская) была взорвана с половиной заряда. Испытания давно уже проводились с целью совершенствования безопасности бомбы. Важный момент. Бомба не должны угрожать своему народу. Она должна быть застрахована от ядерного терроризма, от возможности похищения. К тому же любой заряд стареет, ржавеет, в нем происходят некие процессы. Их надо изучать.

Уже сегодня можно сказать: американское ядерное оружие безопаснее нашего. Все эти годы американцы совершенствовали его. К тому же наши соперники вели работы по моделированию ядерного взрыва. То есть — чтобы даже не взрывать бомбу, имитировать взрыв на маленькой модели в лазерной установке. Вели и мы такие работы, но остановили за отсутствием финансирования.

Наши американские друзья, в отличие от нас, не делятся своими секретами. Кто знает, может быть, они близки к решению проблемы моделирования?

Российское ядерное оружие стоит на боевом дежурстве и в зарубежных странах. Огромное количество его на Украине. Доставка запчастей туда не производится. Уже сейчас у мировой общественности есть все основания бить тревогу: российское ядерное оружие ненадежно! Дело — за "голубыми касками".

Потрясающий, отборный научно-технический потенциал, накапливавшийся в Арзамасе-16 десятилетиями, бездействует. И их бросили в рынок. А какие товары они могут производить?

Идет, как и везде в науке, миграция. Ученые, носители секретов, уезжают из Арзамаса. Сегодня они уже живут в странах СНГ, завтра могут оказаться за границей.

Уходя со своего поста, президент Буш провел через парламент закон, облегчающий иммиграцию в США наших ученых-ядерщиков. Каждый из моих новых знакомых — ученых из Арзамаса-16 — получал приглашение переехать на Запад (или на Восток — в Японию, скажем, или в Корею). Но все они — люди старой формации, понятия "честь", "достоинство" для них не пустые слова.

Миграция идет бешеная. Пока что не из ядерной науки, это — завтра. Другие же классные специалисты из иных областей науки покидают страну ежедневно. Смотрят на них на Западе — как на людей третьего сорта.

Прочитую любопытный документ (из Архива Верховного Совета) — он хорошо иллюстрирует отношение к российским специалистам.

Из Нидерландов сообщают: "На базе фирмы "Гриод-Гроеп" планируется организовать систему подготовки иностранных кадров для работы в Африке, куда голландские специалисты едут неохотно в силу плохих климатических и жизненных условий. Эксперты считают, что специалисты из России будут удовлетворены любыми условиями, а оплата их труда составит лишь 25-35 процентов от уровня зарплаты западноевропейцев в этих странах".

Но закончим с проблемами Арзамаса-16.

Зарплата в главном ядерном центре страны в два раза ниже, чем в городском медвытрезвителе. Да и эту зарплату три месяца не выдавали.

Расширяется миграция внутренняя. Блестящие физики и математики уходят в коммерческие структуры.

Между тем у наших ядерных соперников за рубежом финансирование не сократилось. Исследования по совершенствованию оружия продолжают полным ходом.

Мы, как ведомые незрячим поводырем слепцы, движемся прямехонько в пропасть.

Добило нас в Арзамасе-16 посещение поликлиники — единственной больницы города.

Плановые операции там уже не проводятся. Нет ни лекарств, ни обезболивающих

препаратов, ни перевязочных материалов, ни постельного белья...

Мы еще не коснулись главного (об этом в другой главе), а уже и перечисленного достаточно, чтобы догадаться: России уготовано позорное будущее. Она превратится (уже превращается!) в колонию. Но поскольку ее нынешние лидеры, уничтожившие все добытые народом в ходе перестройки завоевания, и в первую очередь свободу слова, тем не менее непрерывно твердят о демократии, писатель Александр Зиновьев очень метко определил их режим, как Колониальную Демократию.

Вот что он пишет о наших "руководящих идиотах":

"Когда стало ясно, что все их затеи с реформами провалились, чтобы спасти свою шкуру, чтобы удержать свои позиции, они встали на путь предательства.

Что сейчас происходит? Происходит разгром страны. Он происходил на уровне Советского Союза. Советский Союз разгромлен. Теперь предстоит дезинтеграция и разгром России — демилитаризация России, уничтожение ее Вооруженных Сил и превращение России в новую колонию нового типа".

Дневник (продолжение)

Наконец определилась граница. Клинтон закончил думать и одобрил действия Ельцина. Ах, какая неожиданность!

Попробовал бы он разогнать американский конгресс — что бы с ним стало?

Определились и Мейджор, и Миттеран, и друг наш Гельмут.

Запад дал свое согласие на существование узурпаторской власти. Я думаю, что согласие это было получено Ельциным заранее. Без согласия Запада эта власть давно уже не предпринимает никаких действий.

Ну а что Кравчук, Назарбаев, Снегур? Поддержали.

Как коммунисты — коммуниста. А вот Илюмжинов не поддержал.

Человек-загадка этот Илюмжинов.

Вот те раз! Вернули Шумейко. Следствие не нашло в его действиях состава преступления.

Уж не ради ли этого была затеяна вся петрушка с переворотом? Не такое дикое предположение. Развалили же Союз ради того, чтобы убрать Горбачева.

Народу вокруг Белого Дома все прибывает. Сегодня через площадь прошло тысячу пятьдесят. Прибыл отряд из Приднестровья.

Большое количество регионов не поддержали Ельцина.

Новый указ: тех, кто не подчинился, снять с работы!

"Народовластие" в действии: снять избранных народом!

Главу администрации Брянской области Лодкина омонцовцы просто вышвырнули на улицу. Избили всех, кто попался под руку.

Однако складывается впечатление, что дела у Власти не так уж хороши. Сейчас бы им получить парочку-троечку жертв, подобно тем

ребятам, которые в августе 1991 года бросились под горящий слепой танк.

Не успел подумать, как поступило сообщение о жертвах. На Ленинградском проспекте совершено нападение на штаб СНГ. Убиты милиционер и женщина в окне — метрах в трехстах от места трагедии.

Дело темное. Арестовано девять человек, но тот, кто якобы стрелял, нет. Задержан подполковник Терехов. Но — дома. Выманили обманом из дома и арестовали. Я видел этого Терехова однажды. Фанатик. Такой, конечно, способен натворить дел. Но в данном случае — что-то нечисто. Адвокат Терехова рассказывает: били его так, как в последний раз били при Сталине. Передавали из рук в руки.

Нет, дело темное. Очевидцы утверждают: была обычная мафиозная разборка. Отсюда и стрельба.

Интеллигенции у Белого Дома мало. Не зря два года старались средства массовой информации — разжигали ненависть к депутатам.

В день переворота, буквально за несколько часов до него, состоялся у меня разговор с одним деятелем искусства. Я пожаловался, что нет анекдотов. Свидетельство того, что общество безнадежно больно. Раньше что бы ни выкинуло правительство, на следующий день — новый анекдот. И жить как-то становилось легче.

— Ну почему же, — сказал мне деятель. — Недавно мы с женой слышали анекдот. Очень смешно... "Можно ли приватизировать конституцию? Можно. Если каждому депутату дать по статье".

Такие дела. Известный пианист предлагал бить идеологических противников канделябрами, ярая демократка Ирэн Андреева на встрече в

Большом театре умоляла Ельцина применить старые методы пропаганды ("Борис Николаевич! Вы же сами бывший парторботник, вы должны помнить, как это делается..."), теперь вот — каждому по статье.

И отчаянные головы в Белом Доме не отстают от своих противников. Улучшили Кодекс. Статью о посягательстве на конституционный строй дополнили фразой "вплоть до расстрела".

Большой демократ предложил эту поправку.

Хотя, если честно: есть ли преступление более тяжкое (кроме зверского убийства, конечно), чем посягательство на конституционный строй, народовластие?

В Белом Доме между тем отключены телефоны и электричество. Нет воды. Не работают насосы в подвале. Дом был построен неудачно — внизу скапливаются грунтовые воды. Их надо все время откачивать.

Вода в подвалах прибывает. Вот-вот прорвет канализацию. Пресса ликует:

— Скоро депутаты захлебнутся в экскрементах!

Подтягиваются подразделения внутренних войск. Кольцо оцепления вокруг Белого Дома становится все плотнее.

А коммунаки-то были помягче. И почестнее. Те три дня в августе я провел в Белом Доме. Защищал "демократию". Никто у нас ни телефоны, ни свет не отключал. Жили мы вполне комфортно. Помню последнюю ночь, с Ростроповичем. Шампанское лилось рекой. Никто на нас не нападал, не стягивал оцепление. Наоборот, мы оцетинились стволами танковых пушек.

Нет, эти ребята пожестче. Цацкаться они не будут.

А мы коммунистов упрекали в жестокости.

Впрочем, что я говорю? Ельцин — разве не коммунист? Я как-то периодически забываю об этом. 12 июня 1991 года, например, забыл. Начисто вышибло из памяти.

Ну как можно было сделать карьеру в партаппрате, в старом партаппарате — карьеру до кандидата в члены Политбюро! — ни разу не предав, не продав, не промолчав, когда надо было кричать во весь голос, не переступив через труп товарища, образно говоря — не взорвав Ипатьевский дом?

Никак. Не будем больше забывать об этом.

Ах, "наперсточники"! Все лето пугали народ: Верховный Совет хочет ввести цензуру на телевидении!

Наступил момент, когда Верховный Совет ничего не может.

И что?

Хоть слово правды вы слышали с телевизионного экрана? Кроме, конечно, сообщения о том, какое сегодня число.

Милые девушки-дикторы стали вызывать физическое чувство брезгливости. Девчонки, мерзнущие в подъездах гостиниц в ожидании клиентов, кажутся чище и честнее. Они не позволяют насиловать себя.

Пора нам вспомнить, как мы умели воспринимать телевизионные сообщения десять лет назад. Хорошо тогда знали эту науку — умение вылавливать слово правды из моря лжи.

Все, что говорят с экрана, надо понимать с точностью до наоборот.

Если говорят — белое, значит — черное.

Если — нет, стало быть — да.

Например, если говорят, что силу применять не будут, значит — будут непременно.

Раньше можно было включить "Свободу" или Би-Би-Си.

Была такая привычка на Руси — ночью слушать Би-Би-Си.

Теперь и западные радиостанции врут то же самое, еще и покруче.

Это что же получается? Сомкнулись интересы?

Теперь полистаем "прогрессивные" газеты. Заметка: "Коммунисты обгадили Белый Дом".

Оказывается, защитники Белого Дома писают в кустах.

А демократы, стало быть, нужду не справляют? Тогда вопрос: а мы с вами, в том августе, 20 тысяч человек, где писали, а?

Молодежная газета переименовала Белый Дом в БиДе.

Клозетное остроумие. Впечатление, что авторы сочиняют эти репризы, тужась на толчке.

Застрелился мой любимый писатель Вячеслав Кондратьев. В газетной заметке: "Тайна смерти Кондратьева окутана мраком".

Никакой тайны нет.

Последние годы знаменитый писатель нищенствовал. Взгляды его хорошо известны, он не раз высказывал их в печати. Сил смотреть на то, что сделали с его страной, у него больше не осталось. Он последовал за Юлией Друниной, тоже фронтовичкой.

Последнюю точку поставил пулей. Из пистолета, с которым прошел всю войну.

Как и перед референдумом, началась раздача фальшивых векселей.

Сообщение: цены на хлеб будут отпущены не с первого октября, а с пятнадцатого. (Помните,

перед референдумом Ельцин сказал: цены на бензин подняты не будут. Закончился референдум — подняли.)

Какие можно сделать выводы из нового сообщения?

Во-первых. Покупают народ. Дешевым и верным способом. Решили пока его не раздражать.

Во-вторых. До 15 октября рассчитывают покончить с Белым Домом.

Еще сообщение: сотрудникам силовых министерств повысили зарплату. Двумя неделями раньше всем этим ведомствам было отказано в прибавке.

Выходит, решение о разгоне парламента было принято недавно, не раньше чем две недели назад.

Популярная газета публикует исторические анекдоты. Уже празднуют победу — решили, что теперь со страной, с ее историей, с народом и его великими предками можно делать что угодно. Анекдот такой:

"Русский гений, Александр Васильевич Суворов, с детства любил кричать петухом. Бывало, посреди битвы вдруг выскочит, как закричит петухом — маленький, встопорщенный, просто ужас! А враг видит: с ненормальным нужно воевать — и давай Бог ноги!"

Сегодня прочел в газете про себя. Между прочим, в хорошей компании оказался — Александр Зиновьев, Татьяна Корягина, Юрий Власов... Оказывается, все мы "на каком-то повороте истории выпали из кибитки..."

Автор статьи не уточняет — на каком.

Я ему подскажу. На том самом повороте, когда вдруг выяснилось, что плодами наших усилий по разрушению тоталитарной системы,

результатами борьбы всего общества решили воспользоваться жулики. Я даже дату этого исторического поворота могу назвать — 21 августа 1991 года. И кроме себя, нам винить некого. Мы сами вложили знамя демократии в руки жуликов.

Вчера вбегает ко мне человек — глазки горят, дрожит от возбуждения:

— Анекдот!

— Давай.

— Знаете, как называют Невзорова?

— Ну.

— Шестерка с двумя нолями!

Нет, рано им праздновать победу. Нет, плохи у них дела, раз даже привычное остроумие отказало.

Кем угодно можно назвать Невзорова. Но только не "шестеркой". Ибо он — вождь. И по характеру, и по положению. Ну, раз уж вы его так ненавидите, назовите его вождем люмпенов. Хотя по мне: обездоленных и несчастных.

Да, он им служит. Как вы верно и истово служите Власти. Но служение народу, каким бы он плохим ни был, всегда считалось почетной обязанностью русского интеллигента. Конечно, и Невзоров работает с перебором. Но учитывая, что вас — тьма, а он — один, у вас десятки часов эфира, а у него секунды, — нормально. Вполне дозволенный прием.

А вот анекдот про Невзорова придумала действительно "шестерка".

Смелых у нас ненавидят сильнее, чем трусов. Такова природа человека. Если сделать выбор в пользу смелости, то и самому нужно быть смелым. Трусом быть легче.

В Белом Доме есть аварийная электростанция. Бросились к ней, а солярки нет. Вот

вам и "такие-сякие, хитрые и расчетливые"... Эти хитрые и расчетливые нардепы даже соляркой не запаслись на случай блокады. Не предвидели. Хотя им впрямую грозили разогнать парламент. Ельцин обещал боевой сентябрь — он наступил.

Есть у меня знакомый — бывший хулиган из Казани, Сережка Шашурин. О нем как-то была передача по телевидению.

Этот Сережка с друзьями купили на свои деньги бензовоз с соляркой. Бензовоз не пропустили, задержали еще на Можайке. Тогда они перелили солярку в бочки, погрузили в багажники автомобилей и привезли к Белому Дому. Там с боем, с помощью казаков протасили солярку через оцепление — дальше народ уже докатил к самому дому.

На следующий день в Белом Доме снова ждали Сережу, он обещал привезти машину продуктов. Он не появился.

Утром, в воскресенье 26 сентября, его арестовали.

Средства информации врут, что в Белом Доме раздают оружие больным, не способным себя контролировать людям.

Ложь.

Врут также, что сотрудницы аппарата стали заложницами Дома. Получили приказ: не покидать рабочие места.

Ложь. Я разговаривал с этими женщинами. Они много умнее и благороднее однополых с ними телевизионщиц и газетчиц, распускающих эти сплетни. Про мужиков и говорить нечего — разве это мужики?

Нет, сломить блокадников будет трудно.

Рядом с Руцким два его брата. Не отходят от него. И раскладушки ставят рядом с его постелью.

Вечером в понедельник подошел к Дому.

Что-то изменилось. Ага! Поступил приказ: выпускать всех, не впускать никого. Ни сотрудников, ни родственников, ни журналистов, ни депутатов. Те депутаты, которые ушли ночевать домой (так поступали многие до сего дня), завтра в Белый Дом уже не попадут. Потом пресса объявит, что вот, мол, самые разумные ушли из Белого Дома...

Вернулся к себе на квартиру, включил телевизор. Диктор:

— Правительство обдумывает вариант пресечения допуска кого-либо в Дом Советов... Во как!

Правительство только обдумывает, а там, у Белого Дома, уже обдумали!

Нам всегда не везло с вождями. Кто только ни побывал на Олимпе власти: и фанатики, и тираны, и любители гопака, и коллекционеры иномарок, и кумиры западной публики...

Но таких, как сейчас, еще не было.

Итак — жесткое кольцо блокады. Солдаты со стальными щитами. Колючая проволока по всему периметру. Концлагерь. Пока еще нет сторожевых вышек и часовых с собаками.

Среда, 29 сентября. Разговаривал по телефону с Иосифом Кобзоном.

— Говорят, ты был в Белом Доме?

— Был.

Как попал? Поделись.

Он рассказал, как было дело.

Иосиф обратился к своему приятелю, большому начальнику. Тот сказал:

— Попробую что-нибудь сделать. Я тебе перезвоню утром.

Утром звонит:

— Выполнишь поручение?

— Да.

Словом, пошел Иосиф парламентаром — предлагать защитникам Белого Дома условия противной стороны. Перед этим позвонил Люде, жене Руцкого:

— Что передать мужу?

— Ой, Иосиф, можно я с тобой пойду?

Иосиф звонит Панкратову, главному милиционеру Москвы:

— Жене — можно?

— Нет! Приказано пропустить вас одного.

— Так ведь — жена!

— Я сказал: нет!

Снова звонит супруге Руцкого:

— Не разрешает.

— Хорошо, Иосиф. Я тут собрала посылочку — носки, платки, трусы. Возьмешь?

Иосиф снова набирает номер Панкратова:

— А посылочку — носки, платки, трусы — можно?

— Нет!

Посылочку с носками пропустили бы и в тюрьму.

Трагедию на Ленинградском проспекте вроде бы не удалось использовать против защитников Белого Дома. В противном случае только об этом бы и верещала вся пресса. Нужна была новая жертва. Ее ждут прямо-таки с вожделением.

А пока всех, кто погиб в Москве, списывают на Руцкого с Хасбулатовым. Например, жертвы в автомобильных авариях... Виноват Белый Дом. Из-за него — пробки на дорогах.

Заторы страшные. Перекрыты все проезды вокруг Белого Дома. Перекрыта важная артерия — набережная. Одно время была перекрыта Беговая. А ее — зачем? Закрыта Красная Пресня.

От Белорусского не пропускали... Аварии, жертвы...

Виноват Белый Дом. Почему заперлись, почему не сдадут оружие и не выйдут?..

"Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать."

Есть! Ключуло!

Произошла настоящая трагедия на Баррикадной. Погиб подполковник Владимир Григорьевич Рештук.

Владимир Григорьевич погиб, когда демонстрантов уже разогнали. Улица была пуста. Тяжелый тягач оттаскивал в сторону поваленный демонстрантами вагончик. Вагон пошел юзом, три милиционера успели отскочить, Владимир Рештук — не успел. Так описывает происшедшее очевидец трагедии Алексей Косульников ("Новая ежедневная газета", 01.10.93).

Далее Косульников пишет:

"Страшнее смерти может быть только ее трактовка... Смерть страшна всегда — безотносительно к обстоятельствам. И грустно, и больно, и стыдно становится, когда выясняется, что гибель отца пятерых детей стала еще одним тактическим аргументом в странных разборках, которые уже успели малость поднадоесть моему городу."

Да, Алексей. Ужасно еще и то, что Они ждали этой смерти, ждали с вожделением. И мгновенно придумали складные версии. Только истина никого не заинтересовала. Зря. Можно было и истину повернуть в свою сторону, сделать, как вы пишете, "тактическим аргументом". Вариант: вагончик перевернули демонстранты; демонстранты вышли на улицы потому, что Те заперлись в Белом Доме; если бы Руцкой сдал

оружие и выполз на коленях к победителям, Владимир Рештук остался бы жить...

Теперь Они, как упыри, будут ждать новой крови.

Не удивлюсь, если пристрелят своего.

Я им НЕ ВЕРЮ.

Ощущение, что штурм все-таки будет.

Сильная накачка идет по телевидению.

"Правительство Москвы не может смириться с тем, что в центре столицы существует такой очаг напряженности."

"Рейтинг Ельцина падает... Объясняется это тем, что люди ждут от Президента решительных действий."

В среду вечером мне показалось — сегодня они и начнутся, решительные действия. Прибыли военные пополнения, появились бронетранспортеры; мы работаем в Киноцентре, рядом с Белым Домом, — солдаты уже заблокировали вход в Киноцентр. Кольцо вокруг осажденных расширилось — обеспечена свобода действий.

В Белом Доме надели противогазы. Они остались еще с того, августовского, путча.

Часов в шесть вечера я был у одного известного на всю страну бизнесмена. Он хватал меня за рукав и шептал:

— Не езди туда, не езди! (Я ехал в Киноцентр.)

— Почему?

— Сейчас будет штурм. Козырев только что заявил Клинтону, что в ближайшие часы ситуация будет решена.

Ночь прошла тревожно.

Рассвело — и рассеялись облака. Опять неуловимо изменилась обстановка вокруг Белого Дома. Штурмом не пахнет. Что произошло?

Собрался Совет представителей регионов. Поставил ультиматум: снять осаду с Белого Дома. Иначе и мы блокируем вас —отрежем газ, нефть, перережем железнодорожные магистрали... Да, поддержка более чем серьезная. Но Они пошли ва-банк, наплевали бы и на регионы. Должна быть причина еще более существенная.

Лихорадочно листаю утреннюю газету.

Вот она — причина!

Госсекретарь США У.Кристофер погрозил пальчиком:

— А не нарушаются ли у вас там права человека?

И все изменилось. Треснул телевизионный экран, образовались малюсенькие щелочки — оттуда, как божьи коровки, стали расползаться малюсенькие правдочки.

Воздух изменился — стало легче дышать.

Сегодня — пятница, 1 октября. Белый Дом держится десять дней. Вот и все новости на этот час.

Продолжим работу над книжкой.

Нет! Не могу удержаться, должен пересказать три свежих телевизионных сообщения.

Первое: правительство доводит до сведения населения, что цены на хлеб, возможно, будут отпущены даже не с пятнадцатого октября, а значительно позже.

Заерзали! Но не поздно ли? Например, в Сыктывкаре цены на хлеб уже отпущены.

Второе сообщение. Диктор с гордостью:

— Администрация США официально заявила, что она собирается включить Россию в список развивающихся стран...

И третье. Репортаж с какого-то благотворительного мероприятия в центре столицы, где раздавали бесплатную похлебку старикам. Интервью с посетительницей.

Старушка:

— Не ожидала, что в конце жизни встречу такую заботу о нас, стариках...

ПЛЕМЯ РАБОВ

Дети.

Вот наша главная тема. Где бы мы ни были, мы наблюдали за детьми. Потому что понимали: будущая Россия — это ее граждане. Какими будут граждане, такой будет и страна.

Дети у нас прекрасные, что говорить. Это мы всегда умели — детей делать. Сейчас, правда, все реже. Смертность превысила рождаемость.

Неужели мы ослепли? Неужели Бог снова отнял у нас разум? Не видим самого губительного для страны процесса.

Слово митрополиту Иоанну:

— Мы изуродовали души наших детей отравой потребительства и грязного разврата, растлили целое поколение молодежи, низведя до скотского уровня тупого биологического прозябания.

Одно изуродованное поколение уже выросло, подрастает другое. Ему нанесены такие моральные увечья, после которых уже не оправиться.

Детская проституция, детская порнография (есть уже и такое), дети — наемные убийцы, дети на службе в мафии... А-а, кого теперь этим удивишь!

А как они разговаривают между собой, наши дети, вы слышали? Я гуляю с собакой — хожу мимо школы.

Сидят три ученицы на качелях. К ним приближаются два одноклассника. Одна из девочек, растягивая слова, с нарочитым украинским акцентом, громко говорит:

— Ой, девки-и, снимайте плавки-и!

Идут передо мной двое пацанов, разговаривают:

— Ты Люську трахал?

— Не... Она — целка. Ничего, кроме минета, не умеет...

Разговор в моем подъезде:

— Где Ленька?

— Дома... Учится...

— На кого? На дебила?

— А тебя это ебет?..

Покорно прошу извинить меня, но из песни слова не выкинешь.

Дети на лету схватывают все, чему их учат взрослые. Матерные слова, как и иностранные, прочно закрепляются в русском языке. Дети смотрят кино, крутят видик, иногда перелистывают газеты.

Заголовок в молодежной газете: "Сам ты обосрался!".

Безобидное вроде бы дело — дети моют машины, приторговывают бензином... Были у меня два приятеля, служили в "Известиях" (сейчас оба в Америке). Все, бывало, спорили со мной:

— А что в этом плохого? Ребенок с детства приучается к труду...

Ишь ты! А у вас в Америке благополучный родитель выпустит своего ребенка на проезжую часть улицы? На весь день... Это во-первых.

Во-вторых, эти дети не учатся. А если учатся, то плохо. Мы первого сентября проехали по улицам Москвы. Разговорились с первыми же двумя пацанами на набережной, прямо под зданием парламента.

— Почему не в школе?

— Отучились!

Оба пацана школу бросили.

Скажите, нужны России необразованные граждане?

Конечно, если вы твердо решили превратить Россию в Сомали, тогда вопрос снимается...

И еще один вопрос. Дети лавочников, коммерсантов, банкиров, дети бойцов "пятой колонны", дети высоких чиновников и правительства — продают бензин на улицах? Или они учатся в престижных школах?

И третье. Эти подростки быстро криминализируются. Курят, пьют, матерятся, обманывают покупателей; у них свой рэкет, свои разборки, свои авторитеты...

Совершенно ясно, что трудятся на улицах дети родителей с низкими доходами — как правило, самой честной категории общества. Дети интеллигенции, рабочих...

Иного родителя вызывают в школу, отчитывают:

— Ваш ребенок не посещает занятия...

Папаша смущенно разводит руками:

— А что я ему скажу? Он приносит в месяц столько, сколько я за год не заработаю. Как бы мы жили, если не он...

75 лет назад в России произошел интеллектуальный переворот. Дети рабочих и крестьян получили право на достойное образование. Дети интеллигенции, духовенства, аристократии и дворянства не могли поступить в вуз — требовалась справка о рабоче-крестьянском происхождении. Они прожили жизнь в темноте, в нищете, многие пошли по тюрьмам...

За семь десятков лет в стране образовалась новая интеллигенция, рабоче-крестьянская. Теперь уже многие дети этой интеллигенции не смогут получить достойного образования. Кстати, дети рабочих и крестьян — тоже. В Москве, например, есть школа, где обучение стоит 4 миллиона рублей в год. Сейчас, наверное, больше — в связи с инфляцией.

В этой школе учатся дети нуворишей.

В девять утра к школе подъезжают ино-марки. Ученик, сопровождаемый мамой, папой, а чаще всего шофером или "бультерьером", входит в школу. Его будут учить несколькими иностранным языкам, лучшие педагоги будут трудиться над его слабым умом. Детки эти, к сожалению, не самые умные и не самые способные — большинство не выдержало самого примитивного теста при поступлении в школу.

— Ну что ж, — возразит мне ушлый "демократ", — со временем и из детей нуворишей вырастет новая интеллигенция.

Да, конечно. Вырастет. Лет через семьдесят. Такое впечатление, что всем нам жить, как библейскому Ною, — по триста лет. Так легко мы оперируем историческими категориями.

Иду по Невскому. Толпа. Небольшой ансамбль исполняет "Мурку".

Бессмертная, неувядающая "Мурка". Сколько лет песне, а она все живет и, кажется, достигла пика популярности.

Кто из нас не пел знаменитую "Мурку"? Но — дома, в шумной компании... С эстрады, даже такой импровизированной, ее все-таки не исполняли. Значит, жив был в обществе инстинкт самосохранения — на улице, в общественном месте нельзя! Нельзя, потому что дети... Потому что — воровская романтика, легко купиться на нее...

Похоже, сейчас этот общественный инстинкт умер. Вот и поперли на эстраду, на экран новые герои — преступники. Постепенно в голове юного зрителя складывается убеждение: а что? вор — такая же профессия, только рискованная и интересная...

Как-то мы попали в детский приемник. Они сейчас переполнены в каждом российском городе. Сюда собирают детей, убежавших из дома. Они там содержатся, пока родители не заберут их. В основном там мальчики, но есть и девочки.

Разговорились с пацанами.

— Ребята, какие вам профессии нравятся?
Кто кем хочет быть?

— Кооператором!

— Кооператором!

— А ты?

— Не, я кооператором не буду.

— А кем ты хочешь стать?

— Коммерсантом.

— Почему?

— Ну... денег много ..

— А ты думаешь, коммерсанты — это те, которые в ларьках работают?

— Нет, почему, можно магазин открыть...
Одежду всякую продавать...

— А я уже работал в ларьке. У брата. Два "лимона" стырил и убежал.

— И что с ними сделал?

— Пропил, проел...

— Как тебя зовут?

— Антон.

— Разве может человек с таким именем быть бандитом?

Ребята хором:

— Может!

— Знаешь, был писатель с таким, как у тебя, именем. Антон... Кто подскажет?

— Пушкин!..

— Нет, не Пушкин. Антон Павлович Чехов... Кто из вас хочет быть писателем?

— Писателем — неинтересно.

— А космонавтом?

— ...

— А шофером?

— Я! Я хочу быть шофером.

— Почему?

— Там "шару" всегда можно сделать...

Ребята смеются:

— У него все профессии к воровству сводятся...

— Ты ворешь?

— Ага.

— Тебе что, в тюрьму хочется?

— Не, на воле лучше.

— Ты думаешь, можно воровать и не попасть в тюрьму?

Опять хором:

— Можно!

— Можно, но только осторожно...

— В тюрьме тоже жить можно.

— А что ты там будешь делать?

— Перстаки.

— Перстаки? Что это такое?

— Наколки на пальцах.

— А потом, когда выйдешь из тюрьмы?

— Можно в Китай поехать.

— Там что будешь делать?

— Китайцев бомбить, чего еще!

— Китайцы богатые?

— Богатые. Вы на Первую Речку съездите, посмотрите, какие у них вещи...

— Поднимите руки — кто курит?

— Тут все курят, дядя.

— А ты, Леночка?

— Я с семи лет курю.

— Здесь-то вам не дают?

— Не дают.

— Здесь табака нету, уши отваливаются.

Но вот когда на волю выйдешь, так пьяный два месяца ходишь.

— Я один раз выпил — меня в вырезвитель отвезли...

— А я как-то большой стакан водки выпил, кислой капустой закусил... Так меня в больницу увезли, желудок прочищали...

— Так... Значит, пьете, курите... Наркотики употребляете?

— Нет, наркотики — дорого.

— Сколько?

— 5 тысяч — папираса.

— "Химка" дешевле, 700 рублей — одна мастырка...

Ну, и так далее. Разговор был длинный.

Убийственное впечатление произвел на нас город Забайкальск в Читинской области.

Весь город занимается тем, что грабит железнодорожные вагоны, идущие из Китая. В вагонах — обувь, сигареты, водка, пиво, пуховики, пуховые одеяла, аппаратура, велосипеды...

Грабят в основном дети и подростки.

В день, когда мы посетили Забайкальск, на станцию прибыли вагоны с автомобильными аккумуляторами. За ночь вагоны разграбили.

Ходим по "улице миллионеров" (так называется улица, примыкающая к железнодорожным путям, — очень удобно грабить) и везде натываемся на аккумуляторы. Воры, почуяв опасность, бросают наживу. Вот идет мальчишка с аккумулятором под мышкой, увидел милицейский газик, бросил добычу через забор, в огород с картошкой, и убежал.

Ходим с оперработниками и собираем воровскую добычу. Откроешь дверь в какой-нибудь сарай или дровяник — так целый склад наворованного. Так вот открыл я дверь в какой-то сарайчик — мать честная! Три трупа! Один — уже разложившийся, черви в глазницах.

Смотрю — и милиция, начальник милиции, в недоумении:

— Откуда трупы?

Потом уже выяснилось — улов за ночь. Подобрали в степи, на путях... Сложили в сарае...

Вагоны грабят не только забайкальские дети.

Приезжают и из других городов, даже из Москвы.

Разговариваю с ребятами из города Борзя, расположенного неподалеку от Забайкальска. Приехали на пару дней — пограбить вагоны. Мальчики и девочки от 10 до 14 лет

Чем-то напуганы. Оказывается, случилось несчастье.

Заночевали, как всегда, в вагоне. Крепко выпили накануне... Спрашиваю самого маленького:

— Сколько ты выпил?

— Три бутылки китайского пива.

Одному стало дурно:

— Выйду подышать.

Вышел, заснул на путях, и его переехал поезд. Отрезал голову.

Спрашиваю ребят:

— Видели своего товарища? Задумались?

— Да. Пора завязывать,— рассудительно говорит один из пацанов.

Нет, они уже не "завяжут". Нельзя будет грабить вагоны (каждый день усиливают охрану), найдут другой промысел... Почти все они — безотцовщина. Каждый помогает матери.

Появился у меня в Забайкальске приятель. Максим, 10 лет. Крупный ас — по вагонам. Утром милиция его задержала (нес сумку с китайским барахлом) — вот мы и познакомились. А вечером неожиданно снова встретились на путях. Сели на рельс, поговорили.

— Не надоело воровать-то?

— Пошто?

— Подстрелить могут.

— Ух, да! Вчера прямо над ухом пуля просвистела.

— Ладно брехать! Кто в тебя будет стрелять? В воздух охранник стрелял...

— Он пьяный был. Точно говорю, метрах в двух от меня, в рельс пуля ударила...

— Ты куришь?

— Ага.

— Какие сигареты предпочитаешь?

— "Мальборо".

— Почем?

— В вагоне-ресторане — тысяча чы-
реста.

— Сколько у тебя уходит в день?

— Если "Мальборо", то — две пачки.

Максим сидит и крутит в руках бумажки —
несколько двухсотрублевых купюр.

— Денег у тебя много?

— Не-а...

— Что, вот это — все? — показываю на ку-
пюры в его руках.

— Это? Какие это деньги! — взял и выб-
росил купюры. Их понесло ветром по путям.

— Нехорошо.

— Пошто?

— Нехорошо бросаться деньгами.

— Разве это деньги?

— А вот скажи, Максим, денежная рефор-
ма, этот вот обмен денег тебя коснулся?

— Ага. Пропали денежки.

— Много?

Покосился хитрым глазом.

— Да говори, я же не милиция.

— Полтора миллиона.

— Что же не обменял? Или не продал —
подешевле?

— А кто купит? Тут у всех такие деньги.

— У тебя родители есть?

— Мать.

— Она работает?

— Болеет.

— Помогаешь ей?

— Ага.

— Сколько даешь?

— Хватает.

— А себе что-нибудь покупаешь? Аппаратуру там, видик...

— Был китайский магнитофон. Фуфло! День поработал и сломался... Мотоцикл вот купил. Японский.

— У тебя же прав нет. Зачем он тебе?

— Пусть стоит.

— А книги у тебя есть?

— Пошто?

— Пошто, пошто! Грамоту знаешь?

— Ну.

— Читаешь какие-нибудь книги?

— Ага.

— Какие? Какой тебе писатель нравится?

Подумал секунду:

— Толстой... Лев.

— Да ну! И какие ты книги его читал?

— Все.

— Все девяносто томов?

— Ага...

Такой у нас состоялся разговор с мальчишкой из Забайкальска.

Дети Забайкальска занимаются не только грабежом вагонов. Грабеж — дело ночное. Днем они трудятся рикшами у китайцев. Перевозят им грузы. Платят китайцы хорошо, ребята не жалуются.

Спрашиваю:

— Довольны жизнью?

— Довольны! — радостно вопят в ответ.

Если кто-то из правительства однажды посетит Забайкальск, его встретит надпись у въезда в город: "Спасибо родному правительству за наше счастливое детство!".

Кстати, Виктор Черномырдин чуть-чуть не добрался этим летом до Читинской области. Мы были во Владивостоке, когда и он туда приле-

тел. Сто человек свиты, два огромных самолета...

Надо заметить — из Москвы во Владивосток мы не могли вылететь два дня. В Приморском крае не было керосина. Не было его и к моменту, когда нам надо было улететь обратно. Вообще — в аэропорт не пробиться. Все милицейские машины, все руководство края уехали провожать премьера. Прилетал он на один день. Зачем? Что можно было решить за одни сутки? А сколько матерей с детьми томились в это время в аэропортах страны (время отпусков). Они не могли вернуться домой — Владивосток не принимал. Спали вповалку на полу; духота, вонь, в туалет не набегаешься — сто рублей стоило летом посещение туалета в Домодедовском аэропорту.

Так мы и не вылетели из Владивостока. Решили ехать поездом до Хабаровска и попытаться улететь оттуда. Приезжаем, а он там — Виктор Степанович! Два самолета, сто человек свиты... И опять — на одни сутки.

И опять — не улететь из аэропорта.

Ладно, мы ребята бывалые. Идем к командиру авиаотряда:

— Помогите!

— Вот что, ребята, — объясняет он нам, — сейчас прилетит резервный "борт" из Москвы, попробуйте договориться с охраной...

— Простите, какой борт?

— Резервный.

— За кем?

— За кем, за Черномырдиным!

— Он же и так на двух самолетах...

— О, Господи, так положено! Когда летит член правительства, один борт должен быть резервным.

— Когда оно было, это положение? При коммунистах...

Улыбнулся:

— А что изменилось?..

— Так вы говорите, пустым "борт" прилетит?

— Пустым.

— И пустым полетит обратно?

— Да.

— А пассажиры, которые не могут вылететь? Женщины, дети...

Опять грустно улыбнулся:

— Вопрос не по зарплате...

Нет, мы не стали договариваться с охраной. Плюнули на все и поехали в Читу. Спасибо Виктору Степановичу — если бы не он, никогда бы не побывали в Забайкальске.

Чтобы увидеть, как гибнут дети, как калечатся их души, вовсе не обязательно ехать в Забайкальск. Туда нас ветром занесло. Мы могли выбрать объект поближе к столице.

Скажем, петербургский морской порт.

Тучи детей совершают там ежедневно набеги на вагоны с сахаром. Пробивают ломом днище вагона, высыпают сахар прямо на шпалы, собирают в мешки и несут через забор и дальний пустырь к тому месту, где их ждут грузовики со взрослыми дядями.

Вовсе не хочу сказать, что все наши дети такие. Что все наши дети криминализированы.

Но есть тенденция к росту криминальности среди детей и подростков. Причем тенденция устойчивая.

Любой ученый-экспериментатор подтвердит: когда есть устойчивая тенденция, нет необходимости продолжать эксперимент — результат уже ясен.

Результат ясен. Растет новое — глупое, необразованное воровское племя. Растет нация рабов. Удел ее в конечном счете — служить иностранцам. Китайцам, японцам, американцам, немцам... рикшами, клерками, лакеями... рабами, добывающими руду, пилящими лес, качающими нефть для цивилизованных соседей.

Формируется новый — волчий мир. В нем не будет места таким понятиям, как "честь" и "достоинство", не будет места товариществу и взаимовыручке, по законам этого мира нужно ударить первым, ибо нельзя упасть — затопчут ногами, забьют насмерть.

Вам обещали рай? Как в Америке? Вас обманули.

Вы будете жить в волчьем мире, черты которого уже явственно проглядывают. Но Бог с вами! В конце концов никто вам не приставлял пистолета к виску, не выманивал вашего согласия на собственную смерть.

Обидно другое. В этом мире с вашего согласия и благословения будут жить ваши дети.

Дневник (продолжение)

И снова все изменилось. В самую худшую сторону.

На улицах бушуют толпы. Все под красными знаменами, все: "Назад, в прошлое!".

Властям нужна была кровь, чтобы развязать террор. Она пролилась.

Толпа движется к телецентру.

Неужели это Руцкой крикнул:

— Идите в Останкино!

Никогда бы не поверил. Но вот он на экране. Володя, телохранитель, закрывает его пуленепробиваемым щитком, вот эти слова:

— В Останкино!

Не мне судить его. Я пока еще не был в его положении: униженного, оскорбленного, затравленного; когда каждая "шестерка" может безнаказанно плюнуть в лицо, каждая шавка, каждый трус может издали бросить в лицо ему, боевому офицеру, обвинение в трусости и предательстве.

Скорее всего, это был жест отчаяния.

Ну и, конечно, трагическое непонимание обстановки.

Москва — столица криминального мира. В Москве жуликов уже больше, чем честных людей. А жулики (мы об этом уже говорили) — твердая опора нынешней власти. Это их власть, она породила их и теперь обслуживает.

Почему он выкрикнул эти слова?

Затмило глаза? До такой степени, что гнев с истинных виновников перекинулся на "шестерок"? К тому же безоружных.

Во всяком случае, после слов: "В Останкино!" — можно было подняться к себе, на третий этаж, подумать минуту, достать свой иностранный хромированный пистолет и пустить пулю в сердце. Сейчас уже поздно сваливать на

* Я написал эту страницу 4 октября. Тогда я не знал всех обстоятельств трагедии, дал сбить себя с толку газетам и телевидению — поверил, что действительно состоялся "штурм Останкино". Уже потом, через месяц, просмотрев видеодокументы, снятые многими телеоператорами, я убедился: никакого "штурма" не было, а была "ловушка", хорошо рассчитанная подлость, а затем хладнокровный расстрел безоружной толпы и зевак. Но об этом — позже.

анпиловцев. Обвинение себе Руцкой произнес. Публично, под взглядом телекамеры.

Но все-таки об анпиловцах надо сказать пару слов. Мое отношение к ним известно. Я показал их в фильме "Россия, которую мы потеряли" — застланные ненавистью глаза, портреты Ленина и Сталина в руках; кумачовые флаги... Я много говорил об этом в фильме. "То, что мы имеем, — никакая не демократия, но назад, к Ленину — гибель..."

Я говорил и другое: победу Ельцину на референдуме обеспечили еще и анпиловцы. Они оказали много услуг Власти, а теперь должны были оказать последнюю, решающую. Когда люди видели эти перекошенные от злобы лица, слышали эти крики: "Назад, в прошлое!", они говорили себе: "Тьфу, тьфу! Лучше — кто угодно, хоть воры, но только не эти!".

Последнюю услугу властям анпиловцы оказали 2 и 3 октября. Лучшего подарка Ельцину, чем вот этот — устроить беспорядки на улицах, пойти штурмом на телецентр — они сделать не могли.

Мне симпатичен Руцкой. У нас был с ним разговор на эту тему 27 сентября. Мы с депутатом Сашей Тихомировым зашли к нему. Он был уже затравлен, измотан до предела, ел в задней комнатке холодный суп из термоса. Мы поговорили.

— Неужели вы не видите, — сказал Саша, — что Дом окружен красными флагами, на стенах антисемитские лозунги...

— Где? — спросил Руцкой.

— Ну есть, есть, — продолжил Саша, — есть и такие лозунги. Нормальные люди связывают парламент с "красными". Это только отпугивает здоровых и честных людей...

Руцкой молчал.

— Почему не отмежуетесь от них?— спросил я.— Анпилов обязательно выкинет что-нибудь такое, что погубит все ваше справедливое дело...

— Я вам скажу так,— сказал Руцкой.— Если бы не Анпилов и его люди, никто бы не пришел защищать Белый Дом...

Да, скорей всего, так бы и вышло.

Ну и что?

Даже если бы пришли всего две старухи, встали бы перед парламентом и сказали: "Нет! Вы можете раздавить демократию, только раздавив нас!" — пользы было бы больше.

Страх. Гены страха, внесенного еще Лениным в живой организм народа, шевелятся. Бездействуют, но не умерли. И, забегаая вперед, скажу: то, что произошло 4 октября, вот этот осуществленный с восточной жестокостью расстрел парламента, расстрел женщин и детей на глазах у всего народа, вся эта варварская и даже бессмысленная в военном плане акция на самом деле была далеко не бесполезной. Она означала полную и безоговорочную победу режима — сразу, на всех фронтах. Разрывы танковых снарядов внутри здания произвели целый переворот в душе народа. 4 октября запомнится ему навсегда.

Нас пугают тем, что было бы, приди к власти ортодоксальные коммунисты. Я не знаю, что было бы. Я вижу — что есть. Что натворили коммунисты-перевертыши.

Более черного и грязного дела они уже не сотворят. Если говорить о моральном состоянии народа, то он оказался отброшенным на много лет назад — в самые жестокие годы реакции.

Люди увидели, как убивают людей. Всех, без разбора.

Ожил годами дремавший в людях страх.

Теперь с этим народом можно делать что угодно.

Но вернемся к тому нашему разговору с Руцким. Что бы сегодня ни говорили про него, лишено возможности отвечать и оправдываться, не верьте. Руцкой никогда не был "красным". (Кстати, только что прочел в "Известиях" интервью с Андреем Козыревым. Руцкой признался ему: "Я ненавижу красно-коричневых!")

Но в последние дни своей политической жизни он был с ними. Вернее, они были — с ним.

Главные события трагического воскресенья 3 октября прошли мимо меня.

Днем состоялся обстоятельный разговор с художником Михаилом Шемякиным.

— Я вчера был на Смоленке, — рассказывал Миша, — видел этот народ с металлическими палками и камнями... Слушай, страшные люди! — Подумал минуту: — И другие — страшные. Почему, почему здесь так много жулья? Нельзя узнать Москву...

Возвращаясь от Миши, я заехал на Смоленскую площадь. Мирно прогуливающийся народ с Арбата доходит до Смоленки, дивится на солдат с щитами, перегородивших выход на площадь. Идет обратно.

С чистым сердцем я поехал домой. Было два часа дня.

В 9 часов мне надо было быть на телевидении. Неделю назад звонили от Диброва, пригласили на передачу. Потом дней пять молчали, видимо, утрясали вопрос с начальством. В

субботу снова звонок — все согласны. Днем в воскресенье позвонила ассистентка:

— Ждем вас в 9.

— Хорошо.

Без четверти девять подъезжаю к телецентру. На улице Королева — баррикада, не пропускают. Я повернул направо, объехал главный корпус с тыла. Опять — баррикада (дерево положено среди дороги). Двое пацанов.

— Ребята, пропустите, у меня передача.

— Какая передача? Там стреляют.

— Вы меня знаете?

— Знакомое лицо.

— Пропустите посмотреть!

— Ну, раз охота под пули, ставьте машину во двор и идите пешком.

Напоследок спрашиваю:

— А вы ребята, за кого?

— Мы... в общем, мы — против Ельцина...

Пацанам — лет по 14-15. Ни оружия, ни палок. Может, это и были — "боевики"?

Подошел к телецентру. В обоих зданиях погашен свет. Вот тебе и 45 минут прямого эфира! А я-то оттопырил губу.

Время от времени кто-то постреливает. Туда-сюда ездят бронетранспортеры. Зевак, однако, много. В основном мальчишки, но есть и люди постарше, и женщины. А рядом, прямо на мостовой — трупы.

Напротив главного входа в Останкино стоит будка, что-то типа аккумуляторной. Там, прячась от выстрелов, стоят человек тридцать. Перебежал туда. Опять — пацаны. Я тогда еще не знал о существовании "боевиков". Про них мне потом объяснили — с голубого экрана. Так вот, может быть, это были — "боевики"? Но ни

оружия, ни палок, ни камней я у них не видел. И настроены они были отнюдь не агрессивно.

К ним подошел бомж:

— Пацаны, поджигайте автомобили! (Напротив главного входа стояли несколько машин сотрудников Останкино).

Один из пацанов громко ответил ему:

— А ты, дядя, оказывается, провокатор!

Ударили длинной трассирующей очередью. Пули прошли в метре от нашего укрытия. Мол, отваливайте отсюда!

— Хватит геройствовать!— сказал я ребятам.

Мы перебежали к толпе зевак.

Потом, уже на следующий день, я перебрал в памяти тот эпизод, вспомнил эти трассирующие очереди и потом холодным pokrылся. А если бы меня подстрелили? Газеты бы написали: "Погиб при штурме Останкино".

Конечно, я не могу считаться полноценным свидетелем. Насколько я понимаю, основные события произошли тремя часами раньше. Газеты описывают их как "яростный штурм".

Случилась настоящая трагедия. Погибли люди. Из-за уважения к памяти убитых мы должны знать правду. Кто напал на телецентр? Сколько было нападавших? Кто защищал телецентр? Сколько? Ответов пока нет. А говорят разное. Говорят, что расстреливали длинными очередями безоружную толпу.

Через три недели после событий, когда в стране началась предвыборная кампания, власти ввели дозированную гласность. Телевидение все еще было глухо закрыто для правдивой информации, но в газетах, особенно мало читаемых, стали появляться какие-то крупницы правды. Так "Независимая газета" опубликовала

рассказ Людмилы Суровой. Она и ее маленький сынишка оказались свидетелями всего происходившего в Останкино.

Людмила Сурова свидетельствует, что штурм телецентра вообще не было. Стояли огромные толпы народа, генерал Макашов выкрикивал в мегафон грубые хамские слова:

— Крысы, выходите! Крысы! Крысы!..

Кто-то из толпы бросил в окно второго этажа взрывпакет. Огромная вспышка, пламя... И тут же — "шквальный пулеметный огонь из второго и третьего этажей телецентра". По толпе — по людям. По женщинам и детям! По тем, кто пытался помочь раненым, по подъехавшей "скорой помощи".

(Людмила Сурова — дама; вряд ли она разбирается во взрывных устройствах. Сомнительно, что это был взрывпакет. Возможно, кто-то из оголтелых бросил в окно гранату. Если — так, то преступление совершено серьезное. Конечно, вовсе не значит, что после этого нужно было стрелять во всех подряд. — С.Г.).

"Теперь я знаю, что такое расстрел,— пишет Людмила Сурова.— Это не может оставить равнодушным никакое живое сердце, на чьей бы стороне оно ни было. Но — живое".

Если сопоставить свидетельство Суровой с тем, что видел я сам (большое количество трупов, которые еще не успели убрать; в основном это были трупы подростков), то можно сделать вывод: истинная картина совсем не похожа на нарисованную средствами массовой информации.

Дня через три гостями одной из телепередач были бойцы отряда "Витязь". Может, как раз те, кто стрелял по толпе? Не знаю.

Но предположим, по безоружным людям стреляли их товарищи. Были убиты и ранены несколько журналистов. Они находились в толпе, значит, были убиты и ранены не "боевиками".

Я отказываюсь что-либо понимать! Что это за ужас, ответьте?! Бойцы "Витязя" получали подарки, какие-то доллары... Из рук других тележурналистов — товарищей тех, что погибли...

Мир сошел с ума.

Возвращаясь домой, я заехал к Белому Дому. Вокруг здания гуляют семьи с детьми. Атмосфера чуть похожа на ту, что была 22 августа 1991 года. Только народу значительно меньше.

Гуляют, смеются, рассматривают надписи на асфальте ("Мы русские, с нами Бог!"), фотографируются...

А в воздухе уже пахло смертью.

Говорят, история повторяется дважды: один раз — в виде трагедии, другой раз — в виде фарса.

На этот раз — все наоборот. Тогда, в августе, был фарс, сейчас на глазах разворачивается настоящая народная трагедия. Уже много жертв.

А вы думаете, Он (или Они), когда сочиняли и выпускали в свет этот указ, не знали, что будут жертвы, будут с обеих сторон? Что погибнут в первую очередь любознательные подростки? И несмышленные дети?

А те, кто призывал их к "решительным действиям", разве не знали всего этого?

Знали — и те, и другие. Ожидали даже худшего варианта — что кровь прольется по всей России.

К оружию звали не только "красные". К кровавой расправе призывала и творческая интеллигенция. Только в силу своей природной трусости не бросала в бой волонтеров из своих рядов — звала на подвиги армию и милицию.

Ценители Достоевского! Любили они щегольнуть фразой: "Не стоит она (высшая гармония) слезинки одного только замученного ребенка".

Отвечу и я им — словами Достоевского.

Не хочу я в ваш колониальный рай. "А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно".

Поразительно! Даже в истинной трагедии присутствуют сцены, как бы поставленные режиссером с плохим вкусом, — сцены фарсовые.

Выступил Гайдар и позвал всех на баррикады. Помните, на предыдущих страницах я писал об огромной армии "бультерьеров", боевые подразделения которых есть в каждом городе. Бойцы мафии. Призыв был обращен в первую очередь к ним. Но воры не откликнулись (на то они и воры!). Они ограничились бутербродами и котлетами по-киевски (всю ночь "защитникам Москвы" тащили пищу из соседних ресторанов).

На призыв Гайдара отозвались честные, наивные граждане.

В тот раз, в августе, мы построили баррикады и просидели на них трое суток. Противник не явился. Но впечатлений нам хватило на два года. Два года мы рассказывали, каким страшным могло быть нападение, какие ужасы могла бы проделать с нами "Альфа".

* Тогда я еще не знал, что "бультерьеры" откликнулись. Бойцы мафии принимали участие в событиях.

В этот раз москвичи просидели на баррикадах сутки. Противник опять не явился. Но впечатлений хватит на год. (На следующий день выступит Гайдар по телевидению и поблагодарит жителей города за неслыханное мужество.)

Кстати, об "Альфе". В тот раз "Альфа" не давала никаких обещаний, но и действий никаких не предприняла. В этот раз (в передаче Политковского "Политбюро") дала обещание: "Бойцы "Альфы" ни в коем случае не будут штурмовать Белый Дом". Тот из нас, кто вспомнил старую науку — смотреть телевизор наоборот, сказал себе: ага! обязательно будут!

Ночь. Уже ясно, что утром предстоит кровавая расплата. Из рук Макашова и анпиловцев власти получили такой козырь, что не сыграть на нем просто глупо.

Последние десять дней почти не было видно на телеэкране представителей творческой интеллигенции. Меня это удивило. Не все же они в Вашингтоне? И вдруг...

Один за другим на экране — популярные артисты и деятели искусства. Вылезли из окопов. Рискуя жизнью, пробрались на Шаболовку. (В полночь я проехал по Москве и не слышал ни одного выстрела, не видел никаких беспорядков — столица жила обычной жизнью.) Деятели искусства, перебивая друг друга, клялись в верности власти. (Того, кто не клялся, например Сергея Жигунова, газеты на следующее утро объявят "не самым умным"; про Политковского с Любимовым скажут, что те были пьяны.)

Вдруг прояснилось, что наши творческие работники не только мужественные и бесстрашные, но и очень решительные. Настоящие мужчины, словом. Любят бифштексы с кровью. Чуть

не каждый второй выступавший требовал жуткой казни отступникам.

— Расстрелять!

— Гильотинировать!..

— Показывать в зоопарке!

А мне все время вспоминался солженицынский "Теленок". Все — не так, но все — очень похоже.

В 7 утра начался расстрел Парламента.

Власть, воодушевленная мощной поддержкой общественности, решилась!

Первыми погибли женщины и дети.

"Эти бронетранспортеры, с ходу ворвавшись на абсолютно не защищенное пространство перед Домом Советов России, расстреляли палатки безоружных постов охраны. В этих палатках оказались в основном женщины и дети. Те, кто был в здании, видели, как трупы их накрыли полиэтиленовой пленкой".

Это пишут в "Общей газете" очевидцы событий Татьяна Романенкова и Алексей Воробьев.

Я провел собственное журналистское расследование и говорил со многими очевидцами. Разговаривал и с женщинами. Не только с женщинами-депутатами, но и с работницами кухни, сотрудницами аппарата. Всех спрашивал:

— Почему вы не ушли из Белого Дома?

Можно суммировать ответы, все они были примерно одинаковы:

— Надеялись, что именно мы, одно наше присутствие, поможет спасти наших мужчин. Там ведь знали, что здесь женщины и дети. Мы надеялись, что возмутится общественность...

"Общественность" возмутилась. Я сам слышал — как. Она и сейчас (сегодня уже 9 октября) не может успокоиться:

— Нужно подавить в зародыше третий путч!

— Никакой жалости к идеологическим противникам!

И прочая мерзость!

ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

"Всю ночь кричали петухи..."

Слушать, как с экрана призывают убивать людей, было невыносимо. Я принял снотворное и велел жене не звать меня к телевизору, кого бы там ни показывали.

Первый утренний звонок: начался штурм.

А то мы не знали, что он начнется.

У меня, кроме собаки, есть кошка. С таким же паскудным характером. Как рожать — так на коленях у Гали, а просто погладить, посадить на колени и поласкать — издерет. Только что исцарапала хозяйку, та хотела погладить ее. Через минуту слышу Галин голос с кухни:

— Ничего тебе не дам! Раз ты царапалась — ничего не получишь!

Я ей кричу из своей комнаты:

— Ты, прям, как Ельцин. "Будете царапаться — отключу свет и канализацию..."

Наконец, жена ушла гулять с собакой. Я прыгнул в машину и помчался на Кутузовский.

Люди идут по своим делам, играют дети, хозяева выгуливают собак, а рядом, за домами, — трескотня автоматных очередей, мощная, как работа скоростного пневматического молота,

Вышел на Кутузовский. Зевак — тьма. Тучи мальчишек. Повезло нынешнему поколению, мы такое видели только в кино. Вышел на мост. И у парапета на мосту — сотни зрителей. Представляю, какой сегодня праздник у воров и лавочников. Ударила 125-миллиметровая пушка. Снаряд разорвался внутри здания. Толпа на мосту возбужденно закричала:

— Так их, так! Чтоб они все там сгорели, сволочи!

Я прошел до конца моста. Цепь солдат в касках ведет плотный огонь по окнам Белого Дома. За спинами солдат, вплотную к ним — мальчишки. За ними — мы, зрители. Мелькнула мысль: "Почему не разогнали народ?".

А потому и не разогнали, чтобы защитники Дома не стреляли в нападавших!

Да они и не могли отвечать на выстрелы. Огонь был настолько плотный, что никто из оборонявшихся не мог и высунуться из окна. К тому же впоследствии нам стало известно, что в 7:30 по внутренней трансляции Белого Дома прозвучала команда Руцкого:

— На огонь не отвечать!

Теперь мы знаем, насколько жестокой была эта карательная акция. Перед ней померкнули все аналогичные преступления прежней власти — расстрелы восставшего народа в Воркуте и Новочеркасске.

Был даже расстрелян жилой дом рядом с парламентом. Так, ни за здорово живешь. Кому-то показалось, что кто-то выстрелил с верхнего этажа. Разнесли все окна на мелкие брызги. Сгорела квартира: то ли снаряд туда попал, то ли граната. Жильцы остались без крыши над головой. Теперь обивают пороги по инстанциям, пытаются выпросить помощь.

Пушки танков продолжали расстреливать парламент.

Ко мне подошел приятного вида человек:

— Как вы относитесь ко всему этому?

— Победили воры!

Он вспыхнул:

— Значит, я — вор?

— Не знаю, я с вами незнаком.

Он отбежал к толпе у парапета, крикнул оттуда:

— А почему ты не с ними, не в Белом Доме? Обосрался?..

Вот и сейчас, когда описываю эту сцену, звонок по телефону. Незнакомый жлобский голос:

— Ну что, обосрались твои друзья!..

Теперь выползает со дна вся нечисть. Наступило их время. 4 октября — день торжества безнравственности. Расстрел парламента на глазах у всей страны не пройдет бесследно. Разбужены, выплыли на поверхность все темные силы.

Грохочут пушки танков. Толпа на мосту уже не так бурно реагирует на попадания снарядов. Зрелище, даже такое невиданное, начинает приедаться.

Кто-то притащил на мост моток колючей проволоки, которой было опутано все в кольце вокруг Белого Дома. Люди стали отбивать себе кусочки на память. У всех, кто пытается это сделать, руки в крови — страшная вещь, спираль Бруно. Взял и я кусочек на память.

...Загорелся один из этажей Белого Дома. Огонь быстро распространяется. Вот уже горит весь верх. Чуть поодаль от толпы, на мосту, остановились два старика (позже я разговорился с ними — фронтовики-ветераны, брали

Кенигсберг). Один из стариков — благообразного вида, с седой бородой — сказал:

— Расстреляли Россию. Можно идти домой.

Дома я прилип к телевизору. Си-Эн-Эн ведет прямой репортаж с места событий. Российский позор транслируется на весь мир.

Хроника иногда прерывается, на экране появляются то один, то другой популярные деятели. Уже ничего нового не говорят — в основном изыскания на тему: какую придумать казнь отступникам.

Выступает комендант Москвы: чрезвычайное положение, комендантский час и так далее. Сообщает интересную новость. Цитирую по памяти:

"При попытке выбраться из Москвы арестован небезызвестный Невзоров. При нем — охранник с оружием..."

Арестовали, значит, по этой причине: охранник с оружием!

Каждый крупный жулик в этой стране имеет телохранителей, каждая криминальная коммерческая структура — боевой отряд. А вот журналисту, которого дружно ненавидят все воры бывшего Советского Союза, иметь охранника нельзя.

Часа три-четыре пополудни. В Дом с белым флагом пошел Руслан Аушев, Президент Ингушетии.

Вечером я позвонил Руслану, он торопился, улетал домой.

— Руслан, сколько трупов?

— При мне вынесли из Белого Дома 127.

— Много еще осталось?

— Много.

Герой Советского Союза Руслан Аушев — один из самых порядочных людей, которого я знаю. Его слову можно верить. Запомните эту цифру — 127. 127 трупов, обнаруженных к вечеру 4 октября. Вероятно, с цоколя и первого этажа. На верхние этажи еще не поднимались. Сколько там наворочено, никто тогда не знал. Теперь уже и не узнает.

Я акцентирую ваше внимание на этом пункте потому, что буквально на следующий день начнется странная чехарда с трупами. Еще одна позорная и грязная история из тех, к которым нам уже не привыкать.

Власть начнет заметать своим грязным хвостом следы кровавого преступления.

Еще одно интересное сообщение: против Кирсана Илюмжинова возбуждено уголовное дело. Открылась история с мазутом.

Я про этот мазут знал давно. В правоохранительных органах есть документы по этой сомнительной сделке. Правоохранительные органы знали. Знали и власти — им докладывали. Знал и Ельцин. Но Кирсан был его друг, а Калмыкия — чуть ли не полигон, на котором испытывались предстоящие России реформы. Но стоило Кирсану послушаться старшего брата, не проявить личной преданности, как сразу бывший "личный друг" превратился в подследственного. Молодой калмыцкий президент повел себя очень достойно в дни президентского путча — он не просто отказался участвовать в готовящемся преступлении, но сделал это открыто, на глазах у всей страны. Но любое проявление человечности и порядочности в коридорах власти мгновенно наказывается. Поплатился и Илюмжинов. Со старой папки с "Делом о мазуте" была сдута пыль, и она легла на стол к следователю.

Я знаю, что были люди в правительстве, которые хотели, даже пытались возмутиться. Но никто не достиг успеха.

Каждый был "на крючке". На каждого есть своя папка с "Делом о мазуте".

Просто нет сил смотреть телевизор. Раньше, во времена Тотальной Лжи, была одна или две телевизионные программы. Сейчас — много, и на всех — ЛОЖЬ.

Ничто их не проняло. Даже Обращение Святой Церкви прошло мимо сердца.

Церковь 2 октября обратилась в первую очередь к средствам массовой информации: не лгите, не подавайте одностороннюю информацию, умолчание — тот же грех...

Не помогло. Жрецы Лжи — язычники, они в Бога не веруют. Не верят и в Божий Суд.

Вышел Указ о цензуре. На следующий день его отменили. Есть умные люди в правительстве. Кто-то, видать, объяснил:

— Борис Николаевич, зачем вам лишние разговоры, зачем Указ о цензуре, когда она и так есть.

Сегодня, оглядываясь назад, можно проследить точно, по датам, как изводили, пока не свели на нет, главное завоевание народа — свободу слова. Проследим "этапы большого пути".

Март 1993 года (перед референдумом), агитационный террор — временное запрещение свободы слова. Одновременно — проверка: как отреагирует общественность? Общественность никак не отреагировала.

Апрель 1993 года. Щадящий режим, призванный продемонстрировать великодушие победителей — на экран время от времени крохотными дозами проникает Правда.

21 сентября — полное запрещение свободы слова.

Полное, но не окончательное. Перед "свободными" выборами власти будут делать все, чтобы создать видимость равных возможностей. На экране иногда начнут появляться люди, которые, трясясь от страха, запинаясь и озираясь по сторонам, будут излагать "свое мнение".

На самом деле свободу слова, за которую мы так боролись, уже похоронили. Препарировали на кусочки и закопали в разных местах.

Вернемся к 4 октября.

Так что же на самом деле происходило в Белом Доме?

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ

Отец Никон.

— Вы, батюшка, были до конца?

— Нас вывели в полшестого вечера.

— Не отнимут теперь у вас приход?

— Ой, да кто там, кроме меня, дурака, будет службы служить в моем нищем приходе?

— А от церковного вашего начальства не попадет?

— Я остался в Белом Доме с разрешения и благословения Патриарха.

— Что вас больше всего потрясло, батюшка, в эти дни?

Отец Никон задумался:

— Я видел там столько прекрасных русских людей! Вы знаете, я даже крестил двух девочек...

— Крестили?

— Да. Двух работниц с кухни. Решили девочки окреститься... Мы уж понимали — штурм будет...

— Скажите, батюшка, вы хоть одну винтовку видели в Белом Доме?

— Винтовка-то вам зачем?

Я объяснил отцу Никону, что в средствах массовой информации распространили сообщение: снайпер из Белого Дома убил 9-летнего мальчика.

— Нет, винтовки в Белом Доме я не видел. Ни у кого. Винтовку от автомата я бы отличил. Вот с СЭВа и гостиницы "Мир" действительно с 8 утра начали стрелять снайперы. Но правительственные.

— А у депутатов в руках вы видели оружие?

— Нет, не видел. Может быть, у кого-нибудь из депутатов-военных... не знаю.

— Что еще добавите, батюшка?

— Они — клятвоотступники. Пусть Конституция плохая. Но Ельцин клялся на этой, плохой Конституции. Почему же он не попросил, чтобы ему принесли хорошую, американскую?..

Ирина Викторовна, депутат.

— В руках у кого-нибудь из депутатов было оружие?

— Нет, нет, что вы! Некоторые просили выдать им, но Руслан, я сама слышала, кричал: "Наше оружие — Конституция!".

— Ирина Викторовна, вы знаете, что в "Известиях" опубликован рассказ журналиста Терехова? Как он по приказу Руцкого пошел с белым флагом, а внизу какие-то люди отняли у него флаг, уложили на пол и не дали выйти.

— Не верю. Мы, женщины-депутаты, сидели в зале Совета Национальностей (он не простреливался). Мы даже пели. И тут Руслан объявил, что Терехов, пошедший парламентом, погиб. Мы почтили его память.

(Темную историю с Тереховым я выяснял подробно. Время его похода, сообщенное им самим, свидетельства очевидцев убеждают: Терехова внизу могли остановить только десантники. Цоколь и первый этаж были заняты десантниками и "Альфой". Еще одна "утка"!)

— Ирина Викторовна, сколько было людей в Белом Доме?

— Думаю, около двух тысяч. Более двухсот депутатов, сотрудники и сотрудницы аппарата, из каждой комиссии и Комитета были люди, бухгалтерия, работницы кухни, продавцы, уборщицы, мальчишки-комсомольцы с Украины и других городов, защитники Белого Дома...

— Почему же не ушли женщины?

— Нас гнали, но ни одна не ушла. Я, например, думала, поддержит общественность, там ведь тоже есть женщины... и мы сможем вести переговоры в более достойном положении...

— Теперь вы знаете, как эта "общественность" вас поддержала?

— Да, рассказывали.

— Когда все кончилось, что вы чувствовали?

— Омерзение. Поверьте, страха не было, только — омерзение...

Ирина Неклюдова, 23 года, _сотрудница Комитета.

— Вы были до конца, Ира? Почему не ушли?

— Ну, мне казалось, что это как бы... последний островок Свободы... Боролись ведь не за должности, тем более я...

Спросил у Ирины про снайперскую винтовку.

— Нет, нет. В Доме не могло быть. Да никто бы и не высунулся, когда начали стрелять. Неделю назад, когда маршировал отряд казаков, у одного, что шел впереди, было ружье. Но в Доме — нет, не могло быть.

— Были ли в Доме дети?

— Три или четыре ребенка... По крайней мере, я видела троих или четверых. И очень много мальчишек от 14 до 16 лет.

— У них было оружие?

— Нет. Да, вот еще, когда нас выводили, я даже двух бабулек видела — лет по 65.

— Самое сильное впечатление?

— Мы ведь не знали про пожар. Когда нас вывели на улицу, мы увидели, что весь Дом горит. Это было ужасно! Гекачеписты до такого не додумались. Я и в позапрошлом августе была в этом Доме. Есть с чем сравнить.

Господин Х. Фамилию просил не называть.

— Всю ночь крутили шарманку — ездил автомобиль с громкоговорителем, уговаривали выйти, обещали хорошие зарплаты и трудоустройство... Те, кто был на войне, смеялись — точно так же вели себя на фронте немцы: "Рус, сдавайся!" Реакция, конечно, была обратная. У всех — у уборщиц, у охраны.

Вообще как бы наблюдался взлет национального самосознания. С 1945 года ничего подобного не испытывали в России.

Я наблюдал около 20 телефонных звонков по радиотелефону. Можно было поговорить ми-

нуту-две. Никто не пожаловался. А люди не были дома по пять, по шесть суток. Представляю, что творилось на другом конце провода.

Чувства смятения у кого-либо — от секретарш до депутатов — я не наблюдал. Все ощущали, что исполняют свой долг, защищают Конституцию...

Ночью к Руцкому пробился какой-то военный. Сказал, что есть приказ о ракетно-бомбовом ударе. Но нет ни одной части, которая бы согласилась его исполнить.

Тамара Александровна, депутат.

— Как вы думаете, кто я по профессии? Коневод. Вот такая у меня редкая для женщины профессия. У нас под Железноводском потрясающий, известный на весь мир конный завод. Приезжайте!

— Обязательно. Я очень люблю лошадей.

— Еще бы. Они лучше, чем люди, правда?

— Что вы делали, как вели себя до и во время штурма?

— В ночь перед штурмом мы уговаривали женщин и детей уйти. Ни в какую! Знаете, там было так много удивительных людей! Особенно женщины вели себя замечательно, помогали друг другу...

— Вы сказали: дети. Что это были за дети?

— Комсомольцы. У них был съезд и слет... Целый отряд приехал сюда. Жили в палатках. Когда пошли дожди, их пустили в здание. Потом уж выгнать их не смогли.

— У них было оружие?

— Что вы!

— Мог ли снайпер стрелять из Белого До-

— Да ладно вам! Кто бы смог поднять голову хотя бы на уровень подоконника? Передвигались ползком. Вообще в Доме была масса безоружных людей. Они просили оружие, им не дали.

— Кого вы считаете главным виновником?

— Я была в Европарламенте, там такой порядок — на каждого оператора, который показал депутата в недостойном виде, налагается крупный штраф... А нас как показывали, помните? Специально разжигали ненависть к нам.

— Какое самое сильное впечатление?

— Дайте подумать... Жизнь у меня была нелегкая. Я родилась в бомбоубежище, в Москве в 1941 году. В том августе была здесь, в Белом Доме. Второй путч пережила. Но тогда... Сейчас все было страшнее. Я, пожалуй, отвечу на ваш вопрос — о самом сильном впечатлении. Меня окрестили 3 октября. Я ведь была некрещеная. Крестил меня священник Алексей Злобин, отец Алексей. Вот это была незабываемая минута...

Таня Кузнецова.

— Ночью мы с девочками решили: утром пойдем домой, у нас дома дети, мы не имеем права оставлять их сиротами. Но уже рано утром началась стрельба, подъехали бронетранспортеры, стреляли во все, что двигалось...

— Таня! Огонь из пушек и всех видов стрелкового оружия велся в основном по верхним этажам, начиная с третьего. Говорят, там не было людей?

— Вы что? Там-то и были. Мы сидели в зале Совета Национальностей. Одна девочка мне говорит: "Пойдем, я знаю безопасное место". Мы, дрожа от страха, поднялись на седьмой этаж.

Там, в тесном закутке, прижавшись друг к другу, сидели женщины — работницы кухни. В темноте. Боже! Там было так страшно! Я говорю: "Пойдем, пойдем отсюда!". Не знаю, остался ли там кто-нибудь в живых...

По опросам свидетелей, на верхних, выше третьего, этажах людей было больше, чем на нижних. Те, кто находились выше тринадцатого этажа и уцелели после обстрела, должны были просто сгореть в огне. Тринадцатый этаж был объят пламенем.

Маленькое отступление.

4 октября, стоя на мосту перед горящим парламентом, я принял решение выйти из Союза кинематографистов. Сразу вслед за этим решением почувствовал страшное облегчение — будто очистился.

Кто-то из моих бывших коллег одобрил решение, большинство, разумеется — нет.

Представители этого большинства теперь спрашивают меня:

— Зачем ты это сделал?

Я отвечаю вопросом:

— Вы знаете, что в здании парламента в момент, когда по нему шаршили из пушек, было много женщин и детей?

— А как они туда попали?!

И столько злости в этом вопросе! Подтекст: раз они сами туда полезли, хрен ли их жалеть? К тому же публика, зомбированная средствами информации, убеждена в официальной версии — женщины и дети стали заложниками депутатов.

— Хорошо,— говорю я,— предположим, все женщины и дети сидели в здании под дулами пистолетов Хасбулатова и Руцкого. Даже усу-

губим обстоятельство: все женщины — проститутки, а все дети и подростки — малолетние преступники. Я спрашиваю: в этом случае можно было шарашить по парламенту из пушек?

Поверьте, ни один из моих собеседников ни дама, ни джентльмен, не сказал:

— Нет! Нет, и в этом случае нельзя было стрелять по зданию!

Молчат, глазки злые... В лучшем случае следует вопрос:

— Так ты что же — за Хасбулатова?

Легко сейчас, издавляя, клеймить сталинско-брежневскую интеллигенцию, которая орала: "Смерть Каменеву и Зиновьеву! Собакам собачья смерть!", "Позор Солженицыну", "Пастернак — иуда!".

Ведь та же самая ситуация. Ну, конечно, все по-другому, но в принципе — то же. И что мы наблюдаем?

Ни капли сострадания.

Какая там "милость к падшим"! О погибших говорят в самых оскорбительных тонах.

А об оставшихся в живых: смерть собакам!

Радиоперехваты.

Эти диктофонные записи сделаны офицером МВД в ночь перед штурмом. Он их принес в редакцию "Комсомольской правды". Она опубликовала их. Есть честные люди и в милиции, и в среде журналистов.

Вот несколько разрозненных фраз — о чем переговаривалась милиция в ночь перед штурмом.

— Запомните, никого живым не брать!..

— "Черных" тоже в плен не брать...

— Хорош орать, спать пора...

— Спать будем после победы над Белым Домом...

— Банкет уже заказан...

— Руцкой катафалк заказал себе...

— Похорон не будет, и музыки не будет...

— А саван Хасбулатову заказали?

— Само собой, все оплачено.

— Хасбулатову не есть утреннего плова...

— Вы там спите, а мы обсуждаем, что делать с узурпаторами Руцким и Хасбулатовым.

— Руцкого вешать.

— Как в Турции: в дерьмо и ятаганом по голове...

— Так то в Турции, там тепло.

— А Москва сегодня тоже теплая, тем более, мы тоже уже...

Сергей Андреевич, депутат.

— Я лежал на полу на третьем этаже и краем глаза смотрел в окно. Около семи утра пошла первая волна. Белый Дом отстреливался. Никто из нападавших не упал. Во второй волне уже шла какая-то кадровая часть, хорошо организованная; действовала четко и слаженно... Огонь был настолько плотный, что высунуться уже было невозможно. Вскоре они были в цоколе и на первом этаже. Второй этаж долгое время оставался нейтральным.

Но вот что я видел своими глазами. В семь утра, еще до плотного огня, подъехали бэтээры. На них почему-то сидели гражданские люди. Парнишка от баррикады подошел к ним, о чем-то поговорил. Пошел обратно. Прошел метров тридцать, и тут они ему выстрелили в спину. Потом расстреляли еще пятерых на баррикаде...

Нас выводила "Альфа". Это было часа за полтора до сумерек. Долго ждали автобуса. Потом альфовцы сказали, что автобусы заблокированы. Нас повели пешком. Завели в какой-то двор. Там стояли омоновцы. Цепочкой. Били всех подряд. Передавали по конвейеру. Одного полковника, защитника Белого Дома, ударили прикладом в лицо. Бросили в "конвейер". Он упал. Били ногами...

Мы вошли во двор. Он сквозной. Хотели прорваться. Оглянулись — за нами идет Бабурин. Пошатываясь. Вдруг его догоняют два омоновца: "Бабурин, стой!". Повели его назад. Мы услышали два выстрела. Решили, что Сергея Николаевича убили. (Потом Бабурин в коротком телеинтервью расскажет: да, его хотели расстрелять, поставили к стенке. Что-то его спасло, он не сказал...)

...Мы увидели какую-то дверь — вход в подвал. Сидели в подвале. Помощник Бабурина плакал: "Что я скажу Сережиной жене?". Потом мы услышали голос адмирала Чеботаревского: "Сейчас будут ловить тех, кто разбежался по двору". Мы вылезли из укрытия, стали расходиться по одному...

На стадион я не попал. Бог спас. Те, кто там был, рассказывают, что был типичный пиночетовский вариант — с пытками и избиениями. В отделении милиции, куда их сначала привели, поставили всех на колени и били ногами в лицо.

Вчера я весь день давал интервью иностранным корреспондентам. Обзвонил знакомых депутатов — тех, кого били. Прошу: "Расскажите правду!". Никто не согласился. Мы думали, он умер — страх, молчавший в нас годами. А он ожил. Реанимировался за несколько часов...

Очевидцев много. Все говорят одно и то же. Я не слышал ни одного противоречивого показания.

Подытожим.

Никаких снайперов в Белом Доме не было. 9-летнего мальчика хоронили его убийцы. Равно как и большинство остальных убитых. Редкое зрелище: убийцы с почетом отправляют в последний путь тех, кого они убили.

У депутатов в руках было одно оружие — Конституция.

Карательная акция проведена с беспримерной жестокостью, на которую способны только трусы. Известно, что трус со страха может пойти на любую подлость.

Погибли главным образом дети и юноши. У них бесстрашные и отзывчивые на любую несправедливость сердца.

Армию позвала "на подвиги" творческая интеллигенция. Далеко не все ее представители, конечно. Низкий поклон тем, у кого хватило совести хотя бы промолчать.

Такое Россия запомнит навсегда.

Только что объявили по телевидению окончательную цифру погибших в Белом Доме — 49 человек!

А остальных — куда? Сотни человек (точнее, около тысячи!) в яму с хлоркой? Впоследствии юным следопытам будет над чем поломать голову. "Обнаружено еще одно массовое захоронение..."

Прочел информацию в "Известиях":

"Во многом тональность бесед в Токио (с Президентом России) будет определяться итоговым числом жертв московских событий — чем

выше окажется эта трагическая цифра, тем сильнее будет стремление японской стороны дистанцироваться от Бориса Ельцина".

Ответ на каждую нашу загадку надо искать там — за рубежом.

Примечание.

Только что газеты сообщили: казанский предприниматель Сергей Шашурин, помогавший Белому Дому, арестован по делу о фальшивых авизо. Однажды в Находке, в Управлении МБ, я видел документы о фальшивых авизо. Мелькнула фамилия — Шашурин. Спросил у оператора:

— Не тот ли Шашурин, о котором была передача по телевидению?

— Тот самый.

То есть о фальшивых авизо знали. Но мер не принимали. Зачем? Тогда надо всех предпринимателей арестовывать. На кой же этот класс создавали? Нет, пусть пока сидит на "крючке".

Стоило Шашурину не проявить преданности Власти, как тут же на него завели дело. Мы уже говсрили: на каждого, буквально на каждого заведено свое "Дело о мазуте", каждый сидит на "крючке".

Криминальная страна!

ФАШИЗМ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Существует научное определение понятия "фашизм". Каким бы оно точным ни было, для

нас, советских людей, перенесших все ужасы фашизма, видевших воочию, что это такое, оно все равно будет неполным. Потому что не сможет передать нашего эмоционального отношения к фашистскому порядку.

Помимо всего прочего для нас фашизм — это еще и такое состояние общества, когда вся грязь со дна поднимается и выплывает на поверхность, когда все мерзкое, что есть в человеке, вырывается наружу, приводя в трепет и содрогание сердца людей.

Сейчас, когда я вношу исправления и дополнения в книжку (на дворе уже 19 октября), средства информации все реже называют то, что произошло, "бунтом красно-коричневых". Нашли определение посильнее.

Это понятно. Далеко не весь парламент состоял из коммунистов, пускай даже бывших. (Вот правительство все состоит из них!) Далеко не все защитники Белого Дома симпатизировали коммунистическим идеям — были там и такие, кто просто ненавидел коммунистов; были там и убежденные демократы — из тех, кто за демократию на деле, а не на словах.

Но есть одно отягчающее обстоятельство. Белый Дом, помимо других защитников, оборонял и малочисленный отряд юнцов под руководством Баркашова. Кто такой Баркашов, я не знаю. Думаю, большинство читателей — тоже. Я не так уж далек от политики, но с программой "Русского национального единства" не знаком. Большинство читателей — тоже. Это сейчас нам объяснили: фашисты. Пусть так. Фашизм — это плохо. Но баркашовцев было сколько? Два, три десятка? Сколько? Ответьте!

Молчат.

А сколько было защитников Белого Дома? Тех, у кого было в руках оружие. Тех, у кого — не было, кто считал своим оружием Закон и Конституцию. Тех, кто просто присутствовал, считая, что они на стороне справедливости.

Таких были тысячи!

И тем не менее — фашистский мятеж!

Вот какое нашли определение. Всех под одну гребенку. Так проще. Так эффективнее. Так легче обдурить народ.

Нас пугают: а вы знаете, что было бы, если бы они победили?

Не знаю. Не знаю — что было бы, вижу — что есть.

У нас с вами разные методы. Вы мне пытаетесь объяснить, что БЫЛО БЫ, если бы победили "красные" или, не дай Бог, баркашовцы (как они могли победить, взять власть в стране — ума не приложу).

А я вам пытаюсь рассказать о том, что УЖЕ ЕСТЬ. И притом имеет прямое отношение к фашизму.

А посему прошу читателя выслушать рассказ, а если точнее, свидетельские показания Олега Румянцева.

Те, кто иногда заглядывает в телевизор, должны его знать — Олега Румянцева. Симпатичный молодой человек с бородкой, в очках. Мягкий, интеллигентный, деликатный; ни разу не взорвался, не сказал никому ни единого грубого слова. Депутат, председатель Конституционного комитета или комиссии (я не очень в этом разбираюсь) — словом, три года работал над новой конституцией страны, его проект так и назывался на официальном языке — румянцевский. В прошлом — научный работник, у него необычная профессия — страновед. Ни-

когда не был членом партии, убежденный демократ.

После ужаса 4 октября я долго его не мог найти, обзвонил всех знакомых. Пропал. А хотелось поговорить именно с ним, с человеком, которому я доверяю. Объявился его помощник:

— Олег Германович сильно избит, отлеживается.

Через несколько дней позвонил сам Румянцев, договорились о встрече. Я приехал к нему в Крылатское, он упаковывал книги. Приказано в три дня убраться из квартиры.

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ РУМЯНЦЕВА ОЛЕГА GERMANOVICHA

— Я выходил одним из последних. Офицеры из "Альфы" предложили мне: "Иди к Руцкому, скажи — не надо больше крови".

Я побежал к Руцкому. С ним были два его брата, личный телохранитель Володя, еще несколько человек. Оружие на боевом взводе, в глазах — готовность умереть.

— Скажи, Олег, как вел себя Руцкой? Вот в эти последние минуты? Скажи честно!

— Ну... Мне кажется, что это были минуты... Минуты мужества.

Небольшое отступление.

Так же говорили и про Хасбулатова. Я опрашивал многих, например девушек из пресс-центра, они его наблюдали постоянно. Все

в один голос: вел себя мужественно, ни на минуту не потерял самообладания... Есть этому и косвенные доказательства. Прошло две недели после событий. До сих пор никакой информации из Лефортова. Судя по августу 1991-го, должны были бы показать на следующий день — маленьких, жалких, сломленных. Не показали ни одного кадра. Выводы?

А. Показывать нельзя, потому что узники могут сказать что-то не выгодное властям. Значит, пока не сломлены.

Б. Идет "обработка". Когда она будет закончена — покажут.

В. Узники ведут себя мужественно.

Опросив свидетелей, я получил ответ и на мучивший меня вопрос: почему Руцкой не застрелился?

Абсолютно правильно поступил. Застрелиться было бы трусостью. То, что он знает (а знает он много), рано или поздно понадобится стране. Что бы ни случилось — обязательно понадобится.

Не уйдя из жизни, он обрек себя на пытки. Под пытками я подразумеваю не побои в камере. Это он вынесет. Тот, кто побывал в плену у душманов, — вынесет.

Настоящие пытки — это унижения, которым подвергнут его газетные и телевизионные шавки.

Продолжим.

— ...Я снова спустился вниз и вернулся к Руцкому вместе с полковником из "Альфы". Если не ошибаюсь, полковником Проценко. Он вел себя очень прилично.

Руцкой обнял братьев. Мне сказал: "Беги завтра на Совет Федерации, скажи им правду. Умоляю, скажи всю правду. Они тебя будут

слушать". Да, и еще: "Позвони жене, вот телефон. Расскажи, как все было".

В дверях показался Коржаков, начальник личной охраны Президента: "Руцкой, на выход!".

Я вернулся в зал Совета Национальностей — забыл там сумку с важными бумагами. В сумке рылся вооруженный человек. Боже мой, какое счастье, что он забрал маленький газовый пистолет! Если бы потом у меня его нашли, точно бы убили.

Потом мы долго стояли на улице у главного входа, под гербом. Здесь дежурили два маленьких автобуса, но нас туда не сажали. Люди из "Альфы" что-то выясняли, поглядывая на нас. Один из офицеров сказал: "Жаль ребят, я бы их лучше отвез".

Раздалась команда: "Пошли вперед!". Мы двинулись направо, в сторону ближайшего дома.

Теперь я знаю, зачем им была нужна легенда о снайперах из Белого Дома. Чтобы оправдать мясорубку, которую они устроили во дворах и подъездах.

Мы подошли к дому, альфовцы отстали от нас. Из подъезда выскочил омоновец (или милиционер) с автоматом и заорал: "Ложись, сука!". Меня втолкнули в подъезд. Пьяная харя схватила меня за бороду: "Иди сюда, жидовская морда!". Трижды ударил меня лицом о колено. Потом меня обшмонали. Денег не было, забрали маленькое радио "Сони". Несколько раз ударили по корпусу, по почкам. Подъезд был сквозной, меня вытолкнули к выходу. Какой-то офицер (по-моему, это был офицер) шепнул мне: "Во дворе стреляют, бегите вон к тому подъезду!". Мы побежали к этому подъезду. Со мной рядом был художник, мы познакомились, когда выходили из Белого Дома. Помню, он говорил

мне: "Олег Германович, если останемся живы, я должен написать ваш портрет".

Вбегаем мы с этим художником в подъезд, а там та же картина, тот же ад, только другой круг. Омоновцы бьют двух почему-то раздетых до пояса мальчишек. Совсем мальчишки, лет по семнадцать, не больше, — защитники Белого Дома. Одного так ударили автоматом по ребрам, что хруст костей был слышен.

Меня хватают и бьют несколько раз по яйцам. Я потом неделю кровью мочился, а в это время Починок объявил прессе, что я к нему за материальной помощью обратился. (С.Г. — Александр Починок — один из тех депутатов, кто первым убежал из Белого Дома, услышав, что перебежчикам обеспечены тепленькие местечки. Починок сразу получил пост заместителя министра финансов. Сейчас, кажется, собирается баллотироваться в новый парламент).

Прикладами нас вытолкали на улицу, во двор. Во дворе действительно стреляли. Не понятно в кого, но слышны были одиночные выстрелы. И тут мой художник побежал. Петляя, как заяц, побежал вглубь двора. Опять раздались выстрелы в той стороне, куда он побежал. У меня тоже было желание побежать. Но я подавил его, подумал — убьют.

Передо мной возник омоновец. Передернул затвор. Представь ситуацию: пьяный человек с автоматом, глаза, в которых нет ничего человеческого, у ног его, чуть сбоку, лежит чей-то труп. "Все, сука, прощайся с жизнью!" — сказал он, подходя ко мне. Два раза плюнул мне в лицо. Заорал: "Поворачивайся!". Я повернулся к нему спиной. "На колени!" И — очередь над головой...

Я лежал, не было сил встать. Видел краем глаза: из "моего" подъезда вышел депутат Шашвиашвили; его сбили с ног и стали пинать сапогами. Вышел депутат Фахрутдинов. Как будто с заседания — с портфелем, в галстук. К нему подскочили омоновцы. Фахрутдинов важно: "Я — депутат независимой республики Татарстан!" — "Ах, ты татарва!". И со всей силы — прикладом в голову... (Фахрутдинов сейчас в больнице, в очень тяжелом состоянии.)

Пока били Фахрутдинова, я встал. И побежал — будь что будет. Вбежал в подъезд, стал звонить во все квартиры подряд. Никто не пускает. В квартирах — люди; слышен лай собак, но никто не пускает.

— Олег, а что отвечали, интересно?

— По-разному. Я: "Пустите! Нас перестреляют, я — депутат Румянцев!". А мне: "И х... с тобой!", "Так вам и надо!", "У меня дети..."

Я перебежал в другой подъезд. Там, на ступеньках, сидели Сажи Умалатова, избитый Шашвиашвили, депутат Саенко и еще какая-то женщина пожилая. Сидим. Входит молодчик. Коротко стриженный, в кроссовках. Пахнет от него водкой и кровью. Посмотрел на нас и ушел.

"Ребята, это наводчик!" — "Уходим".

Мы разделились. Я пошел с этой пожилой женщиной, взяв ее под руку. Шашвиашвили, Саенко и Умалатова образовали другую группу. Что ты улыбаешься?

— Как в фильмах про подполье...

— Да, фашизм. Настоящий, стопроцентный. Ну, дальше... Идем мы с этой женщиной, а уже темно... И вдруг я вижу — в глубине двора стоит банда. Такие же, как тот парень, наводчик, — стриженные, в кроссовках...

— "Бультерьеры"

— Кто?

Я объяснил Олегу, кто такие "бультерьеры". Бойцы мафии. Боевые отряды криминальных структур.

— Вот тут я физически почувствовал — это смерть. Раздался голос из темноты: "Стой! Иди сюда, падла!". Смешок. И опять голос: "Ползи!".

Мы, не сговариваясь, бросились в кусты. Выстрел. Влетели в подъезд, вбежали на второй этаж, позвонили в первую дверь. Она сразу открылась. На пороге — женщина. "Я — депутат Румянцев". — "Мы вас знаем. Входите".

Однокомнатная квартира, семья из трех человек. У них я и отлеживался несколько дней...

А теперь я хочу спросить у тех, кто пугает нас фашизмом. Если это — не фашизм, то фашизм — это что такое?

ВЫБОР РОССИИ

Я уже говорил, что книга эта — "Великая криминальная революция" — была написана до трагических событий, они ворвались в нее непредвиденными главами.

Я считал, что апофеозом криминальной революции станут новые выборы. Победа наступила раньше. Теперь "свободные" выборы будут пустой формальностью, они только закрепят победу.

Революции не делаются без согласия, пусть молчаливого, всего народа.

Можно сказать, Россия свой выбор сделала.

Дала согласие на собственную смерть.

Апофеозом криминальной революции стало 4 октября. В календарях воров и лавочников эта дата всегда будет помечена красной цифрой.

Каждый день я узнаю новые подробности трагической ночи. Например, узнал, что в ночь на 4 октября Гайдар и Шумейко обзванивали криминальные структуры, просили помощи. Армия "бультерьеров" оделась в бронежилеты. Ей не пришлось активно участвовать в событиях (но она еще свое слово скажет!). Исход дела решила профессиональная армия. Нашлись несколько командиров, которые согласились расстрелять женщин и детей. В жизни всегда есть место подлости.

Уголовно-мафиозное государство под рукоплескания общественности, под аплодисменты всего мира победило. Ничто уже не помешает сделаться ему вполне легитимным. Оно придумает Конституцию — под себя, издаст законы — под себя. Предстанет перед миром в благопристойных одеждах. "Им не смыть кровь со своих рук..." — пустая фраза. Кровь легко смывается.

А с Россией кончено. Снимите над ней шляпу, друзья, и пролейте последнюю слезу. Стая волков догнала ее, вцепилась ей в бока и повалила на землю. Ей уже не подняться. Вот когда по-настоящему сбылись пророческие слова Максимилиана Волошина (цитирую по памяти, могу ошибиться в знаках препинания):

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,

Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: "Не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав?.." И Родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль...
О Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев — с запада, монгол — с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Все мы ее прогалдели и проболтали. На всех лежит вина. На авторе этих строк — особая.

Достаточно сказать, что мой фильм "Так жить нельзя" помог Ельцину стать Председателем Верховного Совета РСФСР. Был такой эпизод весной 1990 года. Дважды Съезд народных депутатов России не утверждал Ельцина Председателем Верховного Совета. Наутро должно было состояться третье голосование. Вечером, накануне голосования, мы подогнали автобусы к зданию, где проходил съезд (автобусы нам дал Моссовет, он и организовал это мероприятие — тот самый Моссовет, с которым Ельцин потом так легко разобрался!), мы посадили всех депутатов съезда в автобусы и отвезли на Мосфильм. Там, в большом Эталонном зале, им показали еще сырой фильм "Так жить нельзя". Что потом началось! Человек сто пятьдесят коммунистов-ортодоксов стройными рядами вышли из зала — в знак протеста. Оставшиеся устроили овацию. Помню голоса из зала:

— Завтра те, кто голосовал против Ельцина, одумаются!

Наутро состоялось третье голосование. Съезд (тот самый съезд, который Ельцин расстрелял из пушек!) большинством в четыре голоса избрал Ельцина Председателем Верховного Совета. А от Председателя до Президента путь оказался коротким.

Одно только это обстоятельство должно быть записано мне в строку. Значит, и я приложил руку к разрушению России.

Недавно один столичный деятель, бывший демократ, когда я напомнил ему эту историю, хлопнул меня по плечу и сказал мрачно:

— Не кайся. На мне еще больший грех висит. Я два голоса подделал...

Но это не утешение.

Как ни больно признаться, моя честная и искренняя работа (не лишенная, конечно, заблуждений) оказала разрушительное воздействие. Зрители были не готовы к такому водопаду правды, обрушившемуся на их головы.

Одно они поняли из фильма — коммунистов судить будут. И поспешно стали освобождаться от партийных билетов. Одно дело, когда выбрасывает "корочки" формальный член партии. Он и имел их только потому, что таковы были правила игры. (Ну можно ли было в нашем обществе без партийного билета в кармане быть командиром полка, капитаном пассажирского лайнера, дипломатом?) Другое дело, когда так поступает убежденный коммунист — заведомо ЦК, главный редактор органа московских коммунистов, профессор научного коммунизма, зам.редактора журнала "Коммунист", первый секретарь обкома партии! Неужели тогда не было понятно, что это оборотни? Самые опасные особи в племени человекозверей. Если бы мы были нормальным

обществом, психологически здоровыми людьми, мы должны были бы отнестись если не с пониманием, то хотя бы с уважением к тем, кто не изменил своим принципам (пусть ошибочным). Не изменил, не предал убеждения.

А мы поверили оборотням.

Очень точно сказал Александр Зиновьев:

— Мы целили в коммунизм, а попали в Россию.

Вот и я — целил в коммунизм, даже не в коммунизм, а в казарменный коммунизм ленинско-сталинского типа, а попал — в Россию.

Наше общество и раньше не могло считаться шибко нравственным, а уж тут... когда все смешалось, когда заблуждающиеся, но честные люди стали презираемы, а оборотни, наоборот — уважаемы, наше человеческое общежитие превратилось в кошмарный ад, страна раскололась на два непримиримых лагеря. Восемь лет мы были заняты не реформами, а выяснением отношений, которое сопровождалось взаимными оскорблениями.

Конечно, нельзя относить все это на счет одного только фильма. Искусство, тем более одно только кинопроизведение, не способно изменить нравственную атмосферу в обществе. Тут постарались многие. Общественные деятели, политики — особенно оборотни. Но есть и моя вина.

Между тем я никогда не предлагал судить членов партии. Я говорил о суде над Партией. Над Партией как организацией, виновной в геноциде против собственного народа. Я говорил о суде Истории. Те, кто виновны в преступлениях против человечности, давно умерли.

Это сегодня я считаю, что некоторых членов партии надо бы отдать под суд. В пер-

вую очередь тех, кто участвовал в Беловежском сговоре.

Должен оговориться: я никогда не был уверен в прочности такого сооружения, как советская империя. Конечно, мне не мыслилось существование порознь родственных, тесно переплетшихся славянских народов, но в целом, в исторической перспективе, Империя, наверное, должна была распасться. Об этом говорит опыт мировой истории.

Но процесс этот должен был протекать несколько лет. Любое, самое одноклеточное, существо могло бы понять: взрывать такое сооружение нельзя, его надо разбирать по кирпичику.

А его взорвали.

Через открытые границы ушли на Запад и на Восток несметные богатства; за два года богатейшая страна стала совершенно нищей.

25 миллионов русских были брошены в пасть националистическим правительствам — на позор и унижения.

В один день разорвались экономические связи. Экономический ущерб, понесенный Россией, уже превосходит ущерб, причиненный ей Великой Отечественной войной.

И льется кровь, как на войне.

Любой государственный деятель, самый ничтожный, обязан предвидеть такое. Если, конечно, у него нет другой всепоглощающей цели.

Такая цель была — устранить Горбачева. Другой, более благородной, цели не просматривается.

Нужно сохранить — в назидание потомкам — этот домик в белорусских лесах. А то придет какой-нибудь деятель и взорвет его, как

взорвали, снесли до основания Ипатьевский дом.

Этот памятник должен остаться. Берегут же немцы мюнхенскую пивную.

В любой самой невыгодной ситуации есть своя выгодная сторона. По крайней мере теперь, когда рассеяны орды анпиловцев, — глупых, невежественных, злобных, — стала ясна расстановка сил.

Истинные коммунисты остались только в Кремле. Причем самые опасные из них — оборотни!

Когда-нибудь над ними состоится суд — за все, что они сделали со страной. Печальный опыт нашей истории подсказывает — это будет Суд Истории.

Плевали они на этот суд!

— А где же оптимистический финал? — спросит читатель.

Я и два года назад считал, а теперь, когда воочию увидел изнасилование моей Родины, тем более считаю, что оптимистом в наши дни может быть либо дурак, либо подлец. Во время работы над этой книгой я советовался со своим сердцем. Больше мне посоветоваться было не с кем. Возможно, я и заблуждался в своих рассуждениях. Допускаю. Зато факты, которые я сообщил, — истинная правда.

Этого достаточно. "Факты — упрямая вещь."

Книгу мою (если она вырвется на волю) прочтет только интеллигенция. К ней я и обращаюсь. Не к творческой интеллигенции — упаси, Господь! — не к избалованной — столичной. Я обращаюсь к истинной нашей интеллигенции, к той, что живет по всей России. Это десятки миллионов людей. Учителя, врачи,

инженеры, ученые, высококвалифицированные рабочие, технари, библиотекари, российское офицерство.

Простите меня, друзья, но вы зомбированы. То, что произошло со страной, нельзя назвать только победой негодяев. Будет неполно сказано. Это еще и победа "ящика". Маленького, напичканного электроникой ящика с экраном.

А может, нам бросить смотреть телевизор? Начать читать, почаще встречаться на кухнях. Вспомните, совсем недавно мы были самой читающей страной в мире. Мы умели самостоятельно мыслить. Без помощи электроники. Как бы на нас ни наваливалась пропаганда, мы оставались при своем мнении.

В третий раз напомню: смотреть телевизор сегодня — тяжелая работа. Под статью труда старателя. Нужно промыть горы песка, прежде чем добудешь золотую крупицу правды.

Как бы ни были плохи наши дела, от нас еще много зависит. Речь идет уже просто о выживании. Выживет мозг — справится с болезнями и тело. А чтобы выжить, надо научиться самостоятельно мыслить.

"Cogito, ergo sum", — сказал Декарт.

Я мыслю, следовательно, существую.

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

С 21 сентября 1993 года мы живем в другой стране. В чем-то она новая, в чем-то все больше становится похожей на старую — ту, что

была до революционных преобразований, начатых Горбачевым в апреле 1985 года.

Другая страна. А для меня лично — абсолютно чужая.

Недавно я слушал Послание Президента Федеральному Собранию, которое он нам зачитал в Кремле. Я было не хотел идти на это слушание, но потом передумал: дай пойду посмотрю, как он будет читать, как его будут слушать; о том, что Президент может что-то произнести своими словами, и в голову никому не приходит — он, как и все посткоммунистические вожди, даже короткие приветствия читает теперь по бумажке. Как Брежнев или Черненко. Хотелось также посмотреть, как он будет выглядеть; недели две он не появлялся на экране, три дня Клинтон не мог дозвониться к нему по линии "горячей связи".

Зал слушал президента невнимательно, депутаты шушукались, пересмеивались; небось не мне одному пришла в голову эта мысль: как при Брежневе. Умный доклад, написанный референтами; под многими тезисами можно подписаться — Брежнев ведь тоже произносил правильные слова: о демократии, о мире, о заботах простых людей. С другой стороны, совершенно ясно, что власть не будет следовать ни одному пункту своей программы; а что ей мешало делать это раньше?.. Брежнев, помню, не очень хорошо понимал, что он читает. И тут, похоже, то же самое:

— Но мы согласны с такой позицией... Кхе, кхе... — вернулся к началу строки. — Но мы... не согласны с такой позицией...

Сам Президент похож на посткоммунистического вождя, молодое же и энергичное окружение его смахивает на большевиков первых

послереволюционных лет, когда главной их задачей было удержаться у власти, удержаться любым способом: ценой потери огромных территорий (Брестский мир), ценой пролитой крови, ценой невероятных страданий народа...

Я очень торопился, когда писал последние главы. Хотел успеть к выборам. Все равно опоздал, а упустил многое: кое-что забыл написать второпях, кой-чего не знал... Я думаю, читатель поймет и простит мне эту торопливость.

А сейчас — несколько дополнений к уже сказанному.

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕВОРОТУ

Нынешняя власть, так своевольно назвавшая себя демократической, никогда и не думала об интересах России, о счастье своего народа. На словах — да, на деле же...

Прошло два года после того, как "трое вышли из леса", теперь можно подвести итоги. Россия лежит в руинах, она унижена, раздроблена, в ней зреют или уже бушуют гражданские войны, армия потеряла боеспособность; если завтра Эстония с Финляндией (обе имеют территориальные претензии к России) начнут против нее боевые действия, война будет идти на равных.

О благополучии же народа и говорить не приходится. В наиболее плачевном состоянии оказалась самая дееспособная часть населения

— те, кто производит материальные и духовные ценности.

Эти два года власть занималась одним — укрепляла себя. Все силы, все рычаги власти были задействованы в одном направлении — укрепить, сделать неуязвимыми свои позиции. И не столько — из любви к командным вершинам, сколько — для того чтобы уйти от ответственности. Проиграй Они — и расплата за грехи могла быть очень тяжелой.

Люди у власти оказались не только политическими банкротами (проиграли все!), но и просто нечистыми на руку людьми. Коррупция, лихоимство, протекционизм в коридорах власти не поддаются никакому описанию. Сегодня, когда им удалось уже хорошо укрепиться, так что можно теперь ничего не бояться, они уже и сами не скрывают этого. Нагло смотрят в глаз телекамеры, словно говорят:

— Да, мы такие. А что?

Как же Они так быстро укрепились?

На армию, безопасность, МВД надежда с самого начала была плохая — люди в погонах быстро разобрались, кто есть кто. Надо было искать поддержки в другом месте. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Если нельзя заменить власть, нужно заменить народ, недовольный этой властью. Сделать его таким же, как они сами.

Под смех и шуточки команды Гайдара были ускоренным порядком отправлены на тот свет старики, хранители нравственности. Оставши- еся в живых в ужасе затихли.

Подрос молодняк — "поколение, которое выбирает пепси". Этим наплевать, что происходит со страной.

Остальные получили право на бесчестье.

Вот! Вот что они сделали.

Было разрешено воровать, обманывать людей, грабить страну и население, менять кожу и окрас... Все это под благонамеренной вывеской: "создается класс собственников". Главное — успеть "замазать" людей. Замазался — все, ты наш, ты обязан нас защищать, это мы тебя сделали таким.

Одновременно по всей России создавались боевые отряды поддержки Президента (мы уже говорили об этом) — отряды криминальных структур. Бойцы мафии! Параллельно шла работа в армии, в милиции, в Министерстве безопасности. Заставить офицеров "крутиться", искать нечестные способы наживы, чтобы как-то прокормить семьи. Замазать, замазать, замазать! Замазался — наш.

И результаты этой работы не заставили себя долго ждать. Можно ли было еще совсем недавно, в августе 1991 года, найти в Армии добровольцев на роль палачей своего народа? Вдумайтесь: их же никто в спину прикладом не толкал, они добровольно — добровольно! — согласились стрелять из пушек по своим согражданам!

Укреплению исполнительной власти мешала власть законодательная.

Сейчас, глядя на новый Парламент (а он ничуть не хуже прежнего), смешно говорить, что те депутаты были коммуно-фашистами. Циничная выдумка бессовестной пропаганды. Какова Россия — таков и Парламент. Верховный Совет и Съезд народных депутатов представляли Россию во всем ее многообразии. Они, кстати, и избраны были более демократичным путем — не проходили по длинным спискам партий, а каждый избирался персонально. Никакими

коммуно-фашистами они быть не могли. А вот совестливых людей, любящих свою родину, готовых преданно служить своему народу, там действительно было много. Такие — для любой власти, как кость в горле.

Практически подготовка к разгону Парламента шла все два года после августа 1991-го. Сначала она велась интуитивно (сердце подсказывало: вот главная опасность), потом уже целенаправленно, с подключением всех средств массовой информации. Законодательная власть прохлопала прессу и телевидение — через полгода после августа они были в руках Президента.

Подготовка к разгону Парламента шла по нескольким направлениям.

Главное — дискредитировать законодательную власть, вызвать к ней недобрые чувства у населения. Этому очень помогала прямая трансляция со съездов народных депутатов и заседаний Верховного Совета. Народ искренне хохотал, наблюдая этот балаган. Многие сведущие в искусстве люди признавались, что самое интересное зрелище для них во всей сетке телевизионных программ — это прямые трансляции со съездов народных депутатов. Ах, как весело было наблюдать эти спектакли!

Стоило какому-нибудь депутату зевнуть, как с телевизионного пульта в наушник оператору неслась команда: "Возьми крупно этого, во втором ряду, с краю!". И на экране выросло лицо депутата с раскрытым "шире Мексиканского залива" ртом. А какие перлы сыпались с трибуны. (О, великий и могучий русский язык!) Эти немислимые словопостроения два года подряд кормили наших сатириков — Хазанова, Задорнова, Жванецкого... Повторив и усилив

"литературную находку" депутата с Чукотки, они засмешили публику до слез. Мы с вами корчились от смеха, валялись со стульев и думали: Господи, да за что же на нас такая напасть, Парламент этот, чтоб он сгорел!

А теперь, дорогой читатель, представьте обратный вариант: прямые трансляции велись эти два года не из Парламента, а с заседаний правительства, с разных совещаний Президента с главами администраций краев и областей. Отвечаю: точно так же ухохотались бы. Разве они не из того же теста, не из того же коммунистического общества, в конце концов, разве не из этого Парламента вышли? Разве у Ельцина образование более академическое, чем образование профессора Хасбулатова? Разве официальный и разговорный язык генерала Грачева более интеллигентный, чем язык генерала Руцкого? Наконец, разве мы с вами, в целом, умнее и лучше тех, кто нами руководит?

Значит, дело не в персонажах, а в нравственном состоянии общества. Мы с вами очень хотели, чтобы наши законодатели выглядели идиотами, и вместе с прессой и телевидением очень много успели в этом.

Автор не такой ханжа, каким может показаться — почему бы и не посмеяться иной раз: и над правительством, и над Парламентом. Но существует нравственный порог, который переходить нельзя.

Мы породили в людях недобрые чувства к этому демократическому институту, выпустили по нему такой заряд ненависти, что его с лихвой хватит и на новый Парламент. А там уж недалеко до логического вывода: а зачем вообще нужен этот институт власти?

Если по рядовым членам Парламента стреляли из "дробовиков", то по Руцкому и Хасбулатову, безусловным лидерам демократической оппозиции, били из "пушек". Цель та же — дискредитация.

Опорочить, представить злыднями, строящими козни против истинных демократов, вызвать к ним ненависть в среде интеллигенции и подозрительное отношение в простом народе — такая была поставлена задача перед лицами, ответственными за средства информации.

"Хасбулатов — чеченец. Вот наш козырь, с него и пойдем! Схема такая. В стране — засилье чеченских группировок и вообще кавказцев. А как с ними бороться, если глава законодательной власти сам чеченец? Поняли диспозицию? В бой!"

Чеченская карта была разыграна грубо. Но сработала. Как срабатывает с нашим простодушным народом любой самый примитивный ход. Между прочим, именно Хасбулатов начал борьбу с кавказскими группировками, за что и был объявлен у себя на родине смертельным врагом чеченского народа. Хасбулатова остановил сам Президент России (и правильно сделал, ибо хватать человека на улице и бросать в кутузку только за то, что он — "лицо кавказской национальности", это не метод). Но в день, когда Хасбулатов оказался в Лефортове, победители, президентская власть, именно так и поступили: стали хватать на улицах "лиц кавказской национальности", всех подряд — беженцев, строительных и сезонных рабочих — и выдворять из Москвы. Зачем? Чтобы показать гражданам: "Видите, Хасбулатова нет и сразу началась действенная борьба с кавказским

засильем!". Две недели демонстрировали активность, потом, слава Богу, устали...

Боже, за каких же нас дураков держат! И правильно держат. С нами проходит все. Чтобы обмануть нас, напрягаться не надо...

Хасбулатов с Руцким просидели в тюрьме 4 месяца. Никакого серьезного дела "пришить" им не смогли (сменили несколько следователей). Теперь они на свободе. По амнистии. Суда, следовательно, не будет.

А судить их надо!

Хасбулатова — за то, что он чеченец.

Руцкого — за то, что не захотел поступиться офицерской честью.

Быть чеченцем в нашей безнравственной стране — грех, а уж делать заявления типа: "Я — офицер, мне дорога моя честь, я не могу смотреть, как грабится и превращается в колонию моя родина, а потому вынужден предать гласности ваши деяния..." — это такое преступление... Прав был Владимир Молчанов, звезда телеэкрана, заявивший 4 октября:

— Таких надо показывать в зоопарке!

Тот, кто, входя в нашу большую Политику, не оставил в гардеробе ее здания свою честь, как оставляют галоши, тот проиграет обязательно.

С Руцким расправились особенно подло. По борьбе с Руцким была создана специальная комиссия на правительственном уровне. Она называлась Межведомственной комиссией по борьбе с коррупцией! (Как только Руцкой оказался в Лефортове, комиссию упразднили. Она свою миссию закончила.)

Перед членами комиссии, видимо, была поставлена задача: найти или сфабриковать убойный компромат на Руцкого. Неважно, если

его потом можно будет опровергнуть — лишь бы не сразу. Так оно и оказалось. Тростовый договор, согласно которому вице-президент якобы является обладателем счета в швейцарском банке (копию этого "документа" показывали по телевидению миллионам зрителей), оказался липой. Но дело было сделано.

После того, как однажды в конце августа на телеэкране в самый выгодный час, перед программой "Время", когда все зрители включают свои "ящики", появились члены Межведомственной комиссии, чуть ли не в ранге министров, и объявили, не моргнув глазом, что вице-президент великой страны — вор! — после этого Руцкому уже можно было начинать сушить сухари. Как политик, которому можно доверять, он прекратил свое существование. Не осталось в стране обывателя (интеллигентного или неинтеллигентного), который бы сразу, безоговорочно не поверил произнесенному с экрана. Любой сказанной о человеке гадости мы верим охотно и сразу.

К концу августа идеологическая работа по дискредитации Парламента завершилась. Можно было не сомневаться: указ о разгоне законодательной власти народ встретит с пониманием и одобрением. Кроме того, в стране созрели силы (о них мы много говорили в этой книжке), которым Парламент мешал, как камень на дороге. Эти силы ненавидели его еще больше, чем президентская рать.

Только слепой и глухой мог не понимать этого. Или те, кому все "до лампочки". К тому же Президент в открытую пообещал "боевой сентябрь".

По крайней мере мне все было ясно. Я только что вернулся из длительной поездки по

российским провинциям — жулики объединяются, им нужно полное понимание наверху. "Кто это там мешает нашей власти? Ату их!"

Вот с этими соображениями я и пришел как-то в середине сентября к Хасбулатову. Хотелось также познакомиться. Много слышал. Разного.

Хасбулатов мне по-человечески понравился. Внимательно слушал, делал пометки в блокнотике. Но предостережения моего не понял.

Усмехнулся:

— Что вы, на это они не решатся.

ПУТЧ

Однако, решились.

И 21 сентября брякнули свой знаменитый Указ.

Почему — путч? А что же это такое? Типичный государственный переворот, совершенный группой заговорщиков. Военный переворот — с использованием армии и войск МВД. В августе 1991-го путчисты проиграли. Сейчас выиграла (были решительнее, беспринципнее, не имели никаких нравственных ограничений, абсолютно никаких — как будто и не люди). А победители могут трактовать события как угодно, хоть наоборот. Так те, кто защищал конституцию и законность, были объявлены путчистами, мятежниками...

Итак — случилось.

И случилось неожиданное. Россия не подержала путчистов. Москва — да, а Россия — нет. (Но Москва — особый случай, мы уже говорили об этом. Здесь теперь живет другой народ. До сего дня у криминального мира не было своей столицы, теперь есть — Москва.)

Россия восстала против власти, поставившей себя вне закона.

"Восстала... Кабы восстала, все было бы не так..."

А вот потому и били из пушек, чтобы эхо выстрелов разносилось по всей России.

Западный читатель небось ухмыльнется: "Что это за народ, который эха выстрелов испугался?".

Не дай Бог французам или американцам испытать то, что испытали россияне. Я не про Гитлера говорю. В наш народ стреляли свои вожди. Почти нет семьи, из которой кого-нибудь не поставили бы к стенке. Вот и дожили до того, что выстрелили в Москве, а упали ниц на Камчатке. Ну и пропаганда сделала свое черное дело. Обыватель, парализованный ужасом, хватался за спасительную мысль: "А может, промолчать?.. Раз в них — из пушек, стало быть, такие негодяи...".

И все-таки я осмелюсь утверждать, что Россия восстала. Косвенным доказательством этому являются результаты выборов, на которых президентская партия, сулившая себе чуть ли не 50 процентов голосов, потерпела сокрушительное поражение. Но об этом — позже.

Ни западное, ни даже российское общество не имеет никакого или имеет слабое представление о том, что происходило в России с 21 по 4 октября. А передо мной лежат документы.

Это — решения и заявления всевозможных совещаний, собиравшихся всюду — в российских провинциях. Ассоциация "Центральная Россия", например, — совещание полномочных представителей всех областей Центральной России, включая и глав администраций, то есть представителей президентской власти. Решение: "Немедленно восстановить законность в стране! Отменить цензуру, прекратить блокирование объективной информации на радио и телевидении!..".

Ассоциация "Черноземье" — "немедленно восстановить конституционную законность! Снять блокаду Белого Дома!".

"Сибирское совещание" — присутствуют все руководители республик, краев, областей и автономных округов огромной Сибири. Решение: "...В случае невыполнения наших требований будут предприниматься меры протеста вплоть до перекрытия движения по всем магистралям, связывающим европейскую Россию с Сибирью, будут прекращены поставки угля, нефти, газа, подача электроэнергии...".

26 сентября в С.-Петербурге — Совещание Субъектов Федерации, присутствует 41 человек. Все, кроме мэра С.-Петербурга А.Собчака и главы администрации Рязанской области, голосуют за решение: "Отменить Указ и восстановить в стране в полном объеме конституционную законность!".

30 сентября в Москве — 62 руководителя органов государственной власти: "В случае невыполнения требований до 24 часов 00 минут 30 сентября 1993 года примем все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме".

29 сентября с воззванием к властям обратился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

"...Никакие политические цели не могут препятствовать обеспечению находящихся в Белом Доме людей медикаментами, пищей и водой, медицинской помощью, нельзя допустить, чтобы физическое истощение спровоцировало людей на неконтролируемые насильственные действия".

Трудно даже представить, сколь плохи были дела у исполнительной власти перед двумя трагическими днями октября.

Что делать? Пойти на "нулевой вариант", как того требуют руководители всех краев, областей и республик России? Отменить Указ, вернуться к состоянию, которое было до 8 часов вечера 21 сентября? Так ведь сожрут. Одну только колючую проволоку вовек не забудут. (Спираль Бруно, которой было опутано все в кольце вокруг Белого Дома, запрещена Международной конвенцией в 30-х годах. Даже немцы не решались ее применять.)

Пойти на решительные действия? Сделать то, на что не решились заговорщики в 1991 году? А где взять силы? Руководство армии трусит, колеблется. Министерство безопасности не пойдет против народа, это уже ясно. (Дорого потом обойдется этому ведомству отказ выполнять преступные приказы.) Получается, что на стороне власти — только МВД (министру Ерину пожалуют потом звание генерала армии и звезду Героя России), боевые отряды коммерческих структур и самая активная часть творческой интеллигенции (вы их всех знаете в лицо, они теперь с утра до вечера на телеэкране. Порядочные люди давно уже замолчали, кто — в

раздумьях, кто — от безнадежности: что толку плевать против ветра?).

По большому счету именно эта интеллигенция и решила дело в пользу власти, обратив всю силу своего таланта против народа и родины.

Страшный грех лежит на журналистах. Они еще раз доказали, что журналистика — вторая древнейшая, то есть вторая после проституции, профессия на земле. Заметим, положение сейчас не такое, как много лет назад, когда отказ говорить неправду влек за собой суровые репрессии. Сейчас может грозить только увольнение с работы (страсти-то какие! И только поэтому надо так расстилаться перед властью? Давать ежедневно насиловать себя? Нет, точно — вторая древнейшая).

Те из журналистов, что писали о "нападении на штаб СНГ", не могли не знать, что это провокация. Но лгали.

Журналисты — очевидцы того, что происходило у мэрии 3 октября, не могли не видеть, как омоновцы стреляли по ногам демонстрантов (эти раненые живы, их можно спросить), вот это и заставило разъяренную толпу пойти на мэрию. Но в прессе представили дело наоборот.

Журналисты, их телевизионное и газетное начальство не могли не знать, что происходит в России, какова реакция населения. Но скрыли. И от российского общества, и от мирового. Реакция населения на действия властей стала известна только 12 декабря, в день опубликования итогов выборов.

И наконец, тележурналисты и телеоператоры, которые находились вечером 3 октября у Останкино, больше кого-либо другого понимали, что происходит. Их убивали. Они, как и

находящиеся рядом старики, женщины, дети, падали, сраженные пулеметными очередями.

Но те, кто остался в живых и оправился после ранений, пришел в себя от испытанного ужаса, предоставили свои материалы подлецам и мерзавцам! Последние же выбрали то, что выгодно власти; вы тысячу раз видели эти кадры на экране — из сотен часов видеопленки какие-нибудь 15-20 минут: грузовик выбивает стеклянную дверь телецентра, убитый боец "Витязя", убитый звукоинженер (кем?! Об этом еще поговорим). Остальные пленки (повторю — сотни часов!) лежат невостребованными в операторских ящиках. Часть материала попала в Прокуратуру — там и сгинет навсегда. Какими-то кадрами операторы пытаются приторговывать — надеются "задвинуть" на Запад. Но Западу никакая правда о перевороте не нужна.

Останкино — ключевой пункт октябрьской трагедии, на нем и надо остановиться подробнее. Тут произошла самая большая провокация в истории России. Власть смухлевала и вытащила из колоды самый большой козырь — "Штурм Останкино".

С него и пошла.

Многих россиян смутил этот "штурм Останкино", эти рассказы о зверствах "боевиков" Руцкого. Люди опешили, задумались: "Черт его знает... Может, виноваты и те и другие?.. Может, и те и другие — мерзавцы?.. (Такое мнение бытует по сей день: октябрьские события — мафиозные разборки двух кланов. Клана Ельцина и клана Руцкого.)

В ночь с 3 на 4 октября Россия пришла в замешательство. «Какие ужасы рассказывают про этих боевиков?.. И не верить нельзя... На телеэкран высыпали популярные артисты,

режиссеры, телекомментаторы... Вот Явлинский произнес речь, вроде приличный человек... а тоже призывает: "Никакой пощады!"»

Ни Явлинский, ни популярные артисты, наверное, сейчас не повторили бы свои тогдашние ночные речи, многое даже им теперь ясно. Но тогда дело было сделано. Короткого замешательства, возникшего у населения, хватило Власти, чтобы расстрелять Россию.

ОСТАНКИНО (в видеодокументах)

Спустя месяц-полтора после кровавой трагедии выступал по телевидению седовласый, с интеллигентными манерами Сергей Филатов — руководитель администрации Президента или "параллельного правительства", как его теперь называют. (Президентский аппарат разросся до таких неслыханных размеров, что смешно вспоминать теперь сталинский бюрократический аппарат или даже брежневский, клеймить который за его непомерные размеры считал своим долгом каждый из рвущейся к власти шпаны).

Так вот, сидит перед камерой Правая (или Левая?) рука Президента, а ведущий (все тот же А.Караулов), задыхаясь от гордости за собственную смелость, его спрашивает:

— Как вы себя чувствуете, когда слышите, как про вас говорят: "У него руки по локоть в крови"?

Ответ:

— Во-первых, не я отдавал приказ... (Ага, важное свидетельство! Пригодится будущему следствию.) А во-вторых... — следует скорбный вздох... — После того, что произошло в Останкино...

Все они "пляшут" от Останкино. Главный козырь.

Так и в народе. Скажем, на встрече с избирателями просят меня рассказать о Белом Доме. Говорю то, что знаю. Вдруг разъяренный голос из зала:

— Вы лучше расскажите про Останкино!..

Что ж, давайте расскажу.

"Штурм" Останкино проходил под взглядами десятков телекамер. На видеопленке запечатлена каждая секунда происходившего. "И Белый Дом — под взглядами телекамер", — скажете вы.

Вы правы, но отчасти. Начало расправы с Белым Домом, самые страшные зверства не сняты вообще. Остальное — издали.

Останкино телеоператоры снимали изнутри, из гущи событий — из толпы, из окон обоих зданий, с брони БТРа, через прицел автомата... Следствию (лишь бы оно захотело быть объективным!) очень поможет то обстоятельство, что трагедия разыгралась вечером, в темноте. Я человек не военный, поэтому для меня большим открытием было узнать: оказывается, пули-то у нас трассирующие... Все видно. Каждую очередь. Можно остановить или замедлить картинку, можно рассмотреть каждую пулю — откуда выпущена, в кого попала.

Вот, скажем, едет пацан на велосипеде. По нему прицельно (из чистого хулиганства!) лупит автоматная очередь. Замедлим картинку —

видно, как пули бьют по спицам велосипедного колеса, рикошетируют от асфальта. Пацан проехал невредимый.

Или — стоит юноша в центре площади, между двух зданий. В него сверху (из высокого окна или с крыши) впивается автоматная очередь. Замедлим кадр и увидим, как пули входят ему в грудь, как прошивают насквозь тело, будто оно не из костей, тканей и сухожилий, материала, которым пользовался Господь, создавая нас, человек; будто оно из пустоты, и мы видим, как пули, пройдя через эту пустоту, бьются об асфальт, разлетаясь сверкающими брызгами. А юноша стоит и смотрит вверх, в темноту, где прячется невидимый ему убийца. И только через мгновение начинает оседать и клониться к земле...

Но давайте по порядку.

Толпа тысяч в сто пятьдесят, а то и больше, движется к Останкино.

Двигается не на штурм — хорошо бы, чтобы это, наконец, поняли и Запад, и Россия. Она идет требовать эфира! Эта толпа представляет огромную часть населения России. России униженной, всеми презираемой, вконец разоренной, бесправной и безголосой. Простим этим десяткам миллионов их заблуждение — они считают, что имеют право голоса в телевизионном эфире, они хотят, чтобы вся страна, весь мир узнал, что с ними сделали, что сделали с их детьми.

Толпа совершенно безоружна. У некоторых в руках пластиковые щиты, отнятые у милиции при столкновении с ней на Крымском мосту. Заметим, впервые за многие годы народ прибег к нецивилизованной форме протеста, до этого ограничивались митингами и демонстрациями.

Да и в этот раз была демонстрация, но путь преградили омоновцы; толпа прошла через них, как нож сквозь масло.

Толпа состоит из пенсионеров, стариков — ветеранов войны; есть люди и среднего возраста, и женщины, и очень много молодежи. Впереди и вокруг — дети...

Почти всю дорогу толпа скандирует одну фразу: "Фашизм не пройдет!" (И вот этих людей назовут потом фашистами.)

Толпы людей движутся к Останкино.

На заклатие.

Прямо за толпами, не отставая от них, движется воинское подразделение. Есть записи радиопереговоров, которые ведет командир отряда со своим высоким начальством:

— Следуйте за ними, информируйте по пути следования!

— Вас понял.

Существуют кадры, снятые еще засветло: минут за 20 до подхода толпы к северному крылу Останкино (там, где концертная студия), взламывая железный забор, подъезжают семь БТРов. На броне каждого из них — человек по пятнадцать бойцов "Витязя" (значит, по столько же внутри каждого бронетранспортера). Человек 200 вооруженных до зубов бойцов. В касках, закрывающих все лицо, в бронежилетах. Другой оператор, уже внутри здания, показывает, как бойцы "Витязя" занимают боевые позиции. (По подземному коридору они прошли в другое здание, где и разыгрались основные события.)

Оператор подробно показывает вооружение "витязей". Автоматы с лазерной наводкой, пулеметы, гранатометы, снайперские винтовки с оптическими прицелами.

200 бойцов такого спецподразделения, сидящие в укрытии, способны отразить наступление стрелковой дивизии. Посчитаем другие силы: 500 солдат дивизии Дзержинского (вот они — на экране! оружия при них, правда, не видно), две роты милиции (охрана здания), вооруженные легким оружием — пистолеты, автоматы...

О каком штурме Останкино могла идти речь?

Вот какие кинокадры надо показать миру! И на этом поставить точку в легенде о "штурме Останкино".

Но мы продолжим.

Толпы людей уже подошли к обоим зданиям Останкино. Прибывают автобусы от Белого Дома. Кто в них? Боевики? Нет, контингент все тот же — молодежь и люди с авоськами.

С оружием пока никого не видно.

Идет митинг около 17-го подъезда.

А бойцы "Витязя" внутри здания готовятся к бою.

Кадр, снятый через прицел автомата: толпа демонстрантов за стеклами больших окон телекомпании, панорама по толпе... Стоп! Вот перед толпой прошел человек в камуфляжной форме с автоматом в руке. Кто-то из защитников Белого Дома или "боевиков", как их окрестила пресса... Продолжаем панораму — человек с мегафоном. Наезд — Анпилов. Что-то говорит, обращаясь к тем, кто внутри здания. (Небось, и не понимает, что он на мушке автомата.) Что говорит Анпилов, не слышно. Можно, впрочем, догадаться:

— Требуем впустить нас!.. Вы не имеете права не давать слова России!.. Вы выполняете

преступные приказы, люди, которые отдают их, — воры и предатели России...

Можно, словом, догадаться.

Вот опять на экране Анпилов — снятый с улицы, другим оператором.

— Товарищи,— обращается он к своим соратникам,— мы пришли с мирной целью, не поддавайтесь на провокации...

Так шумели до темноты. А потом приехал генерал Макашов с несколькими вооруженными защитниками Белого Дома...

Молодые депутаты из фракции "Смена. Новая политика" рассказывали мне:

— Когда мы узнали, что Макашов поехал в Останкино, мы сразу бросились в машину — надо остановить этого дурака, пока он не наломал дров... Когда подъехали к зданию телекомпании, уже вовсю шла стрельба...

Сначала Макашов выкрикивал в мегафон оскорбительные слова: "Крысы, выходите! Перед вами превосходящие силы..." (Представляю, как презрительно улыбались бойцы "Витязя", слыша это.)

Потом стали выламывать грузовиком стеклянные двери. (Так же толпа поступила и у здания мэрии — омоновцы бежали.)

Но здесь, в Останкино, была ловушка. Бойцы, сидевшие в засаде, только и ждали этого. Легко представить, какая команда пронеслась по этажам: "Огонь не открывать! Дайте хоть одному войти в здание...".

Кадры — как грузовик взламывает двери — снимал французский телеоператор Иван Скопан. Через несколько секунд он погибнет. По толпе — по тем, кто вламывался в дом, по тем, кто смотрит, по тем, кто снимает эти кадры для

истории, ударят из всех видов стрелкового оружия.

Началось.

Вспышка — кто-то выстрелил из гранатомета. Скорее всего, кто-то из макашовцев. Хотя... Я разговаривал с двумя боевыми генералами, прошедшими через Афганистан. Рассказал им про то, что произошло в Останкино, дошел до гранатомета...

— О! — воскликнули оба в один голос. — У нас в Афгане выстрел из гранатомета всегда служил сигналом к открытию огня...

Итак, вспышка... и сумасшедший перекрестный огонь из обоих зданий телекомпании. Из нижних этажей, из верхних, с крыши. Площадь уже усеяна трупами. Уцелевшие в панике бегут к пруду, в парк (они примыкают к зданиям телекомпании).

Потрясающий кадр! — лежат убитые, корчатся раненые, бьются об асфальт трассирующие пули, а на переднем плане два телеоператора (один, судя по экипировке, — иностранный, другой — наш) продолжают снимать бессмертные кадры. Неужели они так и не будут востребованы обществом? Их не покажут всему миру по телевидению, не предъявят в обвинительном заключении тем, кто устроил эту бойню?

Толпа рассеяна, нападающих нет... Можно уже прекратить огонь, не правда ли? Но нет. На площадь, один за другим, выползают бронетранспортеры. Ведут себя в высшей степени странно. Лупят длинными очередями по окнам телекомпании (зачем? Там же — бойцы "Витязя", сотрудники телецентра?!), потом опускают стволы пулеметов и бьют в сторону парка — там

сотни, тысячи людей! Так ведет себя каждый бронетранспортер, это зафиксировано на пленке.

И пулеметчики из главного здания Останкино ведут непонятный огонь. Трассирующие очереди лупят в угол другого здания компании, стоящего на противоположной стороне, пули бьются об асфальт, перед входом в здание. Зачем? Там никого в живых, одни трупы на земле. Пули рикошетируют о мостовую и влетают в окна здания. Это ярко высвечивается на экране, можно даже схему начертить.

Эти пули, выпущенные из бронетранспортеров и из пулеметов, установленных в главном здании телекомпании, не могли не убить кого-нибудь. Они и убили.

Погибли боец "Витязя" и сотрудник телекомпании, звукоинженер Сергей Красильников.

Средства информации спишут эти преступления на нападавших. Как они могли их убить? Ни один из них не переступил порога здания. О каком ответном огне могла идти речь? К тому же звукоинженер Красильников был убит на втором этаже, и стоял не у окна, а в коридоре. Это могла сделать только очередь из бронетранспортера или из пулемета, стрелявшего из главного здания компании. Пули мощной поражающей силы ударили в потолок, в металлический переплет окна и рикошетом настигли жертву.

Этот перекрестный огонь из одного здания в другое велся еще часа три — уже после того, как на площади не осталось никого, кроме убитых. Я сам был свидетелем этой перестрелки.

На Николо-Архангельском кладбище похоронены многие из тех, кто погиб от рук бойцов отряда "Витязь", новых героев России. (Напомним — дня через три-четыре после тра-

гедии их чествовали на телевидении, как героев. Вручали подарки, обещали квартиры... На следующий день они уже топотали сапогами по дому на улице Королева, где живут депутаты. Вламывались в квартиры, кричали на бедных женщин, грозили — требовали немедленно выметаться...)

Так вот — Николо-Архангельское кладбище. Крест, фотография — прекрасное юношеское лицо. Рыдают на могиле безутешные родители. В Останкино у них убили сына и невестку.

О, Господи! Неужто не смилостивишься ты над несчастной нашей страной?

Сколько же убитых в Останкино?

В "демократической" стране под названием Новая Россия этого не узнать никогда и никому. По прикидкам очевидцев и врачей скорой помощи — человек 60-70. Раненых же — тьма. Дети, юноши, молодые девушки, пожилые люди...

Опять-таки все это зафиксировано на пленке, но прокомментировать эти кадры я попрошу врача, доктора Григорьева, очевидца событий. Сергей Григорьевич передал мне письмо, в котором подробно описал происшедшее. Ограничимся только последней частью его подробных свидетельских показаний.

"...Первого раненого, точнее раненую, принес на руках юноша. На ней были джинсы и обувь на одной ноге в крови. Стал осматривать джинсы наверху и заметил две дырки на них почти у паха, спереди и сзади. Сквозное! Надо снимать брюки. Девушка, хоть явно теряла сознание, но стеснялась, не давала их снимать. Прикрикнув на нее, обнажил рану.

Пульсирующими толчками вытекала кровь. Артерия!..

Потом принесли несколько человек с осколочными ранениями лица и головы (значит, граната взорвалась на улице). Поверьте, жуткое ощущение, когда сквозь кровавое месиво вместо носа и скулы на тебя с надеждой смотрят глаза. И нет сил ответить на вопрос: "Доктор, что у меня там?..".

Вокруг нашего медпункта (в парке рядом с телецентром) сидят и лежат много раненых. В первую очередь оказываем помощь раненым в голову, затем — с обильными кровотечениями, "сухих" просим потерпеть...

Вот раненый с обильным кровотечением. Под светом фонаря пытаюсь рассмотреть среди волос на голове источник кровотечения. Тампоном стираю кровь... и снимаю скальп. Осколком, как бритвой, срезан большой лоскут кожи. Еще чуть ниже — и моя помощь ему вряд ли бы понадобилась...

Парень лет двадцати пяти — в верхней трети груди круглое отверстие, при каждом выдохе, пузырясь, вытекает кровь. Поврежден крупный легочный ствол...

У следующего раненого разворочены мышцы плеча. Тоже похоже на осколочное ранение...

Бегом приближается группа людей — несут на руках человека. Пожилой мужчина в темном простом костюме. Его кладут у моих ног. Жена придерживает руками его голову и непрерывно кричит: "Помогите! Доктор, сделайте что-нибудь!". Я отстранил руки женщины, повернул голову... Затылочная часть черепа отсутствовала, мягкая часть срезанного мозга выбухала из отверстия...

Мы перевязывали раненых без остановки. Со всех сторон слышались крики: "Скорую! Быстрее врача! Кто-нибудь, скорее!". Подходило много людей, предлагали помощь. Но я перевязочный материал давал только медикам. Рюкзак с медикаментами был почти пуст. Все, что оставили врачи со скорой помощи, закончилось... А пулеметчики в окнах Останкино вошли в раж: стреляли, не переставая, гонялись за любой целью. Вот двое тележурналистов — один с камерой, другой с маленькой стремянкой — бегут к пруду. Бегут, петляя, а за ними, повторяя их зигзаги, летят красные светлячки. Алюминиевая стремянка зеркалит свет фонарей, и в тени хорошо видно ее движение. Вот светлячки догоняют стремянку, и она больше не движется. Стон ненависти прокатывается над парком. Сотни людей видели эту дикую охоту на журналистов.

Я смотрел на людей вокруг и думал: почему они не уходят? Даже здесь, в парке, пуля может настигнуть любого...

22 часа 15 минут. К парку подошли бронетранспортеры; люди на броне кричат в сильный динамик: "Мы получили приказ от Верховного главнокомандующего (Ельцина) стрелять на поражение. Через несколько секунд открываем огонь!".

Я подумал: они уже давно стреляют на поражение, что же еще будет? И увидел: стальные машины стали носиться по парку, подпрыгивая на корнях и кочках, обстреливая из пулеметов буквально каждый куст.

Люди побежали, смертельная опасность превысила разумную степень риска. Если уж сам Президент отдал приказ стрелять в своих

граждан, что же уповать на милосердие рядовых убийц?..

Надеюсь, что новая законодательная власть начнет свою жизнь с гласного определения законности октябрьских событий.

Иначе преданная забвению гибель даже одного человека — непременно станет зародышем беззакония, а ненаказанный бандит завербует легион уповающих на безнаказанность.

Беззаконие, помноженное на безнаказанность, при современной технике, не только взорвет общество, но и разрушит всю страну.

Октябрь 1993".

БЕЛЫЙ ДОМ

Загадки еще остались.

Сколько жертв, куда делись их тела? За четыре месяца (сейчас уже февраль) я так и не смог ничего узнать.

Свидетели, все до одного, уверяют — не меньше тысячи.

А какое это имеет значение? Сто или тысяча, или даже один, полный сил и надежд, юноша? Это все равно мировая трагедия — из пушек по Парламенту, по женщинам, детям...

Остановимся только на нескольких моментах.

Можно считать установленным (показания свидетелей не расходятся) такой факт.

Часов в шесть утра подъехали два бронетранспортера (на них сидели люди в граж-

данском!) и расстреляли палатки вокруг Белого Дома. Там в это время были только старики и дети. У костра сидели старухи, пили чай. Их — в упор из пулемета.

Одна из машин развернулась и ударила пушкой по палатке. Куски мяса полетели в разные стороны...

Можно считать доказанным тот факт, что действительно существовал приказ: живыми не брать!

По крайней мере — руководителей "мятежа".

Это подтверждают записи переговоров, которые вела между собой милиция. Об этом свидетельствуют высокие должностные лица (фамилии их я сейчас не могу назвать).

После того, как из Б.Д. вывели последних депутатов, в плен уже никого не брали. Стреляли на месте.

Достойнее всех вели себя в Белом Доме подразделения Министерства безопасности. Отвратительнее всех — милиция, отряды ОМОНа, привезенные из разных городов России.

Что за Армия, вернее, что за офицеры согласились стрелять из пушек по зданию, где находилось около 10 тысяч людей? Газета "День" напечатала список фамилий танковых экипажей (не знаю, можно ли верить). Но нам и не нужны фамилии. У них одна фамилия, одна на всех.

Палачи!

И, как все палачи, они работали за деньги.

В ночь с 3-го на 4-е, перед кровавой расправой, люди Гайдара (точнее — Вавилов, зам.министра финансов) потребовал у Правления Центробанка экстраординарную сумму денег наличными. (Герашенко, председатель Центро-

банка, в это время находился в самолете, летел в Китай.)

Обратите внимание, деньги понадобились в ночь с воскресенья на понедельник. До утра не могли подождать. Для какой цели? Может быть, террорист захватил самолет с заложниками и потребовал огромный выкуп? Нам об этом не сообщили.

Центробанк, естественно, отказал.

Тогда Вавилов с каким-то генералом поехали на фабрику Гознака и взяли там 1 миллиард рублей под расписку.

По непроверенным данным (данные-то проверены, но доказать невозможно), такую же сумму собрали правительству коммерческие структуры.

Куда пошли эти деньги? Террориста нет, в карты они не играют.

Деньги пошли на оплату работы палачей.

Спустя несколько дней после карательной акции люди Гайдара взяли из Центробанка еще 11 миллиардов рублей. К концу года Центробанк потребовал отчета: куда пошли деньги? Объяснения дано не было. 11 миллиардов вернули.

Эти, последние, деньги, да еще такая огромная сумма — вообще загадка. Неужто двух миллиардов не хватило?

Приведу (для дотошного читателя) одну справку. Об источнике информации говорить не буду — времена сейчас суровые.

Итак, цитирую:

"....Факты использования крупных наличных сумм во время и сразу после событий 3-4 октября:

а) выплаты всем военнослужащим ВС РФ, участвовавшим в событиях 3-4 октября, в частности, в блокаде и штурме Дома Советов России: рядовым — 100 тысяч рублей единовременно, офицерам — от 200 до 250 тысяч единовременно;

б) выплаты 12 офицерам-добровольцам, из которых были сформированы танковые экипажи, стрелявшие по зданию Дома Советов, — по 5 миллионов рублей каждому;

в) целевые единовременные выплаты бойцам сводного отряда ОМОНа гг.Москвы, Рязани, Тюмени, Краснодара, Красноярска, Омска, Екатеринбурга и т.д.: по 200 тысяч рублей каждому;

г) единовременные выплаты и премии сотрудникам РУВД г.Москвы, аппаратов ГУВД г.Москвы, МВД РФ за "сверхурочные работы" и "образцовое выполнение задач" сразу же после событий 3-4 октября (бойцам ОМОНа — по 200 тысяч рублей единовременно, рядовым внутренних войск — по 100 тысяч рублей, офицерам внутренних войск и милиции — от 70 до 300 тысяч рублей в зависимости от ранга и степени участия).

3. Выводы:

а) учитывая, что в операциях по штурму здания Дома Советов России участвовало около 3 тысяч человек ВС РФ, можно оценить минимальный размер этих выплат в сумме 360 миллионов рублей ($3,000 \times 100,000 + 12 \times 5,000,000$);

б) учитывая, что в событиях 3-4 октября принимало участие около 20 тысяч сотрудников милиции, бойцов ОМОНа и солдат внутренних войск и, по оценкам независимых экспертов, каждый восьмой из них принимал активное участие в так называемом "подавлении вооруженного мятежа", сумму выплат в этой части

можно оценить примерно в 700,000,000 рублей только за период 3-4 октября (200 омонцовцев x 200,000 рублей; ОМСДОН им.Дзержинского— 2,000 миллионов рублей; выплаты сотрудникам РУВД г.Москвы, аппарата ГУВД г.Москвы и МВД РФ — до 300 миллионов рублей; последние две цифры выведены рядом независимых экспертов);

в) учитывая, что в сентябре-октябре 1993 года правительство задержало за отсутствием наличных средств выплату денежного содержания сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим ВС РФ, можно предположить, что все денежные выплаты во время и сразу после событий 3-4 октября в г.Москве имели внебюджетные источники и оцениваются только в части наличных выплат, по минимальным расчетам, в 1 миллиард рублей; с учетом же безналичных трат на материальные ресурсы (ГСМ, амортизация техники, связь, оплата перевозок, продовольствие, расходы боеприпасов, ресурсов боевой техники и пр.) сумма внебюджетных затрат приближается предположительно к 10 миллиардам рублей".

Второе издание моей книги переводится сейчас на английский и французский языки. Я бы хотел обратиться к западному читателю: скажите, в какой, даже не демократической, а просто более-менее цивилизованной стране такое возможно? Где?

Замечу мимоходом: впервые в истории XX века ни в одной стране, ни в одной точке земного шара не прошло демонстрации протеста, не возмутился ни один из интеллектуалов — "Как же так? Из пушек — по Парламенту?!".

Выходит, ни по одному Парламенту — нельзя, а по русскому — можно?

Что-то тут не так, дорогие друзья.

О зверствах, которые творили палачи, когда с Парламентом было покончено, я уже писал в этой книжке. За прошедшие четыре месяца я поговорил и с другими очевидцами, выходившими из Дома перед наступлением темноты. Били всех. Омоновцы и люди в гражданском. (Опять эти люди в гражданском!)

Не будем приводить здесь новые описания издевательств — везде было одно и то же. Я поговорил с Бабуриным. Его, крепко избив, отвезли на Петровку. В Верховном Совете он был Председателем Комитета по законности и законодательству. И вот вводят его в камеру на Петровке. А там весь Комитет по законности Моссовета. В полном составе. Потом, когда Бабурин присел на нары, депутаты признались ему:

— Мы сначала подумали, что ты пришел нас освобождать...

В этой книжке упоминается фамилия депутата Фахрутдинова (в рассказе Олега Румянцева). Депутат Вагиф Фахрутдинов — рабочий из Казани. У него большое сердце, он ходит со вшитым электростимулятором. Омоновцы, повалив его на землю, буквально плясали на нем — сломали восемь ребер, порвали легкое. В тяжелейшем положении он оказался в больнице. Мать в Казани смотрела в этот день трансляцию — Си-Эн-Эн — как танки стреляли по дому, в котором находился ее сын. В итоге — глубокий инсульт...

Вот такие пироги.

Фашизм. В самом чистом и откровенном виде.

Фашисты, называющие себя демократами.

Я каждый раз вздрагиваю, когда слышу, как эти пухлолицые президентские ребята говорят: мы демократы...

И уж совсем становится не по себе, когда и Запад называет их демократами. Будто ослеп. Будто оглох. Будто эхо пушечных выстрелов не обогнуло несколько раз всю планету.

Генерал Колтунов, тоже депутат, рассказывает: их (пятерых) привезли на автобусе в Лужники. Везли ребята из "Альфы". Приезжают в Лужники. Дворец спорта, Ледовая арена. Человек сто милиции, между зрительскими рядами — солдаты внутренних войск, служебные собаки... Видимо, готовились к интернированию большого количества людей.

Когда автобус остановился, — вспоминает Колтунов, — к машине подошел милицейский офицер. Один из альфовцев вышел к нему, и я услышал их разговор. "Зачем вы привезли их сюда? Сами не могли этого сделать?" "Мы грязными делами не занимаемся".

— Что, что? — спросил у Колтунова депутат Сидоренко. — Что он сказал?

— Сейчас расстреляют...

Потом их увезли из Дворца спорта. Слишком важные птицы. Нужно было снять показания, взять отпечатки пальцев — как у преступников...

Что делали в Лужниках с остальными людьми — неизвестно. Во всяком случае, готовились серьезно.

Больше всех повезло тем, кто попал в Лефортово — тюрьму КГБ. Там не били, отношение было обычное, механически-вежливое.

На Петровке же били сильно. Меня познакомили с человеком, побывавшим там. Его лупили резиновыми дубинками по пяткам. Так, из

чистого хулиганства. Сведений никаких от него получать не собирались, человек он случайный — не депутат и не защитник Белого Дома...

Во дворах же вокруг Белого Дома не только били, но и убивали. Все свидетели, все до одного, видели трупы — у ног омонцовцев.

Тех, кто выходил вечером из Белого Дома в сторону мэрии и Арбата, били люди в гражданском. Одному подполковнику расквасили лицо, били ногами... Устроили живой коридор и никого не помиловали, отметили всех...

Участие боевых отрядов криминальных структур в карательной акции можно считать доказанным (люди в гражданском на бронетранспортерах, расстрелявшие стариков в палатках!). Но я — не об этом.

Те, кто избивали выходящих из Парламента людей, — это не боевики криминальных структур. Это те, кто особенно охотно откликнулся на ночной призыв Гайдара — новое племя, Новая Россия. "Поколение, выбравшее пепси".

Когда Президент Ингушетии Руслан Аушев и Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов пошли с белым флагом в Белый Дом, чтобы вывести оттуда женщин и детей, эти, "выбравшие пепси", плевали в них, били ногами, кричали что-то типа: "Ну, ты, узкоглазый, калмыцкая морда!..".

Город, население которого уже на треть состоит из этих биологических мутантов, плюющих в человека с белым флагом, не дающих вывести из горящего здания детей и женщин... Разве такой город имеет право занимать место на планете? Выходит, не оставляем мы Господу Богу иного варианта, как только сжечь этот, погрязший в предательстве и смертном грехе,

город. Как были сожжены, чтобы не безобразить землю, Содом и Гоморра!

В РЕЖИМЕ КОЛОНИИ

Слава Богу, я ошибся. Нет, новый Парламент не состоит на две трети из ставленников криминальных структур. Партия, опирающаяся на класс новых "собственников", провалилась на выборах. Имея в руках все деньги, все средства информации, всю власть, — провалилась с треском!

А должна была выиграть. Расчеты мои не были ошибочными. Но я уже говорил, книга была написана до 4 октября (события эти вошли в нее страничками дневника). И расчеты мои составлялись без учета этих событий.

4 октября, горящий Парламент... вот это погубило все расчеты. Для одних — к счастью, для других — к сожалению.

За месяц до выборов их результаты уже можно было предвидеть. Те, что ездили по стране и встречались с избирателями, — те видели. Видели, как изменился народ, как сплотился в единой ненависти к убийцам. Не видели только они сами. Так и не поняли ничего ни про свою страну, ни про свой народ. Их социологи за две недели до выборов еще продолжали публиковать прогнозы: в Москве "Выбор России" наберет 37 процентов, в С.-Петербурге — 38, в Мухосранске — за пятьдесят. В ночь с 12 на 13 декабря устроили в Кремле пышное телевизионное шоу — Полити-

ческий бал. С бокалами шампанского в руках усталились на табло — сейчас на нем появятся победные цифры.

Первые же результаты выборов (на Дальнем Востоке и в Сибири) привели их в состояние шока. Телевидение хорошо передало этот момент — испуганные растерянные глаза, уставившиеся на электрическое табло. Один их идеолог, пьяный в зюю (рано начал праздновать победу!), поднялся, шатаясь, на сцену и, держась за микрофон, чтобы не упасть, крикнул на всю страну:

— Россия, ты одурела!

Ага, Россия одурела, а ты, командовавший "Пли!" своим пушкам, не одурел? А ведь это ты — и такие же, как ты, "художники" — скомандовали: "Пли, по Белому Дому!". Это вы призывали Президента к решительным действиям против Парламента, вы советовали ему: "Канделябрами по головам идеологических противников!". Один известный писатель в тот момент, когда танки и бронетранспортеры уже выкатывались на боевые позиции, с пеной на губах орал по телевизору:

— Раздавить гадину!

Радио России кричало:

— Подонки, отребье, убийцы, озверевшие ублюдки... — Это про тех, кого, как скот на бойне, забивали в Останкине и в Белом Доме.

Некая дама в газете с многотысячным тиражом высказала сокровенное:

— Они (защитники Парламента) виноваты уж в том, что заставили нас их убивать.

Сатана в юбке!

Россия не одурела, она только приходит в себя после дурного сна.

И вот — люди еще не разлепили веки, не стряхнули с себя остатки дурмана, а им уже кричат:

— Все на выборы!

— Зачем? К чему такая спешка? Дайте хоть Конституцию почитать!

— Нет! Бегом на выборы!

Вот они второпях и отдали предпочтение тому, кто им показался антиподом власти, тому, кто обещал на второй день установить справедливость, наказать виноватых, накормить голодных и вылечить больных. Что ж, тем труднее будет этому человеку обмануть народ во второй раз, когда выяснится, что ничего этого он не мог, не сделал и не хотел сделать.

Россия не одурела, а взвыла от боли. Она теперь вся — кровоточащая рана. И рана эта не заживет, если не очистить ее от гноя.

"Мы предотвратили гражданскую войну!" — оправдываются теперь убийцы. Нет, кровь никогда не останавливала войну, наоборот, — кровь требует отмщения.

Кровь развела людей. Каждый теперь, прежде чем поздороваться, присматривается к другому: что за человек? Из какого лагеря?

И это называется — предотвратить гражданскую войну?

Прошло два месяца как у России — новый Парламент. В глазах всего мира она снова демократическая страна.

Депутаты Совета Федерации и Государственной Думы друг друга в глаза не видели. В Москве нет места, где можно было бы собраться вместе. Как же так? Давно нет ни райкомов, ни горкомов, ни обкомов, ни ЦК партии, ни ЦК комсомола, ни союзных министерств, а

всюду сидят чиновники. Во сколько же они обходятся налогоплательщикам?

Отремонтированное здание разбомбленного парламента отдано правительству. Отдано в тот момент, когда окружение Президента нюхом почувствовало: новый Парламент, возможно, не будет карманным и сговорчивым, как предполагалось ранее. Теперь в Белом Доме — правительство. А "мальчики кровавые в глазах"? Нет, тени убитых им не явятся. Они — материалисты.

Государственную Думу разместили в бывшей мэрии. Здание 20 лет без ремонта, даже окна не везде вставили после пожара. Зашел в одну комнату, сделать фотографию на удостоверение. Температура в комнате минус 18 градусов по Фаренгейту. Да и по Цельсию — не жарко; сотрудники работают в шубах. На всех этажах расположились коммерческие структуры, освобождать помещения не собираются.

Что ж, Президент поступил правильно. Каждый сверчок должен знать свой шесток. Думе указано ее место. Чтобы народ знал: ему, Президенту, на Думу наплевать, никакой Парламент ему не указ.

У Думы нет ни помещения, ни бюджета, ни парка автомобилей, ни крохотной комнатки с телефоном, где мог бы работать член парламента. Между тем в средствах информации — настоящая истерия по поводу привилегий депутатов. Тут и сумасшедшие зарплаты, и пять помощников (пока что ни у кого — ни одного), и квартиры (пока что не дали ни одному приезжему), и у каждого персональная машина...

Способы дискредитации Парламента все те же, примитивные донельзя (но действуют!), и цель все та же — вызвать недобрые чувства в

народе, привести его к логическому выводу: "А на кой он России — Парламент?"

Я хотел бы попросить своего читателя быть осторожным, когда он имеет дело с нынешними газетами и телевидением. Не купитесь на дешевку! Каким бы он ни был плохим, этот Парламент (а он ничуть не хуже предыдущего), как бы дорого он ни стоил (а он пока не стоит ничего), все равно цена не будет большой, ибо Парламент — единственный гарант демократии в нашей стране, камень на дороге, скала — взорви ее, расстреляй из пушек... и дорога к личной диктатуре, к авторитарному режиму, к позорному колониальному будущему будет открыта.

Трудно сейчас сказать определенно: какая она, Государственная Дума? Разная. И она расколота на два лагеря, и ее, как Россию, развела кровь.

Трудно принять какое-нибудь серьезное решение, всегда найдется достаточное число голосов с той или с другой стороны, чтобы заблокировать его. По сути все зависит от Жириновского, от его фракции. На чью сторону она встанет при обсуждении вопроса, тот и победит.

Жириновский — хозяин Думы. И не раз уже доказал это. Скажем, обсуждается вопрос о создании комиссии по расследованию октябрьских событий. Ну, "Выбор России", естественно, против расследования причин и обстоятельств трагедии. Позиция понятная и объяснимая. Но Жириновский-то? Собрал голоса сторонников Руцкого, обещал быстро разобраться во всем, ответить народу на все вопросы... Но именно его фракция и сорвала первые две попытки. Только с третьего раза после долгих, в кулуарах Думы, уговоров Владимира Вольфовича удалось протолкнуть этот проект. Как

нельзя более важный. Следствие, которое ведет Прокуратура, не сможет ответить ни на один из главных вопросов, которые мучают население России: какова политическая подоплека событий? каковы масштабы трагедии? Как реагировала на происходившее страна? просматривается ли роль Запада и западных спецслужб (вопрос не праздный)? Какова роль боевых отрядов криминальных структур? И так далее, и так далее... Вопросы большие и маленькие, и на все нет ответа.

Теперь уж и не будет. Комиссией пришлось пожертвовать, ее обменяли на амнистию политическим заключенным. Именно страх перед расследованием причин и обстоятельств октябрьских событий заставил даже некоторых сторонников Президента проголосовать за амнистию.

Сейчас, когда закон об амнистии вступил в силу, в средствах пропаганды поднялась трескотня: "Выпустили виновников октябрьской трагедии! Теперь — снова гражданская война...".

Виновники кровавой бойни в тюрьму и не садились. Виновники оказались победителями, а победителей, как известно, не судят.

Что касается анпиловых, то, конечно же, они снова выйдут на улицы, снова будут работать на Президента — порочить правое дело. Глядя на этих людей, которые хотят только назад, в коммунистическое прошлое, здоровые граждане будут отворачиваться и креститься: "Ну их к черту! Лучше уж Гайдар с Ельциным".

Я-то лично считаю, что Анпилов, такие, как Анпилов, приносят вреда не меньше, чем нечистые на руку реформаторы. Ну так что ж? Его не переделаешь — таков у него кругозор.

За это в тюрьму не сажают. Другой вины за ним нет, разве только та, которую сформулировала "интеллигентная дама": "Вы виноваты уж в том, что заставили нас убивать вас".

"А генерал Макашов?— спросят меня.— Разве он не виноват?"

Виноват. Только он отвечал на выстрелы — это обязательно должно быть принято во внимание. Я уж не говорю о том символическом выстреле, который раздался 21 сентября — человек, клявшийся на Конституции и поклявшийся служить этой Конституции, попрал ее, плюнул на ее священный текст и растоптал ногами. Все, кто восстал против этого, юридически — защитники Конституции.

Не бывает такой амнистии: помиловать всех, кроме Макашова. Или — кроме Баркашова.

Если среди десятков невинных есть один виновный, все равно милуют всех. На то она и амнистия (забвение, прощение). При Сталине, например, было наоборот — если среди миллионов невинных есть хотя бы один виновный, пусть сидят все! (Речь — только о политических; уголовников он тоже миловал.)

Вот на какой аспект я бы хотел обратить внимание читателей.

Закон об амнистии был спущен в Думу Президентом. Его предполагалось принять в качестве первого закона Государственной Думы.

Президентский проект закона касался только уголовников.

Новая власть до удивления становится похожей на старую. Помнится, и Берия, кровавый палач советского народа, тоже начинал с амнистии уголовникам.

Новая российская власть продолжает укреплять себя, она ищет поддержки (и находит!)

исключительно в криминальных слоях населения. Или — в быстро криминализирующихся. Опять, как в былые времена, уголовники — социально близкий ей элемент. Об инакомыслящих, о политических противниках в президентском проекте закона об амнистии — ни слова. Даже об участниках августовского путча, двухлетний процесс над которыми превратился в комедию — ни слова.

Естественно, российский Парламент сразу предложил дополнить президентский проект пунктом, касающимся политических заключенных. Разгорелись страсти. Сторонники Президента помыслить не могли, что на свободу выйдут Хасбулатов с Руцким (видимо, много знающие про них). Набрать большинство голосов (223 голоса), чтобы принять закон с поправкой, никогда бы не удалось, если бы кому-то не пришла в голову мысль — пожертвовать Комиссией. "Вы принимаете Закон, а мы прекращаем парламентское расследование октябрьских событий. Таким образом предлагаем вам мир и согласие, давайте сообща работать, принимать законы, которые смогут облегчить страдания народа".

Повторю — страх перед расследованием, перед возможными разоблачениями, заставил проголосовать за амнистию даже некоторых сторонников Президента. Голосовала "за", активно работала на амнистию и фракция Жириновского. Но не более активно и уж, конечно, не более эффективно, чем другие фракции и независимые депутаты.

Когда выпускали узников Лефортова, Владимир Вольфович примчался туда первым — собирать дивиденды. "Видите, я обещал освободить их — я сделал".

В какой-то степени он прав. Проголосуй фракция либеральных демократов по команде своего вождя "против" или даже просто воздержись — Закон об амнистии никогда бы не был принят.

Вот так и получается — хозяин Думы. Без Жириновского — никуда.

Не простой человек — Владимир Вольфович. На встречах с избирателями мне все время задают один и тот же вопрос: что вы скажете о Жириновском?

А что о нем скажешь? Тем более — двумя-тремя фразами. Определить — значит ограничить. А Владимир Вольфович безбрежен — от Северного Ледовитого до Индийского океана.

Если судить по его словам — вроде бы ярый враг Власти.

По поступкам — человек Президента.

Посудите сами. К Указу 21 сентября отнесся спокойно: октябрьскую бойню не осудил; Конституцию принял (разве без него, без его сторонников, Они протасили бы Конституцию, которую никто не читал, но по которой Президент России имеет больше прав, чем Николай II?); угрозу от Ельцина отвел — угрозу пере- выборов в этом году (помните, обсуждался этот вопрос, сам Президент и назначил свои перевыборы на 12 июня 1994 года; кто сейчас отважится снова поднять эту тему? "Да вы что? — скажут ему. — С ума сошли? Жириновского хотите?").

Для Президента, для президентской партии Жириновский сегодня — панацея, спасение от всех болезней. Они чуть ли не в открытую говорят: "Да, мы — плохие, мы — такие-сякие... Но если не мы — то Жириновский!". И люди верят: действительно страшно.

Политики из "Выбора России" на руках должны носить Жириновского — сколько он для них сделал! А они, видишь ли, брезгуют, здороваются через губу. За ним, видишь ли, — чернь.

Да если бы эта чернь не проголосовала за новую Конституцию, где бы вы были теперь? Пришлось бы жить по старой. Сделать рокировку в Лефортово...

Сложный человек — Жириновский. Но не настолько, чтобы не разобраться в нем. А когда разберешься, выясняется, что совсем и не сложный.

Позиция этого человека такова: не надо мешать этой власти идти по избранному ею пути; потому что власть эта — бездарна, а путь — гибельный; чем скорее они дойдут до края пропасти и свалятся в нее, тем лучше, тем быстрее народ протянет ко мне руки: "Вытащи нас отсюда!".

Словом, позиция Жириновского — чем хуже, тем лучше. Такой линии придерживались большевики в 1917 году. И пришли к власти.

Я уж не говорю о том, что способствовать продлению страданий народа — безнравственно. Но, говорят, политика — грязное дело; нравственные соображения в расчет не берутся. Тогда прибегнем к грубой логике.

Расчет Жириновского совершенно неверен. Власть, которую он в душе презирает — сама большевистская; надуть ее так просто вряд ли кому удастся. Что там партия Зюганова — они уж сами признаются в том, что учение этих господ, Маркса и Ленина, не является для них определяющим. Эту партию давно надо было назвать партией социальной справедливости. Настоящие большевики остались только в Крем-

ле. Стопроцентные большевики-ленинцы. Но еще страшнее, потому что — оборотни! И мораль их, а вернее, отсутствие всякой морали (4 октября они преступили основные нравственные законы, на которых зиждется человеческое общество), и методы у них — самые большевистские. "Пусть 90 процентов русского народа погибнет, лишь бы десять дожили до счастливого будущего (теперь уж капиталистического)" — вот она, ленинская мысль. Некрофилы! Что им страдания народа, когда есть великая цель: "Построим капитализм за одну пятилетку!".

Надежды Жириновского, что власть сама упадет ему в руки, абсолютно неосновательны. Это сейчас власть относится к нему снисходительно, он ей нужен, ей важно как можно дольше сохранить "угрозу Жириновского", а потом... Потом, перед выборами, его просто запретят за ненадобностью — он свое дело сделал.

А скорее всего, выборов вообще не будет. Как это делается, мы уже знаем. Когда, скажем в конце 1995 года, нам объявят, что выборов не будет, никто не пикнет. Власть к тому времени станет такой же крепкой, какой была власть большевиков в начале тридцатых годов, перед репрессиями.

Ну что ж мы не видим, куда идет вся ее энергия? Только на укрепление своих позиций. Она уже сегодня крепка настолько, что может делать что угодно (хоть концлагеря создавать). Она подчинила себе судебную власть, она совершенно не считается с Парламентом (сделала его не только бесправным, но и безгласным), она создает мобильные воинские подразделения, подчиненные непосредственно Президенту (для борьбы с каким внешним врагом?), она разгоняет ненадежные ведомства...

Так, 21 октября прошлого года было разогнано Министерство безопасности. Разогнано не потому, что — "наследники НКВД". Наследники НКВД живы и процветают. Они все ушли охранять коммерческие структуры. За эти годы бывшее КГБ как бы самоочистилось.

Странные метаморфозы произошли с этим ведомством. Сколько бед народу принесло оно! Но прошли годы, и вдруг выяснилось, что КГБ — наименее коррумпированная организация из всех силовых министерств. За этот год, работая над фильмом, я много общался с сотрудниками этого ведомства — и с молодежью, и с теми, что постарше. Честные и преданные родине люди.

Поэтому и были разогнаны. Октябрьские события показали, что сотрудники безопасности не пойдут против народа и не будут выполнять преступные приказы.

(Я уж говорил: подразделения КГБ — "Альфа" и "Вымпел" вели себя наиболее достойно при штурме Белого Дома. Достаточная причина, чтобы их расформировать.)

К тому же Министерство безопасности было разогнано в тот момент, когда оно почти полностью переключилось на борьбу с самым тяжелым и наносящим наибольший урон стране видом преступности — с экономической преступностью.

Политики, строящие свои расчеты на ожидании близкой катастрофы, очень ошибаются. Никакой катастрофы не будет, и никаких катаклизмов не предвидится.

Кто сказал, что в конце пути, по которому мы сейчас идем, — пропасть? Как — кто? Я и сказал — в этой книге, в первой ее части. "Мы, как слепцы, ведомые слепым поводырем, движемся прямехонько в пропасть." Сказано это

было 4 месяца назад. Мир изменился за это время, на многое открылись глаза, изменился и я сам, и мое видение будущего. Так бывает. Еще Толстой говорил: "Человек должен менять убеждения, стремиться к лучшим".

Сомневаюсь, что мои убеждения изменились в лучшую сторону, но сейчас я бы этого не написал. На многое, повторяю, открылись глаза.

Нет, не слепые поводыри нас ведут, а зрячие, опытные, хорошо знающие дорогу проводники. И не пропасть нас ждет впереди, а вполне уютная, приспособленная для жилья долина. Жить в ней можно вполне сносно. Там и сникерсы есть в магазинах, и пепси — хоть залейся. Там есть достаточный минимум для человеческого существования. Даже искусство какое-никакое будет; ну и что ж, что американизированное — кто из тех, кто там будет жить (общество молодеет), вспомнит, что была такая великая духовная страна — Россия?

Называется эта долина — колония.

Реформы удались. Страна уже работает в режиме колонии. Мы отказались от культуры, науки, высоких технологий, развиваем только сырьедобывающие отрасли, у нас уже нет надежной обороны, хорошо живет в этой стране только тот, кто ворует или кто пошел в услужение к иностранцам (всякое исключение только подтверждает правило). Английский — у нас теперь второй государственный язык, доллар — национальная валюта, теннис — первый вид спорта. ("А что вы имеете против тенниса? — спросят меня. — Вы что, ретроград?" Да ничего я не имею — замечательный вид спорта. Только кажется странным: пока был партократором — слыл волейболистом, перекрестился в демократа —

стал теннисистом. На самом деле ответ прост: теннис — спорт хозяев. А вдруг позовут?..)

Ну и так далее. Все приметы колонии налицо.

Вырос нахальный класс компрадорской буржуазии, надежно защищенный своими боевыми отрядами. Армия и милиция уже сориентированы на борьбу с внутренним врагом.

Конечно, какие-то народные возмущения еще будут. Но их быстро подавят, не сомневайтесь.

Интеллигенция — не проституированная, а та, которая действительно совесть нации, — должна готовиться к репрессиям.

Вот так погибла — при тяжелых родах — демократия в России.

Сынишка прислал письмо. С Колымы. Мы с женой шутим: "Сережка поехал на разведку. Перед нашим туда переездом".

Хотел читателю предложить пару цитат из этого опуса, но потом подумал: нет, письмо надо привести полностью.

Папа, милый, здравствуй!

Вот уже месяц, как я на Колыме. Выберусь ли отсюда — неизвестно. Поселок Ягодное, где я нахожусь, полностью разморожен. Канализация также разморожена, и потому внешний вид поселка вызывает самые неприятные ощущения, но тут уж не до эстетства. Я снимаю койку слева от печки-"буржуйки" в двухкомнатной "хрущевке" механика местного ГОКа (горнообогатительного комбината). Справа живет сам механик.

Сегодня завезли воду и мы успели набрать по ведру. Так что не исключена вероятность легкой бани и стирки. Иногда по ночам мне снится горячий суп, но уже все реже и реже.

Спим мы так: обкладываем "буржуйку" кирпичами, а ночью нагретые кирпичи укладываем поверх одеяла — кирпич долго хранит тепло. За окном минус 54 градуса.

Практически все дети эвакуированы на материк. В первые дни разморозения, до налаживания серийного выпуска "буржуек", погибло много людей — прежде всего стариков и детей, следуя печальным традициям нашего смутного времени.

По Колыме как тени бродят мрачные старатели — скоро новый промывочный сезон, а государство еще не рассчиталось с ними за прошедший. Им бы поехать домой, но билет!.. Билет от Магадана до Москвы стоит 352 тысячи. Да от Ягодного до Магадана 42 тысячи. Так что одна дорога обойдется им в половину месячного заработка, которого они до сих пор не получили.

Кстати, об Аэрофлоте. Из Москвы в Магадан мы улетали четверо суток. Официальная версия: отсутствие ГСМ. На деле все проще: набирали самолет. В итоге летело четыре рейса сразу. У самолета, естественно, давка, волнения. Рухнул трап. К счастью, никто не пострадал.

В полете нас обильно кормили. Как утверждали, курицей. Мне досталось крылышко неведомой птицы, скончавшейся еще до моего рождения. Я подсчитал стоимость обеда и был повержен в изумление: 672 рубля при цене билета в 352 тысячи. Воистину две вечных беды у России: дураки и дороги. В том числе и авиационные...

Вообще же самолет больше напоминал летающий супермаркет. По проходу с частотой вагонетки двигалась сопровождаемая стюардессой тележка, а на ней все, что душе угодно: от помады до вечерних парижских туалетов ки-

тайского производства. Лично я купил бутылку "смирновской". Правда, из-под "полы". Интересно, где у самолета "пола"?

Но вернемся в Ягодное, тем более что я еще здесь.

Не выдают зарплату и местным жителям (последняя была за октябрь). Взаиморасчеты с населением происходят следующим образом: в счет грядущей зарплаты по ведомости выдаются продукты, население несет их в магазин, где и продает за более низкую цену, получая тем самым наличные деньги.

Все бы это было смешно, кабы не было так грустно. Что-то это напоминает: войну ли, блокаду, Колыму лагерную...

Мы приехали на Колыму с конкретным проектом от нашей "конторы": взять месторождение под добычу золота. Что ж, золото на Колыме есть. Много золота. Есть серебро и вольфрам. В принципе, каждый метр колымской земли — огромные залежи полезных ископаемых и прежде всего драгметаллов. Казалось бы, бери. Но не тут-то было. Оказывается, самое невыгодное на сегодняшний день производство — добыча золота. Я повторяю: золота! При колоссальных инвестициях максимальная рентабельность составляет 10-15 процентов. Это в идеале. Не учитывая стремительного процесса инфляции и задержек расчетов государства с золотодобывающими предприятиями как минимум на 3-4 месяца, что практически сводит прибыль к нулю. Да еще Магадан душат тридцатидвухпроцентным налогом на прибыль, вопреки всем законам Российской Федерации, по которым предприятие-производитель не облагается налогами на прибыль первые 2 года.

Но как свободно и раскованно чувствуют себя здесь американцы! Как привычна слуху колымчан напевная английская речь, а управление "Северовостокзолото" все больше и больше напоминает департамент штата Аляска. Все это вполне закономерно. Американцам (впрочем, как и везде) на Колыме зеленая улица. Думаю, не им одним. Если российским предпринимателям продают лицензии на месторождения с максимальным содержанием 3 грамма золота на куб породы, то американцам рудные залежи с примерным содержанием 75 граммов на куб. Мотивируя тем, что для освоения рудных месторождений нужны очень крупные валютные инвестиции.

Дело не в этом. Просто мы в своей стране временно — они навсегда.

Они здесь уже и храм поставили. Адвентистов седьмого дня. Обстоятельный такой храм. И бесплатный стоматологический кабинет при храме открыли для самых постоянных прихожан. Славные они все-таки парни, американцы.

Где американцы ставят храм — начинается постепенное выживание местного населения, но с хорошо залеченными зубами.

Зарплата на Колыме такая же, как в Москве, цены в 2-3 раза выше. Да еще витает в воздухе проект ликвидации и без того малосущественных северных льгот, надбавок и коэффициентов. Оно и правильно: американцам наши надбавки ни к чему. На материк не уедешь: трехкомнатная квартира в Магадане стоит в среднем 10 млн. рублей. В Москве за такие деньги и комнаты не купишь. Новое жилье не строится. Третью Колымы — бараки еще тех

незапамятных времен. Да и они постепенно уходят в землю за своими былыми строителями.

Настроение у людей удручающее. Никто ни во что не верит. Ни в правительство, ни в Государственную Думу. В последнюю — особенно. Относительным доверием пользуется Жириновский. Только здесь мне стал понятен феномен его популярности — в его шизофреническом оптимизме та самая надежда, которая, как известно, умирает последней. Больше-то надеяться все равно не на что.

Отец, мы редко пишем друг другу — у каждого уйма дел. Прежде всего, я написал тебе как должностному лицу. А вдруг? Хоть что-то. Ты, твоя партия, часть Думы попытается помочь Колыме, людям, попытается объяснить правительству, что когда становится нерентабельной золотодобывающая промышленность, а люди, добывающие это золото, на грани выживания, то дальше ехать некуда. Ну не Жириновский же будет осваивать этот край известными всем методами?

С надеждой, твой сын.

Сергей Говорухин.

10.02.94 г.

Содержание

Предисловие автора	3
ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ	5
Война с преступностью	6
За все заплачено	21
Наблюдения за ходом военных действий	34
Жуть	51
Так жить нельзя	71
РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ	97
Часть I РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ	98
Великий Сибирский путь	103
Столыпинская реакция	106
Николай Романов	112
Русская армия	119
Первая русская революция	132
Часть II ЛЕНИН	139
Эпоха вырождения	157
ВЕЛИКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	167
Страна воров	174
Россия оптом и в розницу	184
Цена изобилия	200
От Дальнего Востока до Дикого Запада	210
Уральская мафия	222
Уголовно-мафиозное государство	239
Непредвиденная глава (дневник)	253
Есть ли у России будущее?	260
Дневник (продолжение)	276
Племя рабов	290
Дневник (продолжение)	303
Черный понедельник	315
Показания свидетелей	321
Фашизм. Что это такое?	332
Свидетельские показания	
Румянцева О.Г.	335
Выбор России	340
В чужой стране	347
Подготовка к перевороту	349
Путч	357
Останкино (в видеодокументах)	363
Белый Дом	374
В режиме колонии	382

Этой книгой мы открываем новую серию под названием «Беспредел», в которую войдут современные популярные российские и зарубежные авторы, такие как И. Л. Бунич, Н. В. Иванов и другие.

Литературно-художественное издание

Говорухин Станислав Сергеевич

СТРАНА ВОРОВ НА ДОРОГЕ В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Главный редактор А. В. Сердобольский

Редактор И. Куриленко

Художественный редактор Д. Благоев

В оформлении обложки использована фотография автора, выполненная Хайди Холлинджером

Подписано в печать с оригинал-макета 28.10.94. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Журнальная рубленая. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 21,63. Тираж 50 000 экз. Заказ 1382.

Фирма «Шанс». Лицензия ЛР № 062785. ЕЕ 0038, г. Нарва, Энергия 67—10.

При участии СП «Беларэст», АО «Форматэкс».

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

СТАНИСЛАВ ГОВОРУХИН

Режиссер, писатель, публицист, автор многих известных фильмов, в том числе «Место встречи изменить нельзя», «Россия, которую мы потеряли», «Так жить нельзя». Последний фильм «Великая криминальная революция», из которого по ТВ «Останкино» были показаны только лишь фрагменты с необъективными, предвзятыми комментариями. В предлагаемой читателю книге им затронуты многие мучительные для каждого россиянина вопросы.

СТРАНА ВОРОВ НА ДОРОГЕ В СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ

С. ГОВОРУХИН